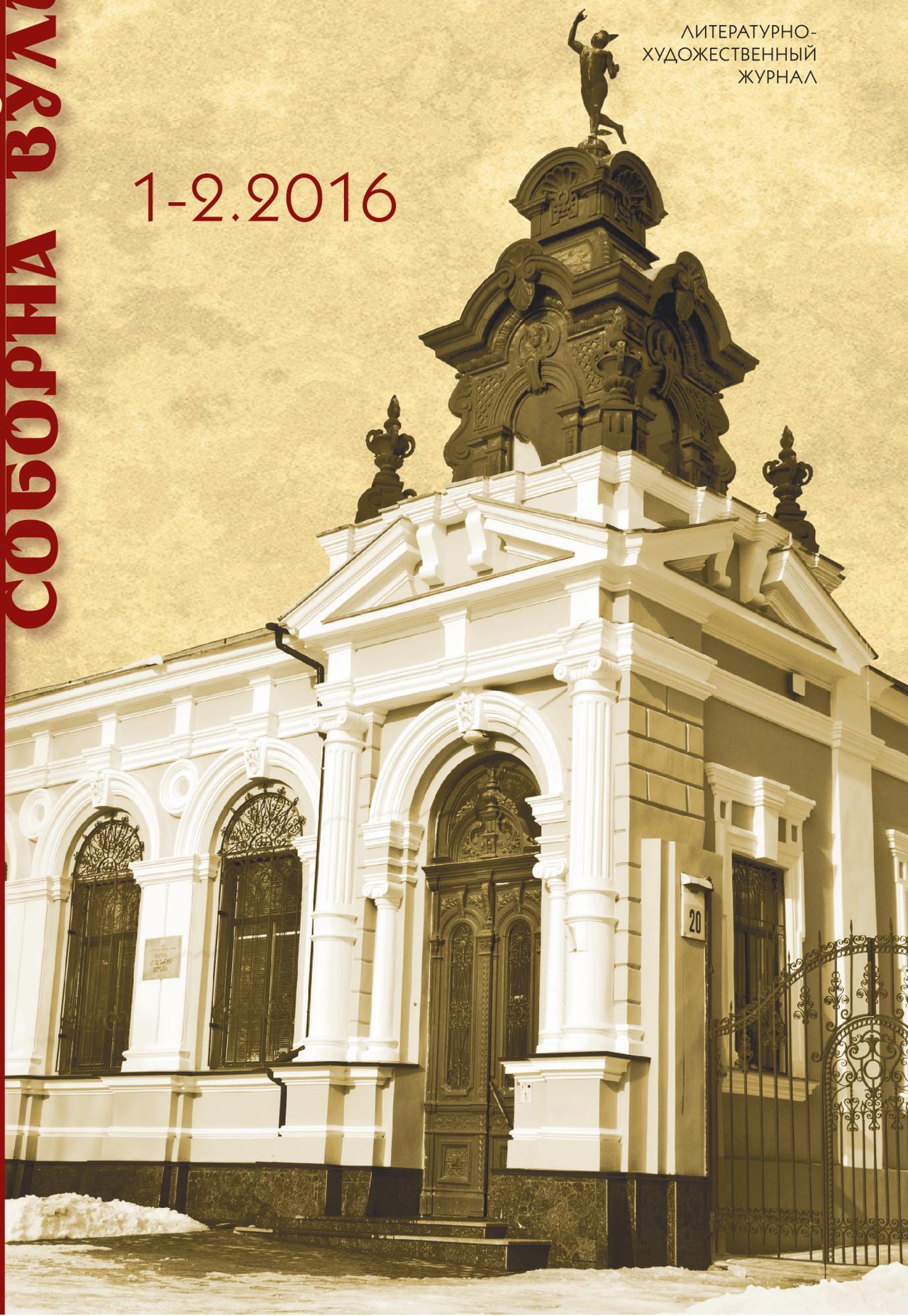

СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ ВУЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

1-2.2016

«ХУДОЖКА»: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВДОХНОВЕНИЯ

Ольга Любенко, 14 лет. «Чудесная ночь».
Ковёр, аппликация (преп. Русинова Н. И.)

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 1-2 (12-13) 2016 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(випусковий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Тарас КРЕМІНЬ
Станіслав МАРТИРОСОВ
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Тетяна ТВЕРДА
Тетяна ФАБРИКОВА

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г. В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 20,93
Замовлення № 1307-1
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки
(термін дії Програми продовжено на
період до 2017 р. рішенням Обласної
ради від 25.12.2015 р.).**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**1-2
2016**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Владимир ПУЧКОВ: Пустые пьедесталы 3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Кирилл ГОРБЕНКО, Юрий ГРЕБЕННИКОВ, Роман КОЗЛЕНКО: Степная Троя 4

Владимир ПОДГУРЕНКО: Ода ветру 14

ПОЭЗИЯ

Олександр СИЧЬОВ: Її величність мова 22

Сергей ВОЙНАЛОВИЧ: Ржавое эхо 26

Юлия ШОКОЛ: Великое древо Гугл 38

Артем КУЦОЛАБСЬКИЙ: Бережи всіх своїх ангелів 43

Ксана КОВАЛЕНКО: Великі, гучні, зелені 56

Ірина ПАВЛЕНКО: Яблука пахнуть дощем 61

Нина ПАЛАМАРЧУК: Воробьиным вереском 75

Сергій КОЛОМІЄЦЬ: Зриваючи сутінь мовчання 80

Юлія КРЕМНЯК: Листи бойовики і миротворці 97

Олексій КВАША: Вірші про тварин 101

ПРОЗА

Константин КАРТУЗОВ: Книга-жизнь. *Рассказ* 31

Евгения БАРДИНА: Вы только посмотрите! *Короткая проза* 35

Ольга СКВИРСКАЯ: И не можешь опомниться. *Короткая проза* 47

Євген МЕХЕДА: Вже є що втрачати. *Есеї* 51

Лілія БОНДАРЕНКО: Выпускной. *Оповідання* 65

Степан ЧИГИНЦЕВ: Ты есть – всё! *Притчи* 71

Елизавета БЕЗУШКО: Бабочка и лунный свет. *Рассказ* 104

Виктория РОМАНЕНКО: Выброшенные. *Рассказ* 106

ДРАМАТУРГИЯ

Дарина БЕРЕЗИНА: Bye-bye, baby, або Риба в натюрморті. *Песа* 84

ПУБЛИЦИСТИКА

Елена ПОНОМАРЁВА, Игорь ГАВРИЛОВ: Новые времена – новые символы 108

Людмила СТАРОВОЙТ: «Крізь наше серце йшла історія...» 114

Наталья ЯБЛОНОВСКАЯ: Писатели и медийщики: мера сближения 118

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: Скифские зори Бориса Мозолевского 122

Юрий ЛЮБАРОВ: XIX век. Николаевские мастера светописи 131

ВЫШЕ ВАТЕРЛИНИИ

Маршруты «Спасского трамвая». *Поэтическая акция или мини-фестиваль?* 136

МАСТЕРСКАЯ

Наталья САПАК: «Айванабугу». На пути к мастерству 142

Евгения КРУЧИНИНА: «Художка»: десять лет вдохновения 148

Елена ЖАТЬКО: «Мать» К. Чапека в театре русской драмы 153

Наталья ХРИСТОВА: Двойная жизнь Александра Сайковского 159

АРХИВ

Інна БЕРЕЗА: Наша Дніпрова Чайка 162

Людмила ВАСИЛЕВСЬКА-БЕРЕЗИНА (ДНІПРОВА ЧАЙКА):

Дівчина-чайка. Скеля. Морське серце. *Поезії в прозі* 164

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Наталья МОРКВА: Николаевской книге быть! 169

Книги-победители X областного конкурса «Лучшая Николаевская книга» 173

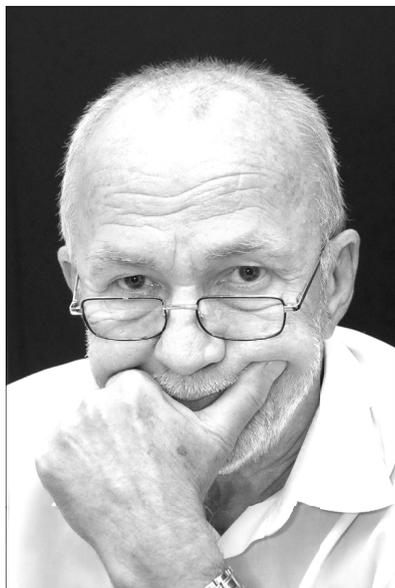
Издательский перекрёсток. Мемуары Вальтера Феста. Хвалить нельзя ругать 175

ЭКСЛИБРИС

Алексей ТОРХОВ: Из библиотечной коллекции 177

ОБЛОЖКА

Алексей БАЙБОРОДИН: Дом Эрлиха на Спасской 180

ПУСТЫЕ ПЬЕДЕСТАЛЫ

В далёком детстве, в конце 50-х, в заросшем травой Варваровском парке под кронами старых гледичий стояла, помнится, странная каменная тумба – пустой постамент. Раньше тут в полный рост высился штампованный – не то из гипса, не то из бетона – «Великий Кормчий». Потом разжалованного «Генералиссимуса» как-то незаметно, под покровом ночи, сняли и куда-то дели. А пустой постамент остался.

К нему быстро заросла народная тропа. Как только перестали к нему цветы возлагать по праздникам – так и затянулась утоптанная дорожка жёстким пыреем да мягким спорышом.

Впрочем, весной, в субботники, когда выгребали прошлогоднюю листву и осыпавшиеся стручки гледичии, когда по старому парку весело дымили костры из жухлого бадылья и отсохших веток, – заодно белили и пустой пьедестал. Заботливые хозяйские руки и его, бесполезного, мазали свежей известью, чтоб не бросался в глаза, неухоженный. И тогда опустевший постамент как

бы становился естественной и безобидной частью предпасхального пейзажа.

Мальчишками мы исхитрялись взбираться на него, дурашливо примеряя монументальные позы. Взрослые, замечая наши шалости, реагировали по-разному. Одни потешались вместе с нами, другие укоризненно качали головой, проходя мимо. Лишь один – одноногий фронтовик, вечно подвыпивший и суровый, – грозил тяжёлым костылём, выкрикивая что-то о «благодарностях Верховного Главнокомандующего», и потемневшие медали на его засаленном пиджаке звенели, наливаясь гневом...

Став немного старше, я прочитал короткое стихотворение Александра Твардовского о монументах, и оно запомнилось на всю жизнь. Особенно последнее четверостишие:

*...Всё, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том, что сам собою камень –
Он не бывает ни добром, ни злом.*

Всегда вспоминаю эти строки, глядя на пустой пьедестал, нелепо торчащий посреди главной николаевской площади и декоративно, наспех, покрашенный патриотическими цветами. Нет, не вздыхаю ностальгически по «Великому Вождю», которого варварски свергла торжествующая толпа. Ну, свергли – и ладно, время его прошло, в музейный двор – там ему самое место.

Но что – после этого главная городская площадь похорошела? Стало легче нам всем жить и дышать?..

Не должно быть пустых пьедесталов! Уберите её к чёрту вовсе – эту дурацкую обезглавленную тумбу, символ зависшего межвременья!

Потому что для одних она торчит в центре города восклицательным напоминанием о былом величии и стабильности.

Для других – лезет в глаза бесполезным неммым укором: дескать, не уберегли, не сохранили.

А для некоторых служит соблазном – наспех водрузить туда собственного скороспелого кумира, альтернативного золочёного идола, чтобы свято место не пустовало.

Молодым свойственно быть безжалостными к прошлому и его атрибутам. Они уверены, что завтра всегда лучше, чем вчера. Но вандалы, увешанные «гаджетами», по сути, ничем не отличаются от вандалов, облачённых в козы шкуры.

Нынешнее молодое писательство пытается нащупать тропинку в возникшем на сломе эпох вакууме и самоутвердиться на этой зыбкой почве. Трудная миссия.

...А голуби растерянно кружатся над опустевшим постаментом, суеверно боясь залетать в пространство, которое занимала вынутая из него бронзовая фигура. Чуют пернатые – это уже мёртвая зона.

Владимир ПУЧКОВ

Кирилл ГОРБЕНКО
Юрий ГРЕБЕННИКОВ
Роман КОЗЛЕНКО

СТЕПНАЯ ТРОЯ...

Мы, наконец, Океан переплыли глубоко текущий.

.....
*Двинулись вдоль по течению реки Океана, покуда
К берегу там мы пристали и, взявши овцу и барана,
К месту тому не пришли, о котором сказала Цирцея.*
(«Одиссея» /XI, 10–20/, перевод В. В. Вересаева)

Дикий Сад – град бронзового века

Великий Гомер в своей бессмертной поэме «Одиссея» описал земли и людей южной части современной Украины. Строка из поэмы – «там страна и город мужей киммерийских...» – это наши ландшафты эпохи позднего бронзового века (конец II тыс. до н.э.). Во всемирной истории он стал переломным как для всего человечества в целом, так и для племен Надчерноморья, в частности. В это время интенсивно развивается комплексное хозяйство (земледелие и скотоводство), достигает совершенства металлургия бронзы, происходит демографический взрыв и постепенная дифференциация социально-экономических отношений, что усиливает расслоение общества, укрепляет институт вождей, трансформирует религиозные и идеологические представления.

Процессы трансформации общества становятся особенно ощутимыми на заключительном этапе эпохи бронзы, когда общественные изменения в социуме приняли необратимый характер.

Завершающим археологическим признаком этого исторического периода на юге современной Украины стала белозёрская культура. Её памятники раскинулись на степных просторах Надчерноморья и Надазовья и состоят из поселений, курганов, грунтовых могильников, мастерских литейщиков и кладов (более 160 поселений и свыше 800 захоронений), которые охватывают территорию от Дуная до Дона. Эта культура, с одной стороны, завершает бронзовый век, а с другой, даёт толчок новой эпохе – раннего железного века, когда в нашем регионе появились первые письменные народы – киммерийцы и скифы, когда стали возникать первые политические объединения и государственные структуры.

Время существования племён белозёрской культуры (конец II тысячелетия до н.э.) было насыщено бурными событиями во многих уголках древней ойкумены. Сообщения о них дошли до нас не только в материальных свидетельствах, но и в письменных источниках. Эти исторические события оказали значительное влияние на дальнейшее развитие всего Черноморского и Восточно-средиземноморского регионов.

В то время, когда цивилизации Древнего Востока прошли длительный путь в развитии своей государственности, население Надчерноморского региона только начинало переходить к формированию политических отношений и администрации.

Носители белозёрской культуры достигли достаточно высокого уровня развития родоплеменных отношений, вплотную подошли к формированию раннегосударственных структур. Высокий уровень социальной градации общества чётко фиксируется по материалам погребальных комплексов (право на захоронение под могильной насыпью получают вожди племени или союза племён). Кроме этого, поселения белозёрцев располагались на достаточно большом расстоянии друг от друга, что также требовало создания чёткой социальной организации для установления контроля над большой территорией, т.е. население нуждалось в межплеменном центре. Многолетние раскопки свидетельствуют, что на территории города Николаева таким межплеменным центром, своеобразной «столицей» белозёрских племен, вполне могло быть городище, которое сегодня называется Дикий Сад.

Дикий Сад. Реконструкція

Название местности, где расположен археологический памятник, восходит ещё к началу XIX века, когда возле дома главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева был разбит сад фруктовых и декоративных деревьев, к началу XX века он одичал. Отсюда открывается широкая панорама на слияние рек Южный Буг и Ингул, а также на судостроительный завод имени 61 Коммунара – верфь, с которой, собственно, и начинался город Святого Николая.

В конце 1920-х годов директор Николаевского краеведческого музея Ф. Т. Каминский обратил внимание на обломки керамической посуды, кости животных, которые вымываются дождями на месте древнего оврага. Следуя исторической топонимике, Феодосий Тимофеевич сохранил это название для нового археологического объекта – поселения Дикий Сад.

Что же собой представляла топография и хозяйственная деятельность городища?

Оно было расположено на ровном плато при слиянии рек Южный Буг и Ингул, в самом историческом центре современного Николаева. С юга городище ограждено улицей Набережной и современной насыпью, закрывшей сточную канаву, которая образовалась в первой половине XX века на месте древнего оврага; с севера его ограждают современные постройки, частично уничтожившие древний культурный слой, и остатки древней промоины, которая была приспособлена жителями городища к оборонительным потребностям (внешний ров); с запада Дикий Сад ограждают современные жилые дома, они, по всей видимости, уничтожили культурный слой в его западной части; с востока естественной границей городища является обрыв, террасами спускающийся к реке Ингул.

Во время своего существования (по радиоуглеродному датированию диапазон составляет 1186±0 – 925±0 гг. до н.э.) Дикий Сад занимал высокий мыс обрывистого края плато левого берега реки. Мыс со стороны степи ограждался оврагами и двумя рвами между ними. Общая площадь сохранившейся территории городища более 4 га.

Конструктивно городище состояло из ограждённой рвом «цитадели», «предместья» и «посада», что находился за внешним рвом. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс.

В своих научных отчётах мы указываем: к 2015 году раскопано более 6 500 м² площади Дикого Сада (47 археологических объектов). Среди них – 37 помещений с прилегающими дворовыми площадками; 3 хозяйственные ямы за пределами помещений «предместья»; 2 рва (ров вокруг «цитадели» и ров вокруг всего городища); площадка вдоль рва цитадели с остатками оборонительных конструкций; ритуально-культовый пандус; центральная площадка «цитадели», центральная площадка дальнего «предместья» – 21 яма хозяйственного и ритуального назначения и яма за внешним рвом. Они располагались на ровной площадке между жилищами, образуя своеобразную центральную хозяйственную площадь «предместья». В них были зафиксированы остатки керамической посуды, кости животных и рыбы, остатки обугленных зёрен проса обычного, ячменя, пшеницы двузернянки, культурного винограда и древесного угля.

Мы считаем, что большинство помещений и сооружений возникли одновременно и локализируются на выровненной площадке. Находящийся с севера овраг с очень широким устьем образовывал значительный конус выноса, создавая естественную навигационную ситуацию мол – причал и обеспечивал удобный ступенчатый подъём к жилищам со стороны реки. На противоположном берегу реки находилась боровая песчаная терраса. Вокруг городища росли смешанные леса с берёзами, соснами, дубами, липами, вязами, ясенем, ивами и ольхой. Они обеспечивали местных жителей древесиной разных пород и продуктами охоты (кабан, волк, лисица, благородный олень, сайга, заяц-русак). Эти природные богатства, кроме мяса и шкур, давали жителям Дикого Сада и технологический продукт – кости животных, рога оленей и клыки кабанов для изготовления различных инструментов и предметов.

Одним из главных достоинств местоположения Дикого Сада было обилие различных пород рыб (сом, судак, щука, осетровые, карповые), для которых слияние водных потоков было наилучшей кормовой базой, а заливы с небольшими заливными лугами – нерестилищами. Степная часть территории вокруг городища была приспособлена жителями для пастбищ, в силу природных условий они позволяли круглогодично выпасать домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья). В то время наши степи были злаково-разнотравные (сегодня типчако-ковыльные). Так как климат в XIII–XI вв. до н.э. был более мягким и влажным, жители городища находились в более благоприятных экологических условиях, которые позволяли им развивать и земледелие (выращивали пшеницу двузернянку, ячмень, просо).

Как видим, анализ экологических условий, топография региона позволяют сделать заключение: древнее поселение и городище были самым комфортным местом для развития комплексного сельского хозяйства, занятий скотоводством и земледелием, промыслов, рыболовства и охоты.

Возникновение и положение городища

Основные причины возникновения городища на причерноморской окраине носят субъективно-географический и объективный характер. Дикий Сад – самая северная точка Черноморского побережья с выходом на широкие степные просторы, здесь сравнительно легко намечались удобные маршруты к Волынским и Балтийским месторождениям янтаря. Кроме этого, низовья рек были удобной перевалочной базой сухопутно-морского направления, оживлённым перекрёстком путей по линии восток-запад – север-юг.

Каковы же современные следы древнего городища? От начала освоения территории остался целый ряд объектов: помещение с «пандусом» и нижний культурный слой внешнего рва, отделённый от верхнего заполнения хиатусом. Фрагменты керамических изделий в этих местах также типологически более ранние.

Второй основной этап исследования представлен уже сложившейся системой планировки города – «цитадель», ров, «предместье» («предградье» – «*canabae*»), «посад», – что соответствует «классическому» определению понятия «город» – «*urbs*». На нескольких сооружениях заметны следы разрушения и пожара. В помещениях и рвах археологи обнаружили фрагменты черепов и отдельных костей человека. Но отсутствие наконечников стрел в культурном слое не даёт возможности говорить о военном штурме городища. Зафиксированы следы вторичного использования уже разрушенных помещений с сооружением более лёгких плетёных и камышовых стен и наличие керамики, характерной для степных курганных погребений более позднего времени. Найденные артефакты сви-

детельствуют о том, что Дикий Сад как социально-экономический центр – городище – перестал функционировать и использовался как традиционный административно-культурный центр на пути далёких торговых связей. Об этом свидетельствует и практическое отсутствие археологических материалов в верхней части заполнения рвов.

В геополитическом плане городище контролировало основные меридиональные сухопутные пути по водоразделам. Совершенно очевидно: здесь находится самый короткий путь к прямому водоразделу между Южным Бугом и Днестром – водоразделу, ведущему к самым удобным выходам в Центральную и Северную Европу. И с Запада, и с Востока гидрографическая сеть для пути на Север суходолом настолько запутана и сложна, что южный водораздел использовался с эпохи неолита до средневековья, по нему сарматы проникали в Центральную Европу (Венгрию), а готы – в Северное Причерноморье и Крым.

Поймы рек с песчаными косами, с узким и мелким перекатом между ними – идеальное место для переправы наземных караванов и крайне неудобное для судоходства. Одно из таких образований было и в районе слияния Ингула и Южного Буга. Городище контролировало очень важный транспортный узел в виде переправ и удобной гавани. Все эти феномены зафиксированы в историческое время, и лишь подъём уровня воды за последние 100 лет скрыл, а местами размыл эти образования.

В районе Дикого Сада осуществлялась перегрузка с морских судов на речные долблённые лодки. Дальше движение продолжалось до Бугских порогов, где существовал более удобный выход на водораздел Буга – Днестра, который выводил на путь до Центральной Европы и Балтики. С экономической точки зрения варианты пути на север почти равнозначны. Сушей путь длиннее, а водный – неудобен, т.к. приходилось плыть хоть и против незначительного, но течения. А вот на обратном пути, который шёл с севера, особенно при максимальной загрузке, водный вариант давал значительную экономию по затратам времени и сил. Весь маршрут от Южного Буга до верховьев Западного Буга и Яблонецкого перевала не имеет ни одной переправы и является наиболее коротким. Таким образом, важное стратегическое положение городища Дикий Сад у исследователей не вызывает сомнений.

Кто же является первооткрывателем городища Дикий Сад?

Сегодня мы уважительно называем его имя: человек драматической судьбы, николаевский археолог и краевед Феодосий Тимофеевич Каминский (1888–1978). С 1923 по 1929 годы он возглавлял Николаевский историко-археологический музей, на протяжении многих лет собирал и изучал материалы древних поселений, занимался историей и культурой родного края.

Ф. Т. Каминский начал собирать подъёмный материал (термин археологов) с территории Дикого Сада и окрестностей с августа 1927 года, т.е. именно этот год можно считать датой открытия Дикого Сада. Наиболее значимым событием того времени стала находка большого бронзового котла. Сегодня вместе с другими древними артефактами Дикого Сада котёл экспонируется в Николаевском областном краеведческом музее «Старофлотские казармы».

Второй этап исследований городища связан с работой в нашей области в 1956 году Причерноморской археологической экспедиции Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. Руководил экспедицией заведующий кафедрой археологии Л. М. Славин, а раскопками Дикого Сада – А. М. Малёваный. Экспедиция зафиксировала остатки каменных фундаментов первых помещений в северо-восточной части городища.

Во второй половине 1950-х годов сбор материалов с территории Дикого Сада возобновил и Феодосий Каминский, это уже был третий этап исследований городища. Его сборы подъёмного материала были последними на территории городища в первой половине XX века. Ничего нового к вопросу о характере памятника они не добавили. Учёные надолго утратили интерес к археологическому объекту, за Диким Садам закрепились репутация второстепенного, практически полностью уничтоженного природной эрозией поселения.

С начала 1990-х годов начался четвёртый этап исследований городища, связанный с именем Юрия Спиридоновича Гребенникова. Представление о памятнике постепенно менялось. Новые артефакты позволили пересмотреть культурную принадлежность памятника (Дикий Сад стали относить к белозёрской археологической культуре), его структуру и характер. Были открыты новые

жилые, хозяйственные и культовые помещения, значительно пополнилась и разнообразилась коллекция материальных предметов – керамическая посуда, предметы из бронзы, кости, рога и камня.

С 1998 года начался следующий, уже пятый, этап исследований Дикого Сада, он связан с деятельностью Кирилла Владимировича Горбенко, возглавившего археологическую экспедицию. На рубеже двух столетий были проведены самые крупномасштабные раскопки памятника, они и стали самыми сенсационными за всю предыдущую историю исследований городища. Исследователи обнаружили новые архитектурные сооружения – оборонительные рвы, абсолютно новые предметы – элементы конской узды (псалии), литейные формы, разнообразные бронзовые (кельты) и костяные предметы (такелажный инструмент), были проведены комплексные анализы материалов раскопок.

Что нашли археологи?

Анализ материальных остатков на территории древнего городища дал возможность определить основные виды деятельности его жителей, характер экономических и культурных связей.

Объектом тщательного изучения археологов стал целый комплекс керамической посуды, позволивший выделить основные формы предметов ежедневного обихода древних жителей – корчаги, кубки, горшки, чаши, черпаки, миски, сковороды, жаровни. Обнаружились и орнаментальные мотивы – прочерченные линии, вдавливания, валики, каннелюры, налпы, характерные для археологических культур Надчерноморской ойкумены.

Специфическим показателем хозяйственной деятельности является большое количество различных по форме и размерам сковород, а также плоских округлых жаровен, орнаментированных в подавляющем большинстве косыми насечками по краям.

Изучение этих и других признаков (керамическое тесто, способы формовки) позволяет определить их происхождение как в идеальном воплощении (культурное заимствование), так и в материальном – место изготовления, сырьё, мастера-изготовителя. Технологические особенности керамики дополнительных сведений для выявления контактов с сопредельными регионами не дают, лишь примесь слюды в некоторых керамических фрагментах может свидетельствовать, возможно, об импорте предметов из Трансильвании, где слюда является одним из компонентов керамического теста. Были найдены также фрагменты керамики с розоватым ангобом, особенно внутренним, характер-

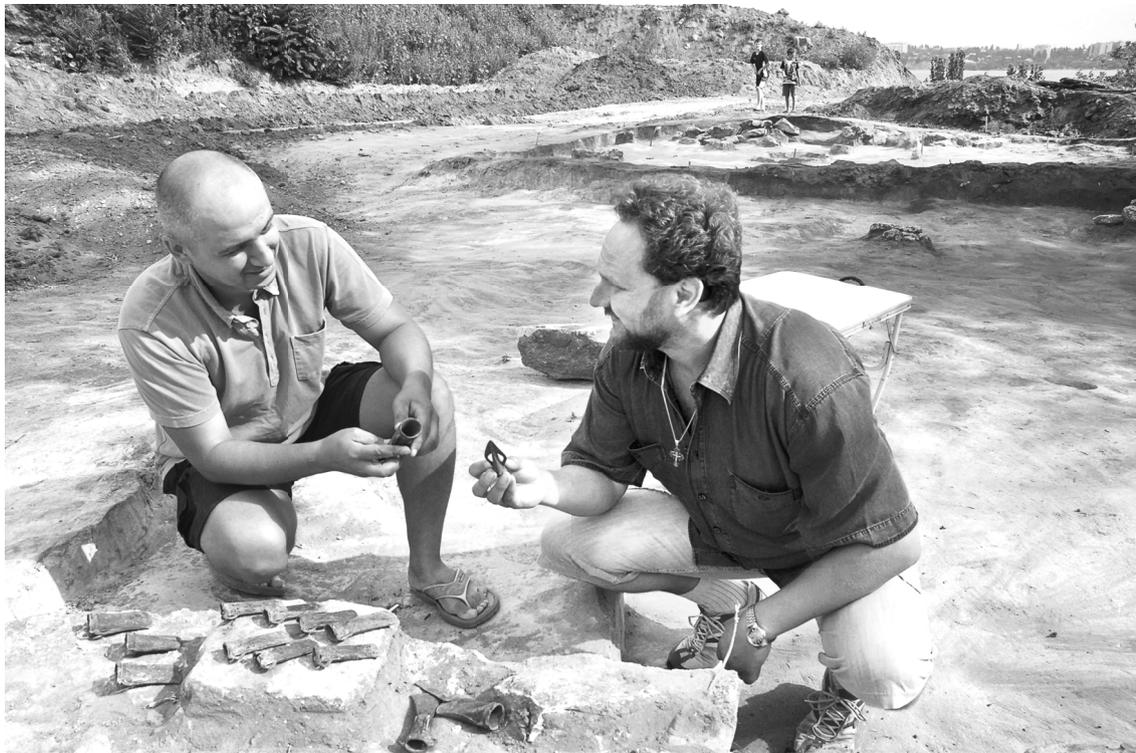

Авторы раскопок Ю. Гребенников, А. Смирнов, К. Горбенко

ным для культур Центральной и Западной Европы. Есть также сосуды местного производства по текстуре и обработке поверхности, орнаменту, но изготовленные с использованием лекала, снятого явно с импортных образцов, прежде всего, характерных для ряда культур Балканского региона и Прибалтики. Образцами такого подражания (или прямого экспорта) являются необычный сосуд, вероятней всего, погребальная урна, горшок с горизонтальными ручками, а также ваза с упором, над которым выделяется граффити с оригинальным символом \wedge . Граффити напоминает символ линейного письма «Б». Аналогичные символы зафиксированы на керамическом диске из помещения № 4 на территории «цитадели». Возможно, данные символы представляют знаки дробно-весовой системы, которая применялась в крито-микенской культуре.

Комплекс металлических изделий, найденных на берегу Ингула, насчитывает 72 предмета: (кинжалы, ножи, ножи-пилки, шилья, рыболовные крючки, долото, булавки, большой котёл, топоры-кельты, наконечник дротика, серьга, браслеты, бляшки, пронизи). Непосредственно с бронзолитейным производством связаны находки трёх каменных литейных форм для отливки наконечника копья, тесла и уздечных колец, сопла и тигля. Типы изделий и анализ металла указывают на торговые контакты жителей городища в северном, западном и восточном направлении. Бронзовые ножи и бляшки имеют прямые аналогии в материалах Карпатского региона. Типы кельтов репрезентуют восточный и западный регионы Надчерноморья. Кроме этого, в некоторых жилищах находились ямы-печи. Подобные печи были пригодны для вторичной обработки металла – переплавки мелких предметов, пайки, горячейковки и т.д.

Изделия из камня представлены более 200 предметами. Среди них выделяются молоточки-курранты, растиральники, зернотёрки, наковальни, литейные формы, гири для отвесов, песты, фигурки животных. Они дают информацию о происхождении источников сырья (изготовленные из местных пород, которые добывались в долинах рек Южный Буг и Ингул, и из пород, распространённых в других регионах – Южные Карпаты, Малая Азия, Средиземноморье). Особое внимание археологи обратили на средиземноморскую породу камня, которая в более позднее время привозилась в Ольвию в качестве корабельного балласта. Наиболее вероятно, в таком случае, связь с Малой Азией, хеттской Милувандой (позже – греческий город Милет). Следует отметить, что среди находок почти отсутствует камень восточного происхождения – Донбасс, Кавказ, Урал и т.д. Кроме

Е. В. Олейниченко, К. В. Горбенко

этого, анализ каменных предметов позволяет определить назначение орудий производства (орудия для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья).

Более 120 обнаруженных изделий из кости относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в мастерских городища. Исследователи восстановили весь цикл изготовления: от кости, рога-заготовки до готового изделия – и определили применение данного предмета (псалии – элементы конской узды, «коньки» – предметы для передвижения по льду, тупики и струги – орудия для обработки кожи и т.д.).

На городище Дикого Сада впервые был найден такелажный инструмент – «свайка», приспособление для кручения канатов. Возможно, принципиальная схема его изготовления пришла к нам из Средиземноморья. Хотя, если принять во внимание то обстоятельство, что мигранты XIII–XII вв. до н.э. из Средней и Восточной Европы, названные «народами моря», имели свои корабли, то изготовление такелажного инструмента вполне могло быть и местной традицией. Этот предмет изготовлен из рога животного и, вероятнее всего, является не рабочим, а ритуально-культовым (вотивным) предметом. Подобный инструмент, несомненно, применялся всеми навигаторами ойкумены, но изготавливался он из твёрдых пород дерева и поэтому не сохранился. Вотивные предметы предполагают определённый культ, а такой культ всё-таки более характерен для народов, у которых морской промысел является основой жизнедеятельности.

Проведённый анализ позволил выделить основные виды ремесленного производства по видам деятельности. На одном из основных мест стоит обработка кости, найдено большое количество не только готовых изделий, но и заготовок и производственного брака. Очень важным производством была обработка дерева: найдено большое количество каменных шаров для плоских горизонтальных подшипников, противовесов-маховиков для вертикальных токарных станков, молоточков-курантов для обработки металла, возможно, для растирания красок. Количество зернотёрок незначительное. В принципе, подобная ремесленная деятельность известна в нашем регионе и в предыдущее время (сабатиновская культура), но появление новых типов изделий – псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент – соответственно, предполагает и появление инноваций в технологиях изготовления. Изготовление псалиев возникло, несомненно, на местной основе. Об этом свидетельствует полностью выявленный технологический ряд: от рога-заготовки до готового изделия.

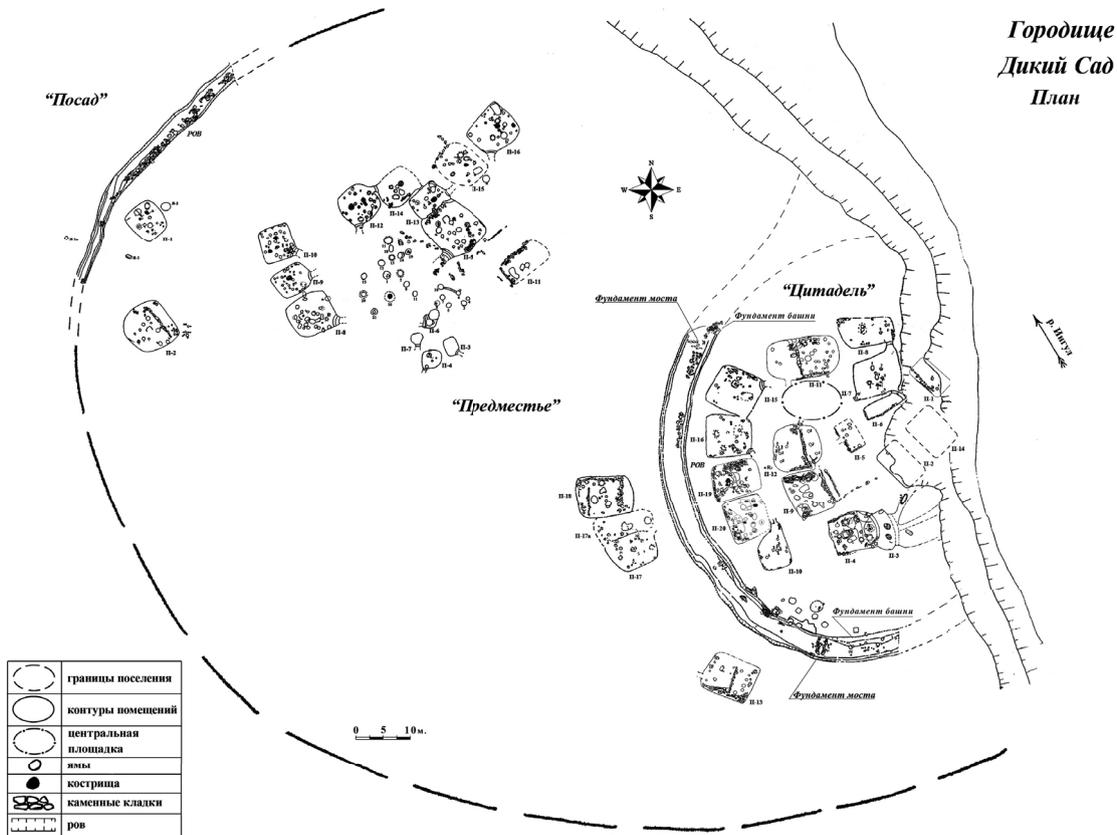
Мастерская со столь полным технологическим процессом пока единственная во всём Евразийском регионе. Находки подобных псалиев на просторе от Дуная до Алтая позволяют утверждать о приоритете изготовления подобных изделий в нашем регионе. Можно также говорить о достаточной интенсивности использования средств передвижения (коней) и о постоянном торговом потоке в регионе.

Об определённых связях свидетельствует и ряд других предметов. В первую очередь, это камень малоазийского (эгейского) происхождения, попавший в виде балласта в регион после морских переходов. В этом же ряду стоят кости дельфина и косточки сушёного винограда, остатки пищи моряков во время плавания или дополнительный предмет торговли. Также был привезён череп росомахи, который использовался в вотивных (ритуально-культовых) целях, возможно, самими мигрантами (путешественниками, купцами).

Как выглядел протогород?

Время существования Дикого Сада, согласно радиоуглеродному датированию, укладывается в рамки с конца XIII до XI – нач. X вв. до н.э., это примерно 200–250 лет. Сомнений в таком большом временном диапазоне у исследователей нет. Остатки бытовых и производственных сооружений несут следы ремонтов, перепланировки, появления на месте ранних помещений поздних другого типа. Существование прибрежного поселения на месте нынешнего города Николаева можно считать вполне доказанным.

Большинство углублённых сооружений «цитадели» и «предместья» были жилыми помещениями. Они имели форму прямоугольника с овальными углами, длинной осью вытянутые вдоль реки Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 5,0–6,0 до 7,0–8,0 м, углублённость от 0,3 до 0,8–1,1 м (жилая площадь составляла от 30 до 56 м²). Наземные конструкции использовались как хозяйственные сооружения – загоны для ско-

Дикий Сад. План

та, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных основ. Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоёв с элементами перевязки. Крыши одно- или двухскатные. Пол утрамбован, со следами неоднократной глиняной подмазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги. Ямы были заполнены керамикой, костями животных и рыбы, а некоторые ямы культового характера были преднамеренно засыпаны чистым грунтом, иногда содержали захоронение человеческого черепа без нижней челюсти, панцирь черепахи, мелкие «гадательные» камни.

Культовые комплексы «цитадели» городища представляли собой углублённые конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши были двухскатные, полы утрамбованы. На уровне полов этих сооружений находились ритуальные ямы. Заполнение ям содержало в разных сочетаниях человеческие черепа, панцири черепах, кости животных, разные керамические сосуды, камни. Большинство таких ям были перекрыты кострищами.

Особенный интерес археологов вызвал ритуально-культовый комплекс, состоящий из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1,0 м. Угол наклона пандуса составлял около 30 градусов, а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня).

Кроме этого, в заполнении ритуально-культового комплекса городища обнаружен керамический «диск» со следами знаковой системы, напоминающей линейное письмо «Б» (эта система письма применялась в Микенской Греции). Символы были нанесены при помощи краски-пигмента чёрного цвета. Восемь из примерно десяти-двенадцати представленных на керамическом диске символов, безусловно, похожи на некоторые символы линейного письма, которые можно поделить на дробно-весовые (\angle – 1/2, λ – 1/3 или 1/6, Λ – 5 кг какой-либо массы или жидкости) и смысловые (\oplus – ка, \S – га, Ψ – се, \times – ке, Υ – са, A – е). Часть символов предварительно объединяются в некоторые смысловые комбинации: ка-га-се – кухонная утварь, посуда; е-ка-га – переносная жаровня; ка-га – голова

животного; ke-ra – дар. Последовательность символов ka-ra i ke-ra могут указывать на отдельную голову или на часть тела животного, которые могли приносить в жертву в храме. При этом символы дробей могли означать части туш, в большом количестве они были обнаружены в помещении № 4. Среди этих символов есть и знаки, которые могут быть идеограммами. Например, знак «га» может означать реку (современный Ингул). Знак «ka» означает «колесо» или движение солнца по небу, а знак «se» – растительное «масло».

Исходя из приведённых данных, можно предложить несколько версий использования жителями городища этого предмета: декоративная импортная вещь, которая использовалась без учёта её смыслового значения в храмовом комплексе; накладная на товар или договор купли-продажи, который утверждался в храме; определение количества товаров, привезённых на городище; предмет как часть какой-либо игры.

Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ритуальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали культ плодородия скотоводческой направленности.

Оборонительные укрепления городища состояли из двух рвов – внешнего вокруг городища и центрального вокруг «цитадели».

Внешний ров (ширина 2,0 м) проходил по оси юго-запад – северо-восток. Вдоль внутреннего борта рва располагалась каменная гряда. Исходя из расположения камней, можно предположить, что это была облицовка внутренней стенки рва. Возможно также, что эта кладка выполняла функцию фундамента ограда или оборонительной стены.

Ров, ограждавший «цитадель» городища, в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток – северо-запад. Ширина рва 5,0 м, глубина 2,5–3,0 м. Заполнение рва насыщено керамикой, орудиями труда из камня, кости и бронзы, костями животных и рыбы, а также черепами и костями людей. В южной части рва располагался каменный фундамент моста, изготовленный из больших известняковых плит. Фундамент был вытянут поперёк рва по линии север – юг и состоял из двух фасадов. Длина фундамента моста почти 4,0 м, ширина 2,0 м. На дне внутренней части фундамента зафиксированы фрагменты керамики, костей животных и рыбы, а также остатки горелого грунта – следов совершения определённого ритуала, связанного с принесением строительной жертвы. Возможно, что жертва была принесена в керамических сосудах, которые были уложены в основание фундамента для придания конструкции крепости и мощности в сакральном аспекте. Сам мост был деревянным и служил для прохождения на «цитадель».

Второй фундамент моста располагался в северной части рва. В отличие от первого, второй каменный фундамент менее массивен (более мелкие известняковые плиты) и, вероятно, предназначался для более лёгкой конструкции деревянного моста. Второй мост соединял «цитадель» городища с его «предместьем», т.е. выполнял функцию внутренней коммуникации для пешеходного перехода.

За фундаментом второго моста располагался мощный завал камней. Расположение камней позволяет предположить, что это была некая прямоугольная или овальная конструкция, которая служила специальным оборонительным сооружением или сторожевым пунктом («бастион» или «башня»), при сооружении которого использовались различные материалы (камень, дерево, глина). Аналогичное скопление камней было зафиксировано и в южной части рва городища за фундаментом первого моста (сторожевая башня при въезде на «цитадель»).

Таким образом, сторожевые конструкции маркировали мосты городища и фланкировали ров «цитадели» в целом. При этом функцию оборонительной стены «цитадели» выполняли стены помещений, расположенных вдоль рва и примыкающих друг к другу.

В материалах памятника фиксируются различия и в социальной направленности отдельных комплексов. Они определяются по составу пищи (исходя из костных остатков), набору керамических сосудов, по «комфортности» помещений и количеству различных приспособлений в виде ям-погребов, ям-печей в различных помещениях, разнообразию культов, не дублирующих друг друга, а определяющих сложный жизненный цикл, связанный с охранной магией (черепки людей, антропоморфные стелы, специфические животные, огненные ритуалы). Вероятнее всего, жители практиковали торговые культы, культы плодородия (каменные макеты фаллосов) и культ предков.

Таким образом, в период расцвета городища (XII–XI вв. до н.е.) в его границах складывается чёткая система городской планировки с наличием жилых, хозяйственных, ритуально-культовых и

оборонительных сооружений, что даёт основание считать Дикий Сад не простым посёлком, а протородом.

Учитывая все вышеизложенные факты, городище Дикий Сад можно охарактеризовать как наиболее яркое явление среди археологических памятников эпохи финальной бронзы южной Украины. По сути, Дикий Сад – это единственный из сохранившихся археологических памятников, который можно считать причерноморским городищем-портом времён легендарной Троянской войны и последующей истории. Вполне возможно, что местное городище выполняло функцию культурно-религиозного и торгово-экономического центра южной части Восточноевропейского региона.

Какие материалы городища Дикий Сад указывают на контакты населения региона с населением окружающих территорий ойкумены? Весь комплекс доказательств подобных контактов мы сформировали в следующие группы:

1. Особенности планировки городища (соединение местных и пришлых архитектурных традиций, особенно в сфере фортификации оборонительных сооружений).
2. Смешанный характер керамической посуды, которая имеет аналогии среди Эгейского и Балканского круга культур.
3. Керамический диск с символами, которые напоминают микенское письмо Б (самая загадочная находка в коллекции, возможно, прямой импорт из эгейского мира).
4. Каменные предметы, изготовленные из малоазийских и центральноевропейских пород, которые попали на городище вследствие экономического обмена.
5. Наличие в хозяйственных и культовых ямах зёрен культурного винограда, который в то время не выращивали в нашем регионе (виноград мог попасть на территорию городища только с территории нижнего течения р. Дунай).
6. Бронзовые предметы, изготовленные из сырья западных регионов (Карпатских и Дунайских).
7. Такелажный инструмент для ремонта судов.

В свете этих фактов очень интересно выглядит единственное упоминание Гомером племени киммерийцев: «...Там страна /народ/ (δῆμος) и город (πόλις) мужей /людей/ киммерийских, всегдашний сумрак там и туман...» Как видно из текста, у Гомера речь идёт именно о стране (народе) и городе киммерийцев, а, согласно мнению ряда отечественных археологов, племена сабатиновской и белозёрской археологических культур относились к раннему этапу формирования киммерийского этноса в Надчерноморских степях.

Опираясь на эти научные гипотезы и свидетельства, правомерно утверждать, что городище Дикий Сад и является «градом людей киммерийских», о котором упоминает Гомер в «Одиссее».

Кирилл Горбенко, ст. преподаватель кафедры археологии ННУ им. В. А. Сухомлинского, руководитель раскопок городища Дикий Сад с 1998 года.

Юрий Гребенников, кандидат исторических наук, руководитель раскопок городища Дикий Сад в 1991–1998 гг.

Роман Козленко, научный сотрудник лаборатории археологии.

Владимир ПОДГУРЕНКО

ОДА ВЕТРУ

*Ветер, ветер –
На всём божьем свете!*

А. А. Блок

Море, ветер и парус

Море – колыбель человечества. Ветер был первым природным источником энергии, использованным человеком для своего блага, а парус – первое и, пожалуй, самое важное изобретение человека. Древние греки относили изобретение паруса к тем же далёким временам, когда был освоен огонь и приручены дикие животные. В длинном ряду благодетелей, которыми Прометей осчастливил род человеческий, Эсхил (ок. 525–456 до н.э.) упоминает и парус: «льняными крыльями суда снабдил и смело по морям погнал».

Если существовал Ноев ковчег, то он, вероятно, плыл под парусами.

Энергия «от уст Эола» впервые была использована на парусных судах, служивших главным транспортным средством для перевозки товаров по Нилу в древнем Египте. Из старых документов доподлинно известно, что уже четыре тысячи лет тому назад отважные финикийцы, жившие на восточном берегу Средиземного моря, интенсивно пользовались парусом. Он был примитивным и несовершенным, но с его помощью финикийцы доплыли до устья Нила, где организовали бойкую торговлю с египтянами, а две с половиной тысячи лет назад даже совершили первое, описанное в истории, плавание вокруг Африки. Перед людьми, овладевшими энергией ветра, открывались океаны.

Именно море, ветер и парус позволили человечеству открыть, завоевать и познать мир.

Есть в Украине народная сказка. Шёл как-то человек по дороге. Ему повстречались трое. Человек поздоровался и пошёл дальше, а трое поспорили: кому он пожелал доброго здоровья? Спорили, спорили – не решили, догнали этого человека и спрашивают, кому он пожелал добра. А тот, в свою очередь, спрашивает их: кто вы такие? Один говорит, что он Солнце, второй, что он Мороз, а третий, что он Ветер. Подумал прохожий и отвечает: «Я пожелал доброго здоровья Ветру». Солнце и Мороз обиделись. Солнце говорит, что сожжёт посеvy прохожего. А Мороз пригрозил заморозить их. Но тогда Ветер сказал человеку: «Не бойся, в жару я подую прохладой – не сгоришь, а в мороз я дохну теплом – не замёрзнешь». Сильнее солнца и мороза оказывается по народной мудрости ветер. Недаром в народной песне поётся, что «без ветра не родит жито, без ветра трава не шумит».

У разных народов с ветром связаны различные легенды, сказания и мифы. Раскроем «книгу книг, средоточие мудрости, высший авторитет для античного человека» – «Одиссею» «божественного» Гомера. Одиссей рассказывает о своих приключениях:

*Скоро на остров Эолию прибыли мы; обитает
Гиппотов сын там, Эол благодный, богами любимый.*

Песнь X, 1–2

Бог ветров Эол даёт Одиссею проводником Зефира и вручает ему мех с заключёнными в нём прочими ветрами.

*Дал он мне сшитый из кожи быка девятигодового
Мех с заключёнными в нём буреносными ветрами; был он
Их господином, по воле Крониона Дия, и всех их
Мог возбуждать иль обуздывать, как приходило желание.*

*Мех на просторном моём корабле он серебряной нитью
Туго стянул, чтоб ни малого быть не могло дуновенья
Ветров; Зефиру лишь дал повеленье дыханьем попутным
Нас в кораблях по водам провожать.*

Песнь X, 19–26

В мифологии индусов известен Рудра – глава ветров и гроз; под именем Сивы его считали богом разрушения и смерти. Японцы в своих фантастических символах олицетворяли духа бурь в виде дракона. Они представляли его среди чёрного, зловещего дождя морским дивом, чудовищем, обрушивающимся на Землю из облаков, где царствовали бог грома – сгорбленный старик, который яростно колотил в звонкие барабаны, и бог ветров, летавший в воздухе со всегда полными мехами на плечах.

В рукописных «Анналах» Тайваня за 1694 г. была сделана запись о том, что «тай» – это бурный ветер, «продолжающийся несколько дней подряд и дующий от всех стран света». «Если он дунет с севера, то повернёт к востоку, от востока – к югу и далее, пока не закончит полного круга. Тай не может прекратиться, пока ветер не обойдёт всего круга».

Легенда донесла до нас, что когда-то тайфуны называли японским словом «камикадзе», что значит «ветер, насылаемый злыми духами». По преданию, в 1281 г., когда внук Чингисхана Хубилай задумал завоевать Японию, он решил поставить поперёк Корейского пролива десять тысяч судов, чтобы соединить их деревянным настилом и пустить по этому мосту свою конницу. Но внезапно налетел тайфун, и почти вся армада Хубилая пошла ко дну... С тех пор в истории Японии под словом «камикадзе» понимают «божественный ветер», а тайфун означает «ураган».

Наш земляк профессор С. В. Пронь своими поисками уточнил японскую версию поражения Хубилая, которая привела к гибели 70000 людей. Это использование ими речных лодок, не пригодных на море. К тому же число их было не 10000, по данным летописцев, склонных всегда к преувеличению, а всего 4400.

Слово «камикадзе» всему миру известно и в другом значении: так назывались японские лётчики-смертники. Верховное командование рассчитывало, что получившие такое название молодые пилоты смогут нанести врагу аналогичный историческому преданию сокрушительный удар. Эти

подразделения самоубийц официально назывались Токкотай, т.е. «особые атакующие эскадрильи», – сокращённо Токко.

Как следует из книги «История: правда и вымысел» (пер. с англ.: Лондон – Нью-Йорк – Сидней – Москва: ЗАО «Изд. дом Родерз Дайджест», 2005. – 320 с.), до конца Второй мировой войны камикадзе потопили 45 боевых кораблей, повредили около 300, в том числе 12 ударных авианосцев, 15 линкоров, 16 лёгких и эскортных авианосцев. Это стоило жизни 5000 японских пилотов-камикадзе. 39 человеко-торпед «Кайтен» («путь в рай») потопили 1 танкер и 4 транспорта.

Польская поэтесса Мария Павловская-Ясножевская характеризует ураган так:

*Небо в чёрном гневе.
Толпы туч. Рокот.
Счастливы деревья!
Вышуметься могут!*

В Библии – книге «Исход» – повествуется о том, как бог отвёл море сильным восточным ветром. Автор легенды использовал естественное явление сгонно-нагонных течений на мелководьях, когда ветер оголяет мели. Притча отражает страх, который вселял в людей сильный восточный ветер, и внушает суеверие, что «ветер – божье дыхание».

Признаки непогоды накопились в памяти аборигенов с незапамятных времён. Ранее других народов с ними познакомились китайцы, индонезийцы, индийцы, японцы. Издревле у японских крестьян известна старинная примета, что в так называемый двухсотдесятый день – Нихиакутока, приходящийся на начало сентября, к Японии обязательно приблизится тайфун с сильными ливнями и ураганскими ветрами. Действительно, в это время года к берегам Японии приближается тропический циклон: здесь лежит «большая дорога тайфунов», их сентябрьский путь обусловлен всеобщим воздухообменом на планете. И поэтому ливни и ветры в начале сентября в Японии так же обычны, как, например, морозы в России в январе.

О тепле и покое воздуха мечтали и северные народы, которым приходилось много сил тратить на защиту от непогоды. Не потому ли возникла легенда о шведском короле Эрике? Его считали святым и всесильным. По преданию, Эрик мог направлять ветры в ту сторону, куда он поворачивал козырёк своей шапки. В сказаниях, мифах и легендах святые и божества считались всесильными именно потому, что «могли» вызывать или прекращать ветер, одолевать бурю.

Мифические верования наблюдаются и сегодня. Примером могут служить гигантские изображения богов из риса в Японии. Фермеры из префектуры Аомори на острове Хонсю, посадив разноцветные рисовые колосья, создали на полях гигантские изображения богов ветра и молнии.

Лучше всего произведения сельхозмастеров наблюдать с аэроплана, поскольку в длину фигуры мифических персонажей достигают 150 метров и 100 метров в ширину.

Уникальная техника посадки различных культур риса, которые в зависимости от этапа развития меняют цвет верхушки стебля, используется в Аомори с 1993 года, однако в 2006 году масштаб произведений впечатлил даже самих создателей: в изображениях присутствуют жёлтый, зелёный, фиолетовый и красный цвета.

Фигурки богов выбраны не только из-за их национального колорита. Как отмечают в Аомори, это и своего рода оберег для получения большого урожая. Живые рисовые полотна наблюдаются до середины августа. Другой пример. Современная Испания, «остров покоя» Майорка. Сверхразвитая индустрия туризма... В области Райгер находятся два крупнейших гончарных центра Майорки – Са-Кабанета и Портоль. Самая типичная их поделка, пользующаяся спросом у туристов, – это сиурель, глиняные свистки в форме наездника, дамы или демона, выкрашенные в белый цвет и разрисованные красными и зелёными полосами. Значение этих фигур связывают с традицией примитивных народов «вызывать ветер» с помощью свиста, когда приходит пора веять и обмолачивать зерно.

Ветер, ветер! Ты могуч!

Ветер вездесущ. Английский писатель Дж. Конрад назвал ветер повелителем погоды: во всём мире материков, океанов, морей, проливов, мысов, побережий, лагун нет такого уголка, который не был бы подвластен его величеству Ветру. В Йосемитском национальном парке Калифорнии

туристы обычно фотографируют изуродованное постоянно действующими западными ветрами дерево. С давних пор шквалы, штормы, бури, ураганы и смерчи считались врагами моряка. Но давайте познакомимся с ветром – рабочим, ветром – трудящимся, ветром – другом моряка. Начнём с местных ветров. Они были самыми первыми «приручены» человеком. К ним относятся бризы. *Бризы* – это лёгкие ветры, okayмляющие, как бахромой, все берега материков и больших островов и связанные с суточным колебанием температуры. Отличающая их периодичность вызвана различием температуры суши и моря днём и ночью. Ночью берег охлаждается быстрее и сильнее, чем масса морской воды. Поэтому тёплый воздух поднимается над морем, а ему на смену струится с берега более холодный – береговой бриз. Днём суша нагревается быстрее и сильнее, чем море. Тёплый воздух поднимается над береговой полосой, а на его место устремляется прохладный воздух с моря – морской бриз. Поэтому при ясном небе и слабом ветре можно ожидать, что к утру береговой ветер прекратится и с восходом солнца его сменит ласковый и прохладный ветер с моря – морской бриз.

Не скажешь о бризах лучше С. Н. Сергеева-Ценского:

*Какую свежесть к нам принёс
Сюда, на берег, вниз,
Наш санитар, наш пылесос,
Наш шаловливый бриз...*

Но только наблюдения помогают ответить на вопросы о том, когда начинается очистка берега от дневных испарений и как глубоко на сушу проникает дыхание моря. Широка бризовая зона на берегах Крыма: на суше – до самых обрывов, в море – на 20–30 миль. Не потому ли поэты и писатели называют Южный берег легендарной страной счастья Аркадией?

Однако бризы – не всегда слабые ветры. Очень часто морские бризы довольно «свежие» (по-французски «brise» – свежий ветер). Бризы – ветры-труженики – использовались древними мореплавателями, совершавшими прибрежные плавания.

Вторыми по значению постоянными ветрами, работающими непрерывно, являются муссоны. Эти ветры дуют в Индийском океане и связаны с сезонным изменением температуры материка и океана. Летом солнечные лучи сильнее нагревают сушу (побережье Индийского океана), и ветер дует с моря на сушу. Зимой сильнее остывает земля, поэтому море оказывается теплее и муссон дует с суши на море.

Муссоны Индии и Аравии были известны грекам со времён походов Александра Македонского. Арабы использовали их для регулярных океанских плаваний с давних времён. Вращение Земли вызывает появление сил Кориолиса, которые отклоняют муссоны вправо. Летом дуют юго-западные муссоны, а зимой – северо-восточные. Выбирая для регулярных торговых плаваний определённые сезоны, можно ходить на паруснике в ту или иную сторону только попутными ветрами (фордевинд, бакштаг).

Не эти ли походы воспеты бельгийским поэтом Эмилем Верхарном:

*И тёплый ветер был попутным и упорным,
Толкая корабли – с которых пор? Куда?*

Название «муссон» происходит от арабского слова «мавсим» – время года. Муссоны могут достигать такой большой силы, что вызывают в Индийском океане соответствующие приповерхностные течения, иногда значительные по скорости.

Следующая группа «работающих» ветров – пассаты, возникающие в широкой экваториальной зоне. Это уже ветры глобального характера. Наиболее сильно нагревается Солнцем поверхность Земли вблизи экватора. Нагретый от Земли воздух поднимается вверх и уходит на север и юг. На его место к экватору устремляется два потока воздуха – с севера и юга. Восходящее движение экваториального воздуха втягивает их, как печная труба или вентилятор. Вращение Земли отклоняет потоки воздуха, мчащиеся с севера и юга к западу. В результате устанавливаются дующие круглый год с постоянной силой северо-восточный пассат в северном полушарии и юго-восточный пассат в южном полушарии.

Пассаты дуют в приэкваториальной области, заключённой между 25–30° северной и южной широтами. В северном полушарии пассаты охватывают 11% всей поверхности океанов, а в южном – 20%, т.е. это довольно обширная область. Сила пассатного ветра обычно 2–3 балла,

но бывает и более. Пассаты вызывают соответствующие приповерхностные течения в океанах. Встречаясь вблизи экватора, пассаты двух полушарий образуют так называемую зону затишья, или зону экваториальных штилей. В этой зоне сильно развиты восходящие потоки воздуха, что приводит к образованию кучевой и грозовой облачности. Здесь особенно много ливневых дождей и интенсивных гроз. Слово «пассат» голландского происхождения и, как предполагают, произошло от сокращения испанской фразы «viente de pasada» – «ветер для переезда». Впервые с пассатами европейцы встретились во время первого плавания Колумба в Америку. Постоянство пассатов сначала пугало европейских мореплавателей, привыкших к неустойчивым ветрам своих морей. Спутники Колумба приняли пассаты за действие дьявольской силы и со страхом думали, не всасывается ли этот ветер в какую-нибудь бездну на краю Земли, куда он завлечёт и их корабли. В эпоху парусного флота устойчивые пассаты играли огромную роль в развитии морской торговли, в организации её регулярности. По этой причине англичане, главные торговцы на море, называли пассаты «торговыми ветрами». Это название закреплено в составленной в 1686 году первой карте ветров над океаном.

О пассатах вспоминают и современные моряки. Например, Д. А. Лухманов, капитан парусника «Товарищ»:

*Поёт пассат, как флейта, в такелаже,
Гудит, как контрабас, в надутых парусах,
И облаков янтарные плюмажи
Мелькают на Луне и тают в небесах.*

Устойчивость и постоянство пассатов поразительно. Об этом образно сказал русский писатель И. А. Гончаров: «По-русски приличнее было бы назвать пассат вечным ветром. Он от века дует одинаково, поднимая умеренную зыбь, которая не мешает ни читать, ни писать, ни думать, ни мечтать...»

И, наконец, последний постоянный ветер глобального значения – *западный ветер*, дующий круглый год с запада на восток в широкой полосе от 40 до 60° южной широты (вдоль кромки дрейфующих льдов с Антарктиды). Это самый могучий постоянный ветер. Сила его достигает 8–10 баллов и редко бывает менее 5 баллов, причём, чем южнее, тем он свирепее.

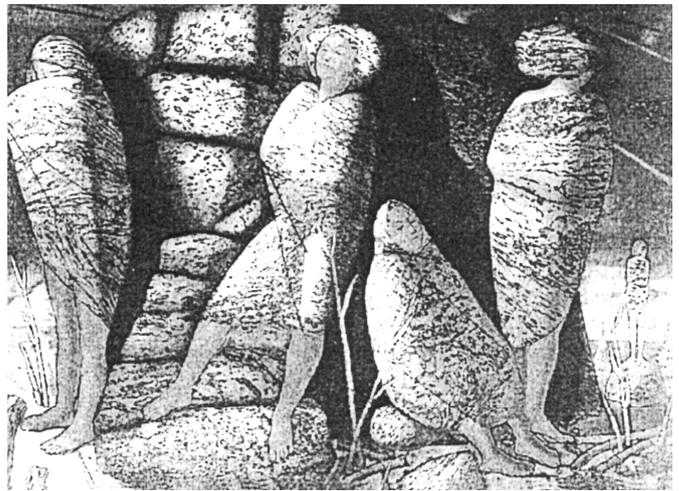
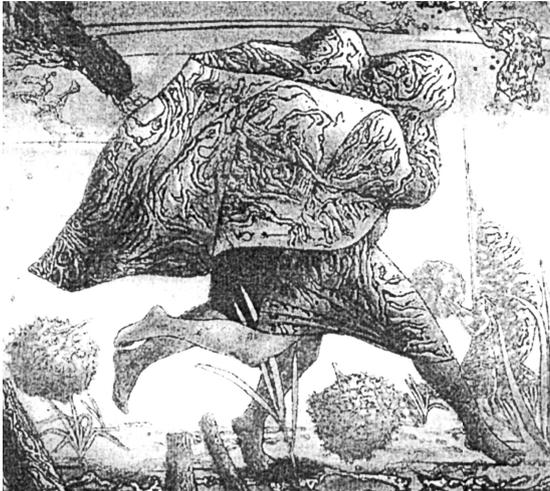
Вечное движение с запада на восток огромных воздушных масс было открыто Магелланом во время его кругосветного плавания. Западные ветры широко использовались парусными судами, совершавшими кругосветные плавания, а также торговыми клиперами. Моряки парусного флота прозвали зону между 40 и 50° южной широты «ревущими сороковыми», а зону между 50 и 60°, где особенно много штормов, – «вопящими пятидесятыми» (иногда «гремящими пятидесятыми»). В этой полосе также действует мощное течение западных ветров.

Как бы ни был защищён человек, встречаясь с бурей, он испытывает ощущения, которые так образно выразил К. Г. Паустовский (1892–1968): «*Я стоял перед штормом лицом к лицу – жалкая, теряющая последнее тепло человеческая пылинка, – а он гремел, нёс стремительные железного цвета валы, рушил их в тёмные бездны, швыряя в набухшее небо извержение брызг и холодного пара, накатывался тысячетонными холмами, рвал и летил с размаху в лицо липкой пеной...*»

В такие моменты не скажешь, что любишь, когда ветер свистит в ушах и треплет на голове волосы: речь идёт уже не о волосах, а о самой голове.

Дует ветер... Обычное из обычных явлений природы. Знакомое и понятное каждому. Порой приятное. Иногда неприятное, вызывающее тревогу. Устрашающее своей стихийной силой. Когда туристский лайнер неторопливо входит в Цемесскую бухту, в глубине которой находится город Новороссийск, туристов охватывает беспокойство: почему столь суров берег, почему не одет в присущие нашим субтропикам ярко-зелёные одежды?

Не так-то легко деревцу или кустарнику удержаться на этих берегах! Здесь царство новороссийской бора – холодного северо-восточного воздухопада. Именно он превратил прибрежные возвышенности в безлесый «оплывший леденец». Каждую зиму бесчинствует бора – настоящий бич этого берега. А. И. Куприн писал, что бора – это «яростный таинственный ветер, который рождается где-то в плешивых, облезших горах около Новороссийска, сваливается в круглую бухту и разводит страшное волнение по всему Чёрному морю. Сила его так велика, что он опрокидывает с рельсов гружёные товарные вагоны, валит телеграфные столбы, разрушает только что сложенные кирпичные стены, бросает на землю людей, идущих в одиночку... Ветер

Владимир Бахтов. Офорты из цикла «Ветры Киммерии»

этот страшен своей неожиданностью: его невозможно предугадать – это самый капризный ветер на самом капризном из морей.

Старые рыбаки говорят, что единственное средство спастись от него – это удирать в открытое море. И бывают случаи, когда бора уносит какой-нибудь... баркас или... фелюгу через всё Чёрное море, за триста пятьдесят вёрст, на Анатолийский берег».

Имя этого ветра пришло из греческой мифологии. Борей – крылатый бог северного или северо-восточного ветра, сын Астрея (звёздного неба, – значит, ветер сопровождается малой облачностью) и Эос (утренней зари, – значит, ветер часто начинается утром). Так в древности объясняли холодный северный ветер с гор. С тех времён словом «бора» в древней Греции называли ветер с севера.

Энергию ветра воспевают не только писатели и художники. Наш знаменитый земляк, заслуженный художник Украины Владимир Бахтов – мастер, владеющий удивительным искусством, сложнейшей техникой офорта. Бахтовские офорты настолько выпуклы, почти осязаемо рельефны, что порой производят голографический эффект. Поиск материала, через который возможно выразить историко-философские категории, поразмышлять о соотношении вечного и преходящего, мёртвого и живого, движения и покоя, – привёл его к камню.

Фактура камня – ноздреватая поверхность песчаника, испещрённый оспинами ракушечник – возникает у Бахтова в серии офортов «Ветры Киммерии». Пляжницы – узнаваемые, сегодняшние, – застигнутые ветром, укрылись за остатками древней кладки.

Загорелые лица, босые ноги, пробившаяся сквозь песок осока – всё трепетное, живое. Тем поразительнее – фактура камня, проступающая на взрытых ветром волосах, одеждах, пляжных подстилках, в них наспех укутаны гибкие, тёплые, дышащие тела. Женские фигуры, застывшие в ожидании, – как бы одновременно живые и высеченные из камня.

На столкновении взаимоисключающего построен офорт художника «Шквал»: окаменевшие женские фигуры бегут, накрывшись простынёй, ветер гонит по пустынному пляжу шары перекаати-поля, и они – взметающиеся, катящиеся под шквалом – испещрены каменными письменами.

Вода из ветра

Неоценим вклад ветра в снабжение почвы водой. Причина водного голода планеты кроется не в недостатке пресной воды на земном шаре, а в нарушении цепи, связывающей воду с почвой. Ветер в этой цепи часто имеет гораздо большее значение, чем дожди.

Учёные подсчитали, что в центральной полосе СССР ветер, дующий со скоростью 5 м/сек, за сутки несёт столько воды над участком в 100 км длиной и один шириной, что из этой воды можно образовать озеро длиной в 10 км, глубиной 60 м и шириной в 5. В засушливых районах с более сильными ветрами влаги проносится над почвой гораздо больше.

Вода из воздуха попадает в почву при малейших изменениях атмосферного давления. При его повышении воздух проникает в почву, неся с собой воду, при понижении давления уходит из почвы.

Дмитриевское ветрополе Очаковской ВЭС

И в том и в другом случае разность температуры почвы и воздуха приводит к конденсации капелек воды на стенках многочисленных пустот, имеющих в девственной почве. При повышенном давлении воздуха обильно смачиваются корни, а при пониженном – образуется роса, которая затем уходит вглубь.

Накоплением воды непосредственно из воздуха интересовались многие учёные. Профессор Н. А. Головкинский ещё в 1864 году доказал, что в Крыму конденсация водяных паров из атмосферы более чем в два раза превышает количество воды, полученной от дождей. А в тридцатых годах прошлого столетия профессор А. Ф. Лебедев назвал количество воды, попадающей в почву из воздуха за год в Одесской области и в Крыму. Оно колебалось от 40 до 100 миллиметров.

В. В. Тугаринов подсчитал количество влаги за счёт конденсации водяных паров в почве, и оказалось, что за один час в одном кубическом метре почвы при изменении давления на один миллиметр ртутного столба оседает около 60 литров воды! Конечно, это происходит только при условии идеальной пористости, которой и обладают девственные почвы.

Все эти примеры позволяют предполагать, что в водорегулирующем механизме почвы вода из ветра играет не менее значительную роль, чем вода, выпадающая с дождями.

* * *

Работа Солнца, воды и ветра способствовала развитию жизни на Земле задолго до появления на ней человека, и благами этой работы человечество пользуется повседневно и поныне.

Над морями и землями нашей планеты господствует голубой океан, в котором рождаются могучие ветровые потоки. Человечество не может и не должно проходить мимо такого вечного и дарового источника энергии, как ветер. Нужно только найти умелое применение этой колоссальной энергии. Например, для строительства промышленных ветровых электрических станций (ВЭС). В Николаевской области четвёртый год успешно функционируют две очереди одной из первых в Украине промышленной ВЭС. На 1 ноября 2015 года они выработали и передали в объединённую энергосистему

Энергия ветра

Украины 380 млн кВт·час экологически чистой «зелёной энергии». Ощутить эту цифру поможет следующее сопоставление. Абоненты Николаевоблэнерго, занимающиеся производством товаров и услуг (а это 480 тысяч физических и 14 тысяч юридических лиц), потребляют 280 млн кВт·час энергии в год. Следовательно, это больше годового потребления всех абонентов Николаевоблэнерго в 1,35 раза!

Неисчерпаемость, экономичность и экологическая чистота ветра определяют его ведущее положение среди природных источников энергии на море. Сейчас, в XXI веке, мы переживаем очередную, третий, всплеск интереса к судам-ветроходам. Таким образом, уже сейчас человечество не может и не должно отказываться от использования энергии ветра для судоходства. Не существует никаких технических проблем для решения этого вопроса. Вот почему человечество уже в ближайшем будущем придёт к широкому использованию энергии ветра для движения судов.

Подгуренко Владимир Сергеевич. Доцент кафедры судовых и стационарных энергетических установок НУК им. Адм. Макарова. Конструктор-газотурбинист, ученик научно-конструкторской школы лауреата Ленинской премии С. Д. Колосова, заслуженный изобретатель Украины (1992), почётный энергетик Украины (2002), академик Академии технологических наук Украины, руководитель николаевского участка АТН Украины (2005). Родился в Николаеве. Окончил Николаевский кораблестроительный институт (1964) и аспирантуру НКИ (1982). Проработав конструктором 38 лет на ЮТЗ-СПБ «Машпроект», в 1992 г. инициировал, создал и возглавил производственный внедренческий центр нетрадиционных источников энергии «Бояр». Впервые в Николаевской области ввёл в эксплуатацию первую очередь пилотной Аджигольской ветроэлектростанции. На её базе инициировал и сдал в эксплуатацию первую и вторую очереди промышленной ВЭС (2012). Горожанин года в номинации «Наука» (2012). Сочавтор шести и автор одной научно-популярной книги, множества статей в газетно-журнальной прессе Украины и России.

Сичов Олександр Федорович. Народився 18 травня 1977 р. в с. Луч Жовтневого (нині – Вітовського) району Миколаївської області. Закінчив Миколаївське вище музичне училище (1996) та Національний університет ім. В. Сухомлинського (2010). З 1996 року працює в Миколаївській обласній філармонії артистом камерного вокального ансамблю народної та сучасної пісні «Вільні козаки». Член літературного об'єднання «Зоря». Автор поетичних збірок «За водопадом глаз», «Маяк вечности», «Мій світ»; збірки музичних творів «Спочатку була любов» (на вірші Д. Павличка, М. Лермонтова, О. Малишка, Д. Креміня, В. Качуріна, Т. Креміня та ін.). Публікації: газети «Рідне Прибужжя», «Вечерний Николаев», «Родной причал»; журнал «Горожанин»; літературні альманахи «Ліра», «Витражи». Лауреат обласної премії ім. Миколи Аркаса за професійні творчі досягнення в галузі культури і мистецтва (номінація «Професійне мистецтво», 2006). Заслужений артист України (2009).

Олександр СИЧЬОВ

ЇЇ ВЕЛИЧНІСТЬ МОВА

* * *

Живи, Поезіє, однині і довіку,
Відчувши біль і радощі народу!
Ти майстру Слова всю натхненну вроду
Даруй, Поезіє, як спадщину велику.

Живи, Поезіє, щоб підіймати мертвих
Серед живих, хто вміє правду чути,
Хто пише так, як вільним птахом бути, –
Жива Поезія у щирих і відвертих.

Поезія світів – її величність мова
І Вільяма Шекспіра, і Шевченка,
І Пушкіна, і Байрона, й Костенко...
З них кожен за своїх часів Служитель Слова.

Тобі, Поезіє, сповідується доля
І одкровення люблячого серця.
Поклич своїм коханням... І озветься
В душі людській народжена віршами воля.

Злітає в небо птаха майстра Слова,
Де вітер зазиває чорні хмари,
Туди, де вічні горять Стожари,
Нову зорю ховаючи ізнову.

Відкрий, Поезіє, мою зорю для світу,
Крильми до сонця, серцем до людини,
Поклич поета у свої обійми –
В Тобі, Поезіє, вся велич «Заповіту»!

ЗАСТЕРЕЖЕННЯ

Не стань відвертим для нахабних,
Щоб не спіткав великий жаль.
Великий сум – життя незграбних,
Немає сенсу ця «печаль».

Не лізь у «темную діброву»,
Хоча б співали в ній птахи,
Знай, двічі в ту ж самую воду
Затягують лише гріхи.

Не мають співчуття, ні жалю
Всі марнолюбні, гордії.
Тож борони себе надалі
На їх нещирій глибині.

САКУРА

Рожеве листя – крізь роки,
Хоч горне сходом сонця вітер...
На кроки сакури тендітні
Не схожий зовсім світ людський.

Щоб пити краплю дошову,
Здійматись в небо вишня мусить,
Нехай гарячий вітер сушить
Вишневий цвіт, як покрову.

В дівочій вроді чарівній
Своєю тихою ходою
Над сакуровою водою
Вона народить навесні.

Коли людина ловить час,
Не поспішає вишня зовсім,
Бо знає, знов приходить осінь
На Землю не в останній раз.

Розкаже сакура, що мить
Проходить не завжди даремно,
Якщо одну хвилинку чемно
У мудрім спокої прожить.

А ті, хто зірве їй красу
Та розгойдає ніжні віти, –
Вони, немов бентежні діти,
Не мають гідного часу.

Бентежність їх, безсилу лють
Гаряче Сонце покарає,
А вічна сакура здолає,
Краси та спокою, свій путь.

ЛІТНЯ ЗМОВА

Тихо листя під вікном шепоче,
На засмаглу тільки кидає погляд.
Так сп'яніло літо, аж регоче,
Та немає брата-вітра поряд.

А земля гарячий подих носить
На поля у полудневу спеку.
Соняшник дощу, вклонившись, просить –
До Інгулу не дійти... Далеко...

Все ж слухняний соняшник до Сходу
Повертався, а згодом і втомився,
Простягнувся стовбуром до броду
Та в поклоні так і залишився.

Від п'яного літа не сховались
Ні гнучкі тополі, ані клени,
Із сестрою-спекою побрались,
Мов зелені сушать гобелени...

Тільки літній день, неначе в змові,
Бо надвечір вже збирає хмари
Небокраю. Вмить насуплять брови
І всміхнуться зірками стожари.

Зливами уміє щедре літо
І гнучкі тополі, й пишні клени,
Щоби під вікном зашепотіти
Спраглим листям з літньої арени.

МОЯ МУЗИКА

О, музико і вічна, і жива,
З тобою поруч все моє життя
Плекаю щедрі я твої жнива
Через душі високі почуття!

Сльозами гоїш у душі людській
Печаль під свій палкий, невтомний спів...
Цей спів такий гарячий і близький,
Що радощам моїм не треба слів.

О, музико, знаходжу я в тобі
Світи моїх несправджених надій...
Палай в мені, щоб вірить і любить!
Розумне й вічне сіяти волій!

Всій музиці моїй в натхненні жить,
Лишати для людей свій добрий слід.
Крізь терна моя музика звучить,
Як мій столітній та могутній рід!

ПРИСВЯТА СИНАМ

Мої сини, мов зіроньки небесні,
Ще тільки мерехтять зі мною поруч,
А сяйво їх несе, неначе весна,
Вже назбиравши з квіт життєвий обруч.

Час невгамовний і такий космічний
Озветься крізь роки моїх дітей.
Дорога ця земна нехай не вічна,
Встає на ній могутній Прометей.

Він понесе вогонь свій між братами,
Стираючи на скронях піт гіркий...
Міфічний приклад між двома світами,
Що досі світить нам через віки...

Роки мої, набувши листопаду,
Розкриють сторінки моїх синів,
Щоб нагадати рифмами пораду,
Як треба бути разом на війні.

На тій війні, що скріплює братерство, –
Пліч-о-пліч проти заздрощів усіх...
Разом долати легковажне «presto»
В цій суєті, не гноблячи живих.

Коли ж ця людяність і добра, і висока
Теплом растопить ненависть і лють,
Сини мої – оченька кароокі,
Пройдіть чеснотами дарований вам путь.

У МОРІ КОХАННЯ

Хай любов піднімає вітрила
І серця наші міцно тримає.
Часто в неї зав'язані крила,
Сила ревнощів нас обіймає.

Десь розкриються душ наших вікна,
Аби швидше скінчились розлуки,
Аби швидше здійснились бажання,
Десь до мрії торкнулися руки.

У бурхливому морі кохання
Час скорочує ревнощів сила...
Врізнобіч розірвалось чекання.
Спалахнули кохання світила!

Войналович Сергей Владимирович. Родился 31 июля 1988 года в Николаеве. Окончил Черноморский государственный университет им. Петра Могилы, факультет иностранной филологии. Работает переводчиком технической документации на предприятии «Заря-Машпроект». В настоящее время – механик-телефонист в/ч пп В3416. Член литературного объединения «Лига эМ». Участник ряда литературных фестивалей. Победитель двух поэтических слэмов в рамках Всеукраинских фестивалей поэзии «Ватерлиния – 2011» и «Ватерлиния – 2012». Тексты публиковались в поэтическом сборнике «Ватерлиния – 2012» (Николаев), журнале «Соборная улица» (Николаев), на портале «Литцентр».

Сергей ВОЙНАЛОВИЧ

РЖАВОЕ ЭХО

GIJON

как пароматуман
особенно если навстречу
умирающий левиафан так надрывно стонет
это порт это порт меловые стены мечети
это город засаленный обледеневший шифер

если женщина на борту подожди несчастья
подари киту человека и будешь с нами
там внизу спит уткнувшись лицом в подушку
впередсмотрящий
но глаза его по привычке
и нет покоя

и швартовы и сброшенный трап
обёрнутый в парусину
все бросают подальше
выстрелом дыма от борта
омертвевший левиафан
ковбой – навином
под стенами порта и рушатся гостеприимно

будешь доброго утра
в ответ чумное спасибо
будто ржавое эхо ржавое эхо сто раз
вместо нас у причала речитатив прилива
прочит чистого утра тебе, О, Гихон,
без нас

*И встал Иона, чтобы бежать
в Фарсис от лица Господня, и
пришёл в Иоптию, и нашёл ко-
рабль, отправлявшийся в Фарсис,
отдал плату за провоз и вошёл в
него, чтобы плыть с ними в Фар-
сис от лица Господа.*

* * *

В детстве
Говорит он
Мы жили в Молдове
Мама моя работала
В кондитерском цеху
Сам понимаешь,
Домой она несла
Целую сумку сгущёнки
Всё было у нас забито
Этой сгущёнкой
Серванты шкафы
Тумбочка под телевизором
Даже в диване лежала рядами
Да в принципе я не об этом.
Знали мы друг друга с самого
Детства
Наши дома разделяли
несколько стен винограда
Звали её Мариуца
По-вашему это Мария
Нам было по пять лет
Когда мы начали играть
В маму и папу.
Что мы вообще могли
В этом возрасте
Мы боялись друг друга трогать
И делали это вишнёвой веточкой
Всё у нас болело от царапин
Но детей которые должны быть
У мамы и папы
Мы так и не добились
Когда нам было лет по тринадцать
Я звал её в те самые заросли винограда
Что нас разделяли
Каждый раз она получала за это
Банку сгущёнки
До тех самых пор
Пока пропажу не заметила мама
Сейчас она живёт в стране
Где не говорят
Ни на моём родном,
Ни на вашем
Ни на каком-либо языке
У неё есть трое детей
Когда я остаюсь один
Я иногда звоню ей по скайпу
Она смеётся и краснеет
Виноград давно не растёт
И сгущёнку такую уже не достать

* * *

Мальчик стоит в проёме дверей
Мальчик устал
Облокачивается о косяк
По косяку бежит вода
Мальчик нащупывает макушку
Темечко
Родничок
Мальчик уверен, что он не вода
Конечно же не вода
Белые кафельные клеточки
Похожи на маленького чёртика
Каждая в отдельности
Мальчик уверенно кивает
Именно на чёртика
С растопыренными
С разведёнными
Мальчик становится прямо
Тянет руки вверх
Вписывает себя
Но круга нет

* * *

Когда мне было 5 лет
Из тумана. Вылетали жуки
Испуганно. Отскакивая от меня

Когда мне было 10 лет
из тумана вылетали жуки
и удивлённо отскакивали
от меня

Когда мне было 15 лет
Из тумана вылетали жуки
И обречённо отскакивали от меня

Когда мне было 20 лет
Из тумана вылетали жуки и безразлично отскакивали от меня

Когда мне
Из тумана летят жуки
И отскакивают
Как и не было никого

* * *

девочка синий лучик
девочка красный мячик
сядет на жёлтый стульчик
вывернет одуванчик
жжётся а ей не надо
ей бы всё ближе глубже
камоа бируадо
светится на дне лужи
в стриженных джинсовых шортах
на комоту свисая
лопается крыжовник
пальцев её касаясь
вечная ниагара
губы блестят и плачут
что тебе божья кара
если ты всё иначе

* * *

ненавидеть деревья
собственно только за то
что они ненавидят тебя
опасаться касаний невнятных
и непродолжительных взглядов
отказаться от хруста
шуршания треска
не как celibat
но как данность
как по сокращению штатов
принять и поэтому отказаться
переехать я говорю переехать именно
не сбежать
в соседские прерии
зарываться в укромные травы
понимать что собственно чем они лучше
ничем
но всё же
ложиться на дряблую землю
и слушать как прорастают корни
пытаясь настигнуть тебя
и не двигаясь с места
бежать и бежать им навстречу

M-bit

что тебе снится абрахам линкольн да если честно снится ли?
про чернильные пятна нефти глухие дубинки полиции
невозможно спать
когда чёрные вертолёты вперились пустыми глазницами

только дети не спят а лучше тебя разбираются в героине
так их всех например обучают давно что делать при атомном взрыве
прикрывай башку тихо пой про флаг и садись скорее под стол
это божий глас это вечный зов или просто сирены вой

это сколько-миллионный солдат ночью просыпается с криком мама
у него фантомная боль в области солнечного вьетнама
у него стеклянный глаз от бури в стакане в пустыне
самый стойкий солдатик в камине олово зато медаль над камином

так от мыса кейпкод до калифорнийского берега
нас спасает исус христос и капитан америка
чёрт с тобой подходящий налог воскресная школа субботнее шоу
ведь со мной микки маус Дональд Дак Мак Дак и его стивенкинговский клоун

а тебе магазин на диване жалость со скидкой идёт в комплекте с шурупами
ты ведь видел сам как небесный перст украшает пёрл харбор всплывшими трупами
это ты с гарри труменом слал в ответ голубя мира с веткой плутония
а теперь молись за японию сука молись за японию

да какой сенбернар разбирает после лавины где палки где лыжи
нищета как чума избирательна по кварталам к чёрным и рыжим
азиат и белый жирдяй дерутся за статус прохожего
так латинос с взаимной завистью смотрит на краснокожего

ну а ты как какой-то реднек в глуши попивая домашний бренди
понимаешь однажды что бог не спешил если ты конечно не сбрендил
и всю суть будто прятали на чердаке как подарок от санта клауса
вот хлопок рукой вот и познан дзен и глаза твои открываются

посмотри на восходе из белых птиц поднимает голову атомный одуванчик
господи так это я твой полигон твое невадское ранчо
это ведь я несу в своих жилах тяжёлую воду красное олово
наступает рас-взрыв так садись под стол прикрывая руками голову

O say, can you see, by the dawn's early light,
What so proudly we hailed at the twilight's last gleaming?
Whose broad stripes and bright stars, through the perilous fight,
O'er the ramparts we watched, were so gallantly streaming?

Константин КАРТУЗОВ

КНИГА-ЖИЗНЬ

*Недалёкое будущее.
Любое сходство с реальными людьми
является не случайным.*

Небольшая комната – два с половиной на четыре метра, – кроме окна, прикрытого шторой, освещалась одной лампочкой без абажура. Всё убранство помещения состояло из шкафа, стула, кровати и просторного стола, на котором стоял монитор. На стене, зафиксированные липкой лентой, висели портрет девушки в стиле ASCII-арт¹ и постер мужчины средних лет. Худой молодой человек неопределённого возраста, сидя на кровати, жестом предложил вошедшему присесть на единственный стул.

– Что конкретно значит «полностью новая личность»?

– То и значит. Мы вам дадим полностью новый профиль в Книге-Жизни. С друзьями, одноклассниками, историей переписки.

– И никто не заметит разницы, что теперь от имени одного человека пишет некто другой?

– А вы бы заметили разницу, если бы вместо вашего «друга», с которым вы никогда в жизни лично не виделись, с вами стал общаться кто-то другой?

– Ну, если бы вместо близкого «друга»...

– И много у вас близких «друзей», с которыми вы лично не знакомы?

– Нет, не много. Можно сказать, совсем нет.

– А много у вас друзей, которых вы лично знаете?

– Да, в принципе, тоже немного. Ну, сосед, наверное.

– Мистер Джонс?

– Да, Фрай Джонс!

– И давно вы с ним дружите?

– Ну, с тех пор как он поселился. Фрай получил работу где-то рядом и снял тут квартиру. Отличный парень. Я всегда лайки ставлю его постам, хотя комментарии оставляю не так часто.

– И вы бы заметили, если бы вместо него стал писать другой человек?

– Нет, наверное, может, не сразу. Но при встрече это бы всё равно вскрылось. Я бы ему сказал: «какой классный юзерпик у тебя», а он был бы не в курсе.

– Простите, а давно вы его видели?

– Да недавно встречался.

Картузов Константин Николаевич. Родился 9 сентября 1984 г. в Николаеве. Окончил физико-математический факультет Николаевского государственного университета имени В. А. Сухолинского (2006), Институт государственного управления Черноморского государственного университета имени Петра Могилы (2009). С 2010 г. – заместитель директора научно-педагогической библиотеки г. Николаева. С 2015 г. параллельно основной работе читает лекции по информационным технологиям в Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусств.

С 2008 г. – ведёт блог «Кино, вино & Книги и кофе» (<http://konstantinus.com>), где публикует эссе и рассказы, отзывы на книги и обзоры фильмов.

¹ Форма изобразительного искусства, использующая символы ASCII на экране компьютерного терминала или принтера для представления изображений.

- А точнее можно?
- Ну, не помню, трудно так сразу, может, неделю, может, две.
- Может быть, вы созванивались?
- Нет, мы вообще редко звоним друг другу, повода нет. Ну, там, на День рождения, если с утра забыл в ленте отписаться, приходится звонить. А что такое?
- Ваш друг съехал два месяца назад и, кстати, тоже купил у нас новый профиль.
- А как его теперь звать?
- Простите, но это коммерческая тайна. Вы должны понимать это.
- Да, конечно.
- Кроме мистера Джонса, кто-то заметит вашу «замену», так сказать?
- Пожалуй, нет...
- Вот и отлично!
- Хорошо, что от меня ещё понадобится?
- Вы хотите стать литературным критиком? Книгоманом вместо ценителя артхаусного кино?
- Да, у меня было подозрение на дислексию. Сегодня это уже не хотят считать болезнью, но я успел оформить пособие. Теперь свободное время трачу на фильмы. Думаю, пора попробовать читать.
- Мы вас сделаем выпускником МГУКИ², так что ваш киноопыт может быть полезным. И попросим в течение месяца-двух добавить хотя бы один отзыв на книгу.
- Но я не смогу за два месяца прочесть книгу, а это же важно – прочесть книгу, о которой пишешь?
- Не обязательно... Если бы люди читали те книги, о которых они говорят...
- А вы мне поможете написать несколько отзывов?
- Конечно, если вы готовы внести аванс, мы прямо сейчас составим ваш первый пост в новом статусе. Это, конечно, будет не профессиональная рецензия, но мы и не ставим перед собой такую задачу.
- Да, наверное, готов.
- Отлично. Тогда возьмём для начала что-то попроще, из классики. Умберто Эко «Маятник Фуко» подойдёт, пожалуй.
- Эко считается простым автором? Я смотрел экранизацию «Имени розы» и так ничего толком не понял. Всё время хотелось спросить: «Почему в четырнадцатом веке так темно?» И только потом понял, что тогда, в средневековье, снимали на плёнку. Ох уж эти аналоговые технологии!
- Да, Умберто Эко – элитарное чтение, поэтому мало кто берётся читать, а дочитывают ещё меньше. Понимают прочитанное – вообще единицы. Поэтому можно смело писать о том, что вы увидели в тексте, и никто не усомнится в том, что действительно там могли это увидеть... Самое важное – найти яркий эпиграф. Подойдёт любая цитата, даже не обязательно знать автора. Можете пересмотреть ленты новых «друзей», и обязательно найдёте умную мысль. А людям будет казаться, что они её уже где-то видели, – вот и обеспечена радость узнавания. Но сейчас на это нет времени. Просто возьмём первое предложение: «И тут я увидел Маятник». Авторы обычно хотят заинтриговать с первой страницы. А значит, можно делать эпиграф-жест из первых предложений или последних абзацев. Дальше и вовсе – всё просто. Открываем Википедию и пересказываем раздел «Сюжет». Если в тексте что-то непонятно, то просто пишете: хотите, мол, сохранить интригу и не будете спойлерить... Добавьте вывод, в котором не до конца ясно – понравилась ли вам книга. Например: «Читая роман, шестым чувством понимаешь, что концовка не разочарует. И действительно, на последних главах улыбка перерастает в смех. Смех над самим собой... Браво, Маэстро!» Всё. Теперь практически стопроцентная гарантия – никто не догадается, что вы не читали эту книгу. Взгляд человека, получившего эстетическое воспитание.
- Так просто?
- Это на первый взгляд просто. Вы сначала потренируйтесь. При должном старании через пару месяцев вы, конечно, не станете литературным критиком, но, безусловно, вас будут считать книгоманом.
- А что будет с моим старым профилем? Нельзя ли его тоже оставить?

² Московский государственный университет культуры и искусств, г. Химки.

– Это будет вам стоить в три раза дороже, плюс стоимость профиля. Такие вопросы надо обговаривать заранее. Сегодня не так просто получить новую личность. Прошли те золотые времена, когда номера телефона было достаточно для регистрации. Но не волнуйтесь, у нас есть заявка от приличного парня, который всю жизнь мечтал стать киноманом и делиться мнением о не мейнстримном кино. Быть постоянным гостем кинофестивалей.

– Но я же не был ни на одном кинофестивале!

– Это неважно... Вы думаете, чтобы сделать сюжет с «горячей точки», журналисту обязательно подставлять голову под пули?

– Нет, но...

– Никаких «но». Поверьте, все останутся довольны. А мы пока уладим все формальности со сменой IP-адресов. Ваш аккаунт будет вести бот «второй модели³»...

* * *

Большинство, кроме гиков⁴ и нёрдов⁵, не то чтобы не помнили, они даже не знали, кто придумал Сеть в её современном виде. Тим и Роберт не только не стали миллионерами, они не стали именами нарицательными, хоть и поймали беспечное человечество в сети Всемирной паутины.

А вот имя человека, который, обучаясь психологии, создал свою «Социальную сеть», слышали все. Не будучи в этом первопроходцем, ничего не придумав нового, не предлагая пользователям бесплатной музыки или видео, он подарил миллионам нулей главное – чувство, что вместе они сила. Получив доступ к информации всех библиотек мира, люди не ощущали потребности в знаниях и несколько не радовались, что ответ на любой вопрос – будь то высота Эвереста или имя Цезаря! – могли получить мгновенно. Получив во владение информацию, человечество постепенно теряло контроль над миром.

* * *

– Как будет происходить этот, так сказать, «обмен»?

– Вот... Данные для авторизации нового профиля... – гость положил на стол красный конверт и посмотрел на наручные часы. – В течение 20 часов можно сменить IP устройства выхода в Сеть, а после автоматически произойдёт активация и физическая привязка к оборудованию. Вам необходимо будет сменить пароль вашего аккаунта на этот... – рядом с красным конвертом материализовался синий. – Через полчаса после смены своего пароля распечатаете красный конверт, там находится карта с программой, которая «отвяжет» ваш профиль от вашего терминала, а также – новый логин/пароль...

* * *

Молодой человек остался один. Он нервничал. Даже дыхание приходилось контролировать. Конечно, никакие программы он не собирался запускать и чистый виртуальный терминал уже некоторое время был готов принять новый профиль Книги-Жизни.

– Может, я и мало читаю, но не настолько идиот, чтобы отдать свой профиль и ждать полчаса, – сказал он вслух. – Посмотрим, какой из меня литературный критик...

После лихорадочных нажатий на клавиши в комнате раздался истеричный смех.

– Долбаные фишеры⁶!

Волна понимания случившегося постепенно накрывала нашего героя – киноманом он уже не был, а стать литературным критиком так и не получилось. Теперь он никто в современном мире – человек без профиля, без лица и без имени. Да, конечно, есть заранее подготовленное заявление о краже профиля, но где гарантия, что его рассмотрят люди, а не роботы? Ведь Кевин Смит – его не-

³ «Вторая модель» (англ. Second Variety) – научно-фантастическая повесть Филипа К. Дика, впервые опубликованная в 1953 году (экранизирована в 1995-м).

⁴ Человек, чрезвычайно увлечённый чем-либо.

⁵ Замкнутый интеллект, увлекающийся чем-то узкоспециальным и не понятным большинству.

⁶ Производное от слова «фишинг» (англ. phishing, от fishing – рыбная ловля, выуживание) – вид мошенничества, целью которого является получение доступа к логинам и паролям пользователей.

настоящее имя. Настоящим его называла только мать. Так что в лучшем случае модераторы просто заблокируют его профиль (приставку «бывший» тяжело было добавлять даже в мыслях) и он станет призраком в мире Книги-Жизни. Комната внезапно уменьшилась. Стало не хватать воздуха...

Погода на улице напоминала нео-нуарный триллер-антиутопию. Вот только сопереживать герою Ридли Скотта можно попивая час с лимоном. А самому оказаться в роли «бегущего по лезвию» не так приятно. Рекламные вывески горели кислотными цветами, а весь остальной мир, похоже, погрузился в серость.

– Куда я иду? – задал себе вопрос псевдо-Смит, остановившись у ворот парка. – А ведь в прошлом веке это место носило имя палача, виновного в гибели миллионов людей.

Пустой городской электротранспорт объезжал парк. Вокруг парковой зоны расположились детский сад, немного сбоку – школа и частный вуз, дальше – магазин и дома депрессивного спального района. Потом – больница, небольшая часовенка какой-то христианской конфессии и морг. «Жизненный путь, на котором для горожан есть остановки, но нет выхода... И что надо сделать, чтобы изменить маршрут? Или для рельсового транспорта такая возможность не предусмотрена?» – продолжил размышлять псевдо-Кевин.

Рядом остановился мужчина в плаще и старомодной шляпе. Достаточно близко, чтобы заговорить, и достаточно далеко, чтобы не нарушать личное пространство. «Наверное, тоже с ручными часами, как у того фишера», – подумал псевдо-Смит. Несмотря на морозящий дождь, незнакомец достал аналоговую сигарету и закурил. Формально это было административное нарушение, но, похоже, на улицах этого города сейчас было только двое живых.

В своё время псевдо-Смит несколько раз пытался начать курить, но не смог, курение даже запрещённых смесей не доставляло ему удовольствия. А сейчас он готов был отдать все свои небольшие сбережения за возможность обжечь горло и наполнить лёгкие дымом табака, заключённого именно в бумажный цилиндр, а не электронный эрзац.

Незнакомец повернулся к нему, кивнул и протянул пачку с сигаретами. Псевдо-Кевин негнуцимися пальцами взял одну, закурил, затянувшись полной грудью, и именно в этот момент ощутил себя живым.

Евгения БАРДИНА

ВЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИТЕ!

Короткая проза

«Чемоданное» настроение. У меня сегодня «чемоданное» настроение... Это нелепое чувство, когда ты вот-вот куда-то уедешь, а у тебя даже нет билета на руках. Но ты безумно веришь в то, что уедешь... И снова звучное перекачивание колёсиков сумки по асфальту, снова тяжесть багажа прижимает кольцо к пальцу, снова внутреннее «тук-тук» сравняется с таким же привычным и убаюкивающим внешним стуком... Я очень люблю ночью, в едва освещённом вагоне, слушать, как стонут полки под тяжестью случайных гостей, как пахнет влагой недосушенная постель, как скрипят на остановках тормоза и вагоны по инерции, словно робкие влюблённые, целуют друг друга. А утро начнётся с чая... Паскудного чая, скажу я вам, но в этом есть свое обаяние. Горячий напиток, а потом – обжигающая утренняя прохлада тамбура. Проводник украдкой докуривает между вагонами. А тебе всё равно, ведь в ноздри настырно и жадно врывается запах чужого города. Он манит тебя своими маленькими улочками, которые даже не нанесены на туристическую карту, он будет развлекать тебя потерянными памятниками и покосившимися дверьми забытого и недостроенного музея... Он будет отчаянно пытаться влюбить тебя... И рано или поздно ему это удастся. Как только ты почувствуешь, что любишь этот незнакомый город, – немедленно уезжай. Беги оттуда и никогда больше не возвращайся. Ведь главное – сохранить это странное и несуразное чувство любви к незнакомцу... А может, «чемоданное» настроение – это просто признание в любви авансом? Когда ты чувствуешь, что готов куда-то уехать, ты признаёшься, что готов приехать и полюбить?

Листья сегодня сладко пахли дождём, а пешеходы безжалостно прижимали их подошвами к тёмно-серому асфальту. Почему-то мне жаль самые яркие из них. Мне кажется, что невзрачные тени, подгоняемые своей ревностью, особенно свирепо к ним относятся. А я снова тратила время. Расплёскивала его, как остывший чай, который жадно пью. Мне не хотелось ни с кем его проводить. Просто бродить по городу. Зачем-то заехала на вокзал, оправдала себя тем, что скоро в дорогу. И потом – на променада... Пешком, мимо осунувшихся и бесцветных. «Васляева»... Нужно занести календари. «Колос»... Нужно зайти и поцеловать... давно обещала... «Южный Буг»... Можно за-

Бардина Евгения Сергеевна. Родилась в Николаеве 5 декабря 1983 года. Окончила Киевский университет славистики (2012, специальность – менеджер СМИ и рекламы), Украинский институт повышения квалификации работников телевидения, радио и прессы (2010-2011, специальность – диктор-ведущий, журналист), Киево-Могилянскую бизнес-школу «Школа мэров» (2016). Член Союза писателей-маринистов Украины и Союза журналистов (2010). Лауреат телевизионного фестиваля «Калиновые острова» (2011), международного литературного конкурса «Каверинские чтения» (2012). Автор книги «КамОСвет» или записка из таинственного прошлого» (2015). Победитель областных конкурсов «Лучшая Николаевская книга» в номинациях «Литературный дебют» (2009) и «Издание для детей и юношества» (2016).

йти и помолчать... Но Диана Арбенина в моих наушниках читает стихи Бродского, и я не хочу её перебивать. Я прохожу мимо оцарапанных осенью деревьев и улыбаюсь пёстрым прохожим. Их не так много, и большинство из них – дети. Посмотрела вслед маленькой девочке в багряном пальто, которую за руку вела красивая, но уставшая мама, одетая в чёрное. С какого возраста у нас вступает в силу неписаный кодекс ношения Чёрного цвета? Сколько ты ещё сможешь наслаждаться пестротой и теплотой оттенков своей одежды? Наверное, до тех пор, пока ты не будешь бояться улыбнуться в ответ незнакомой и странной тёте на улице, которая, как дура, поднимает с асфальта затоптанные листья. Мне кажется, что невзрачные тени в чёрном никогда не смогут по-настоящему полюбить осень и твоё яркое пальтишко. Так, люби его сама, как можно дольше, прошу тебя, мой маленький рыжий солнечный зайчик. Расплёканное время, капля за каплей, проторило дорожку по моему сегодняшнему дню. Оно слилось в поток упущенных возможностей и невыполненных задач. Но разве можно сожалеть о том, что я сегодня выпила свой день? Ведь я собрала целый букет из осенних листьев и детских улыбок...

– Девушка, вы только посмотрите, насколько прекрасны деревья вокруг!

Наш автобус плавно затормозил, чтоб выпустить тех, кто доехал. Я нехотя проследила за взглядом незнакомца и удивилась унынию картины. Угрюмые, ободранные ветром деревья были похожи на обгоревшие спички – тонкие и чёрные. Нечему было облетать с их опалённых ранней зимой веток – пёстрые угольки листьев уже тлели в неровных кучах на земле.

– Они похожи на человеческие тела. Очаровательны в своей наготе. Вы никогда не замечали, что только обнажённость украшает и человека, и природу? – попутчик выжидающе посмотрел не меня, словно я обязалась высказать своё компетентное мнение.

– Нет! – наверное, я немного обиделась, что меня бестактно вырвали из мыслей. – И человек, и природа, обнажаясь, лишаются интимности, сексуальности и очарования. – Мне захотелось сказать то, что наверняка заставит его прекратить разговор.

Мой спутник, как ни странно, рассмеялся и, будто он не слышал ответа, продолжил:

– Ветки дерева не всегда изящны, как изгибы рук балерины. Люди тоже не идеальны. Мы пытаемся скрыть свои недостатки, стыдясь и конфузясь. Но мы не думаем, что наша индивидуальность – это наши изъяны, – он уже на меня не смотрел.

Я была рада. Не люблю, когда лишают возможности подумать над подаренным образом. Теперь для меня вдоль дороги стояли люди по пояс в земле. Вот изломленная годами старуха, с потрёпанной ветром кожей. Орех? Вроде орех. Как появились орехи в лесопосадках вдоль дороги этого почти вымершего села? Конечно, в своё время было принято решение, что здесь это дерево будет уместней. А сколько молодых людей было привезено, распределено, направлено сюда волей власти? Как пустили они свои корни? Потом их судьба была так же изъедена переменами, как кора – временем и пылью от проезжающих машин. Мелкие примёрзлые плоды шиповника краснеют на тонких колючих ветках. Я ощутила колкость на нёбе, словно съела его терпкий плод. Рядом с шиповником мало других растений. Его иглы отпугивают и тех, кто хочет им полакомиться. Слово угловатый подросток, этот куст старается всех оттолкнуть. Две дикие акации наклонились посплетничать друг с другом. Также колючки, но почему-то они мне больше напомнили девушек. Возможно, потому, что их едва уловимый аромат будоражит ноздри весной. Весна, молодость, лихость, безумие...

Новые и новые ассоциации настырно лезли в голову, но дорога уже снова зашуршала, и я не успевала выхватывать отдельные деревья из общего потока ускоряющегося движения. Они слились в людей, пролетающих мимо нас по жизни. Нечёсанные гривы клёнов, тонкие косы берёзок, отполированные бицепсы дубов и грустные, почти рыдающие ивы у воды... Весной они застенчиво прикрываются листьями. Но, только оголяясь, они открывают своё настоящее лицо. Своё одиночество и любовь, печаль и мечту.

Автобус снова притормозил, и я смогла снова рассмотреть каждый куст, который вышел провожать нас. Вот она – истинная красота природы. Вот она – чистая эмоция. Не прикрытая нарядом и игрой. Я, довольная озарением, повернулась, чтоб им поделиться с попутчиком, но его место уже заняла нахохлившаяся серьёзная дама, погружённая в размышления. Она так упорно куталась в свои мысли и одежду, что я не выдержала:

– Девушка, вы только посмотрите, насколько прекрасны деревья вокруг!

Сегодня проснулась в удивительном состоянии. Будто в один миг тело наполнилось безграничным океаном возможностей. Глубоким, прохладным, дарящим невероятные эмоции. Замечаю, что чем ближе к той заветной мечте, которой давала два года на исполнение, тем страшнее. Уж слишком стремительно она исполняется. Нет, по-хорошему страшнее. Такое будоражащее чувство, будтоходишь в ледяную воду. Всё тело покрывают огромные мураши, и каждый миллиметр кожи сжимается от лишения привычного тепла. И вот шаг, ещё шагок, ещё маленький шагочек. И солнце вокруг предательски перестаёт греть спину – словно дезертир, прячется за тучку и оттуда подглядывает, как у тебя дела. Но ты снова делаешь шагок. Ледяная вода уже ласкает своим солёным языком икры, колени, голени... и вот неминуемо приближается точка невозврата, когда ничего нельзя отменить. Немереющей от страха рукой ты отгоняешь набежавшую волну, будто надеясь ещё на миг оттянуть решение, и погружаешься. Без остатка впитываешь в себя мощь океана, а он впитывает тебя. Пьянящее чувство безграничности. Где я? Сейчас только стою по щиколотки в обжигающей холодом воде, но уже готова сделать шаг, ещё шагок, маленький шагочек. А вы?

У мира есть состояние – тихое счастье. Знаете, как это: твоё тело пронизывает звенящее спокойствие, и кажется, что из тебя начинает исходить синеватый свет тишины? Мир, словно опытный фокусник, плетёт свою изящную иллюзию безмолвия. Он окутывает тебя в одеяло транса, пряча от остальных. И ты, наконец, можешь подумать с ним откровенно и о самом-самом неважном. Настолько неважном, что в обычные дни тебя пробирает дрожь, и ты откладываешь это в дальние коробочки. И вот – покровы сброшены, творится магия, всё внимание публики приковано к очередному яркому пассу Маэстро, а ты под покрывалом тишины становишься частью космического фокуса и вместе с ним начинаешь плести свои вероятности. И самое-самое неважное сегодня превращается в то самое НУЖНОЕ. И ты понимаешь: та самая цель, от которой мурашки по коже, соткана из этой звенящей тишины, в спрятанных на полочку коробочках. Главное, прошу вас, не нарушайте призрачность сегодняшнего момента резким выкриком из зала. Внезапный звук разрушит тонкий узор иллюзии, сплетаемой сегодня только для тебя...

Юлия Шokol родилась 25 августа 1997 года в Николаеве. Студентка 2-го курса ЧНУ им. Петра Могилы, факультет иностранной филологии. Публикации: альманах «Провинция у моря» (2015), журнал «Союз» (Кипр, 2015). Творчество представлено на сайтах «Стихи.Ру», «Самиздат». Финалист поэтического фестиваля «Провинция у моря» (Одесса – Ильичёвск, 2015), всеукраинского конкурса «Перо Жар-Птиці», лауреат «Международного конкурса одного стихотворения на LITER-RM.RU».

Юлия ШОКОЛ

ВЕЛИКОЕ ДРЕВО ГУГЛ

РОБИНЗОНЫ

В эту пятницу все робинзоны окрестных мест
(Конопушек на бледных щеках – как изюма в кексах)
Просыпаются рано – успеть на автобус сесть
Обязательно нужно. Билетик с пометкой «детский»
Выдаёт добрый дядя с усами, как шерсть кота, –
Цвета тёплой пшеницы, пушистей вовек не сыщешь.
Робинзоны выходят, чтоб ветер их покатал
На широкой спине, поднимая как можно выше.
А потом их обнимут кисельные берега,
Молоко по губам потечёт, ну а в рот – ни капли.
От безлюдного острова сколько ни убегай –
Он всегда тебя ждёт, когда силы твои иссякли.
Гольшом по траве, гольшом по волнам – и всё.
Облупившийся нос в красноватом морском загаре.
Ощути, обрывается жизни твоей лассо,
Сколиозную душу здесь заново выпрямляя.

НЕ ПРИЕЗЖАЙ

не приезжай, здесь слепоглухонемые ночи,
свет полуправд не мощнее стоваттных лампочек.
с каждым днём разговоры делаются короче,
словно крики ласточек.

не приезжай, здесь нашпигована тьма взрывчаткой,
как рождественский гусь с зашитым внутри яблоком.
ненаписанное становится непечатным,
лица людей – дряблые.

не приезжай, здесь у памяти свои правила,
и внутри неё пустоты необозримые,
я прошу /слишком долго она меня правила/
просто забери меня.

забери туда, где ночи поют и шепчутся
и где отогнать их можно любым фонариком.
эта тьма обглодала у лампочки часть лица.
нас – всего лишь ранила.

МЕДЕЯ

мёдом сочится имя твоё, медея.
сонный ясон – и горькое он затеял.
станешь змеей сама, раз змею пригрела
в сладкой сдобе тела.

жжётся крапивой имя твоё... в колхиде
скорбь такова стоит, что и лиц не видно.
в сердце любовь засела драконьим зубом –
больше не забудешь.

в каждой жене, которую предавали,
всё замолкает, кроме холодной стали.
очи закроешь, только внутри горгона
объявляет гонку.

кровью сочится имя твоё, медея.
кто бы сказал, ты женщина или демон?
– больно тебе, ясон? ну скажи «довольно»!
мне ведь тоже больно...

А СЕЙЧАС ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА

у мамы внутри поселилась большая птица,
чтоб выклевать маму по зёрнышкам, по крупичкам.
ей мама – кормушка.
я плакала, пощади же!
ведь зёрна в груди моей и вкусней, и ближе.

к весне мама стала, как стебель бамбука, полой,
ходила, уже не касаясь ни стен, ни пола.
на каждое наше «люблю» отвечало эхо,
а после собрало вещи да и уехало.

а к лету... давайте не будем сейчас о лете.
к груди прижималась – и слышала птичий клеток.
щекой ощущала, как воздух проходит мимо,
так необратимо, о боже, необратимо!

когда на кровати стал виден лишь контур тела,
бог камерой щёлкнул –
и птичка
к нему
взлетела.

LIGHTSHOT

выходишь в свет – и свет выходит в люди,
где саломея голову на блюде
несёт – твою, мою? – не разглядеть, и
в пыли, как воробьи, гуляют дети,
в одну слепую искренность одеты.

хоть чёт, хоть нечет – всё равно не любит
тебя никто – краплёные ромашки
судьба подсунет, о моя голуба.
бывает, в молоко – и то промажешь.

глаза закроешь, только веки помнят,
как свет выходит за границы комнат.
всё помнят веки – на века вперёд, но
диктует память строго очередность,
уже не зная, кто откуда родом...

впадают вещи то в маразм, то в кому,
впадают люди, что гораздо хуже,
в других людей – и жизнь печётся комом,
и свет внутри – горяч и отутюжен.

О ТЁПЛОМ И ПРОСТОМ

Мне хочется – о тёплом и простом.
Но город цвета высушенной цедры
Истаял, стал почти что невесом.
А урожай печалей слишком щедрый
И падалицей сыплется с небес,
Из фруктов этих – скверное варенье.
Кто умер здесь – давно уже воскрес.
Осталось отыскать того, кто греет
И оживляет, и ведёт на бой
Не за покой, так за возможность сбиться.
Кто может нас преобразить собой,
Как яблочный пирог – щепоть корицы.

Мне хочется – о тёплом и земном,
И настоящем до последней пяди,
Чтоб проросло отборное зерно
И в поле ржи не страшно было падать.

СИНЕСТЕЗИЯ

голос черешни сладок, крапивы – горек.
эта жизнь наподобие детских горок:
налипает ржавчина на одежду.
облако снова выглядит по-другому,
облако всегда остаётся прежним.

здесь тишинеют и медленеют вишни.
хочешь не хочешь, но остаёшься лишним,
окружённый кисло-зелёным звуком
недозрелого яблока, и не слышишь,
как тебя к обеду давно зовут, но...

поминутно твой голос на ощупь – ветер,
что язык, будто флюгер, по кругу вертит.
оттого ли воздух в твоей гортани
превращает любого в подобье флейты
и воздушным шариком улетаёт,
что стремится к смерти?

ТОСКА МОЯ – НЕ ВОЛК

тоска моя – не волк и в лес не убежит,
хоть вовсе не корми, но в лес – и не посмотрит!
такая жизнь вокруг, вокруг такая жизнь –
что кислый сок смо-родин.

попробуй – не кривись, пока не рухнет вниз
она безумным ниагарским водопадом.
ловись, большая жизнь, и малая – ловись
по-рыбьему прохладна.

меняй тоску на боль в обменнике валют
и на судьбу мою наклеивай коллажем.
всё потому, что я люблю, люблю, люблю!
дай бог, так любит каждый.

дай бог... но берегись ты от таких даров:
волхвы их принесут, да на мою погибель.
и новый бог – любовь, и крест её – готов...
не задыхайся, рыба.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

тополиный пух, не июнь, не жара – тоска.
просыпаешься с ощущением, что проспал,
засыпаешь, а кажется, падаешь прямо в бездну,
только глянешь в неё – возьмёт тебя на прицел.
человек – не средство, а цель, но скорее цепь:
вот и ходишь кругом по цепи – ошутимо трезвый.

хочешь – песни поёшь, а хочешь – мурлычешь, и
рыба в море выходит без жабр, без чешуи.
так и ты по утрам заплываешь в людское море,
за буйки, отбросив и ласты, и якоря...
а сгоревшие поднимаются и горят,
а любившие – пишут признания на заборе.

ДЕРЕВЬЯ

деревья скрипят старушечьими голосами,
деревья понять можно – сегодня у них саммит.
причина – резкое падение курса листьев.
всего-то ноябрь.
если выживешь – помолись им.

пространство молчит – мы неправильно переводим
с тиши на русский.
у вселенной отходят воды,
рождается солнце – вперёд головой, и вечно
деревья под ним продолжают своё вече.

забрать бы всё это – и горькое, и больное:
по парам, по звукам, не уподобляясь ною.
уже не хватает широт и долгот души мне.
мы маленькие...
хоть и думаем, что большие.

GOOGLE

спросил бы у ясеня, но за окном лишь гугл,
девять дней и ночей/ничей просидишь в углу.
о великое древо гугл, на твоих страницах
так легко самоустраниться.

от края до края – строкой поисковика –
бредут заключённые в буквы слова и ка-
раются смертью за вольность. `backspace`-архангел
кого не стёр, того изранил.

ребром зацепившись за хвостик английской «джи»,
висит то ли байда там, то ли один кружит –
и капли крови катятся спелыми вишнями.
ещё одна – будет лишняя.

Артем КУЦОЛАБСЬКИЙ

БЕРЕЖИ ВСІХ СВОЇХ АНГЕЛІВ

* * *

це я вигдав факти про близькість між нами.
втім, океани насправді ніколи не зшити.
жодна пташка не здолає шляху –
божевільна й уперта загине в дорозі
з одного берега серця до іншого шкіри і шиї.
і навіть коли ми опинимось поруч,
різний вітер займатиме наше волосся,
у різнім вогню згорять наші надії,
наші бажання покладуть у дві різні труни,
наші контури втиснуть у дві різні тіні,
з різних сторін світу вставатимуть сонця.
і твоє рухатиметься назустріч моєму,
аби розійтись невідвратно.

* * *

Це як надто складна операція,
яку нам не пережити,
речі жорстокіші за цей світ,
їх не мало б бути на цьому світі,
але вони є.
Я спочатку не знав, хто в цьому винен,
потім не міг повірити,
потім змирився
і став сам проповідувати.
Апостоли один за одним
вигукували свої імена,
я їх записував,
бо в цьому не було жодного сенсу.
Світ став таким тісним,
що й янголові не було де впасти.
І тільки пір'я кружляло
на злітних смугах –
з іржавих авіалайнерів.

Куцолабський Артем Вікторович. Народився 6 вересня 1983 року в місті Павлодар (республіка Казахстан). Із 1985 року (з перервами) мешкає у Миколаєві. Закінчив Одеський національний університет імені І. Мечникова. Працює журналістом. Кілька років належав до об'єднання «Літера Н». Учасник фестивалю «Спаський трамвай», конкурсу відеопоезії «CYCLOP». Готує до друку першу збірку поезій. Пише двома мовами.

* * *

я напишу тобі
про те як зима стала тепла на доторк
і очі твої
обидва сіро-блакитні
але
одне засмучене
а друге зраділе
дивляться крізь серця
бінокль
на світ без жодного болю
і бачать
що жодна усмішка
не покинула його
жодна плямка щастя
не покинула його
жоден маршрут доторків по шкірі
не стерся
і не покинув його
і ніхто
не покине
його
допоки є ти

* * *

не така вже
непересічна подія,
коли той, хто сьогодні друг,
назавтра – ворог.
та в цього ворога ти навіть
закоханий,
хоча він не в твоєму стилі
і, взагалі, твоєї ж статі.
нічого дивного – звичайні речі.
дихати смертю – це легко,
дихати життям – легко.
важко – не дихати зовсім.

* * *

я загубила сенс, як втрачають свідомість.
дивлюсь на календар – не помічаю, який сьогодні день.
я втратила вагу, потім кількох знайомих,
зв'язок із Землею, капсулу, скафандр.
ще треба віднайти все, що я загубила:
пустелі, вітер, море, чуттєвих саламандр,
згадати, на якій планеті ми бачились востаннє,
якщо то був не сон, який буває, що прийде
незаплановано. я знов запитую себе, я ставлю знак питання:
що я роблю у світі міст безлюдно паперових,
даючи обіцянку твою присутність винайти, як мову?

* * *

у стані молитви, у стані війни
зайвих зречень не промовляй.
приходячи додому, приходь до дому,
в якому сховане дитяче серце з минулого,
і нікому не показуй вирослої душі.
якщо можеш мовчати – мовчи.
а якщо ні – ніхто тебе не засудить,
бо якщо це справді кінець –
не залишиться тих, хто міг би судити.
так що ¡buenas noches! mi país, una e indivisible.
я сподіваюсь, нам вдасться прокинутись
і прожити ще бодай день.

* * *

Цей птах більше ніколи не буде літати.
В цьому кіно не лишилося жодної гідної ролі.
Ти не знайдеш собі кращого місця – Карпати
Чи Крим – не складай лише зброї.
Бо я поруч. Ти чуєш? Я й мертвим буду з тобою.

Не забувай, пані-смерть – особа примарна.
Про неї згадаєш хіба що побачивши кулі та гільзи.
І тіла людей, їх розплющені очі, що стали безбарвні.
Хай під вогнем – ні про що не жалкуй, не корися.
Поруч я. А в тебе – є місія.

* * *

ніколи не говори,
вдихаючи повітря, затримай подих
якнайдовше,
до самої смерті,
першої смерті в твоєму житті.
напевно буде мокро,
йтиме дощ,
і хто-небудь неодмінно скаже,
що полюбляє таку погоду.
здивуй його (або її) посмішкою
яку він (чи вона) не побачить,
бо квитки життя
дійсні в одному напрямку.
і якщо ти досі не збагнув, в якому...
ніколи не говори.

АНГЕЛ З ДНР

Деся наприкінці квітня серед інших речей у стрічці новин
я побачив один ролик,
де іноземний журналіст брав інтерв'ю у солдатів з ДНР.
Просто стрибнув в окоп із камерою
і, пригинаючись, просувався траншеєю, наче лабіринтом.
Дорогу йому вказував дуже типовий військовий –
брутальний і приземлений чоловік середнього віку.
Ось вони досягають свого пункту призначення і бачать:
в окопі на лавочці сидить молодий хлопець у камуфляжі, років з 19,
і таке від нього світло випромінюється, наче від ангела,
що думати, ніби він тут за гроші –
гірше ніж вбити, вкрасти і звабити чужу жінку одночасно.
«Спроси у него», – каже брутальний і вказує пальцем.
Хлопець підводиться і вимовляє неймовірне: «Здравствуйте!» –
Уявляєте?
Він до кожного звертається на Ви! Навіть в окопі!
Навіть до журналіста, тим паче іноземного!
«Что Вас побудило вступить
в ополчение Донецкой народной республики?», –
питає іноземець на ломаній російській.
Хлопець ніяковіє, бариться з відповіддю.
«Да говори уже, б***ь, от фашистов защищаю», –
доброзичливо підказує старший товариш.
«Родина попала в беду. Как только позвали, я сразу откликнулся», –
киває юнак, такий недоречний в цій обстановці.
«Как давно здесь находитесь?», – питає француз чи може англієць.
На мить ангел замислюється: «Недели две».
«Ждем «Правый сектор», – знову встряє брутальний.
(«Це вже як водиться», – думаю я.)
«Скажите, вам не страшно?», – питає журналіст.
Хлопець занурюється у глибини підсвідомого за чесною відповіддю:
«Сперва было страшно, а потом вроде привык».
«Привык он, – передражнює старий. – Ты лучше расскажи,
как они по нам х***ят», –
тут справді чути якісь глухі постріли.
«Стреляют – только издалека», – не ведеться хлопець,
бо істина для нього дорожча, ніж гарний портрет лютого ворога.

...На цьому відео переривається.
Я так і не дізнався, що з цими трьома було далі.
Може здаватися, що у мене замало патріотизму,
а може, ви взагалі думаєте: «Якого біса? Що це за гей лав-сторі?»
Але я звертаюсь до Тебе і прошу про одне-єдине, мій Господи:
Не зазирає до прописки,
бережи всіх своїх ангелів,
всіх без винятку.

Ольга СКВИРСКАЯ

И НЕ МОЖЕШЬ ОПОМНИТЬСЯ

Короткая проза

ОРАНЖЕВОЕ

около семи. перед Украинским театром до странного пустынно. только исполинские платаны, редкие трамваи и старинная двухэтажка за спиной, устало глядящая десятками разнокалиберных глазниц на фарфоровое личико театра. уходящее за горизонт солнце напоследок томно дразнит тела деревьев прозрачными ладонями бликов. кофе с молоком совсем не плох, даже мало. но правое ухо уже заливают оранжевым – пора. ловлю вертлявую ладошку-рыбёшку – и шагаем в закат. пальцы и щёки в золотой пылице. пролёты улиц клубятся светом, в нём – мошки и тополиный пух, тоже обязательно золотые. ирисы, каштаны, акации – не то чтобы таблетка экстази. скорее – целебная ингаляция.

прогулки с ребёнком невыносимы. из всех форм времяпрепровождения эта, пожалуй, – верх несовместимости. маленькому непоседливому существу нужно от прогулки совсем не то, что взрослому с наледью на коже. мелкому разбойнику подавай пробежку (бегу вперёд – смотрю назад), скачки по пенёчкам и врытым скатам, обдирающие листья и размахивание подобранными с земли ветками. а ты идёшь и пытаешься сосредоточиться, поупражняться в сослагательном наклонении, провернуть в уме операцию по пересадке реальности или просто обнять весь этот вечер целиком и впихнуть его себе под рёбра тёплым платановым листком-фоткой – на память.

потратил «на себя» больше двух минут – и ребёнок уже стучит корявой палкой по бамперу сверкающей хромом заморской махины, припаркованной на пыльном тротуаре где-то в районе Пушкинской и Дунаева. или Малой Морской и Будённого. или... какая разница?

впрочем, прогулочный «улов» устраивает обоих: в волосах – россыпь пушинок от одуванчиков.

ХРИЗАНТЕМЫ

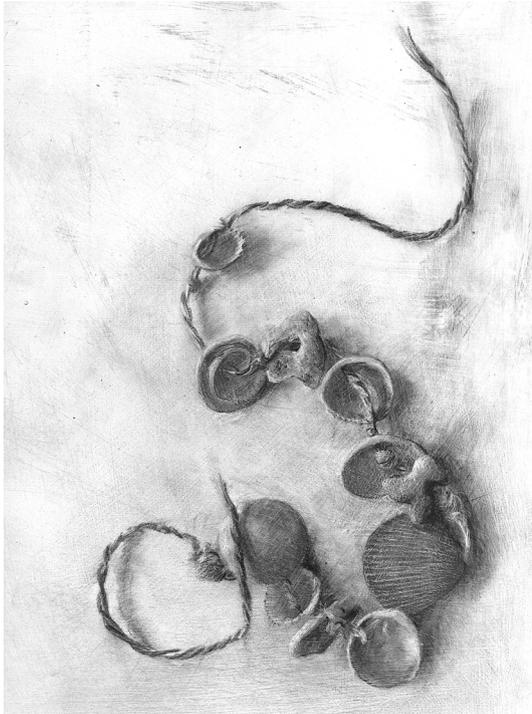
по пути в библиотеку купила себе букет хризантем, которые пахнут так горько, будто видят меня насквозь.

SWEET HOME

вышла в сад, чтобы вытряхнуть песок из опустевшего чемодана, а вернулась с полным фартуком звёзд, лягушек и соцветий маттиолы – самого душистого цветка в мире.

Сквирская Ольга Евгеньевна. Родилась 14 апреля 1978 года в Николаеве. Окончила НФ Национального университета «Киево-Могилянская академия» (нынешний ЧНУ им. Петра Могилы) по специальности «политология». Участник Всеукраинского совещания молодых литераторов в Ирпене (2009). Финалистка конкурса русскоязычных поэтов Украины «Пушкинская осень в Одессе» (2010). Стихи печатались в литературном альманахе «Каштановый дом», поэтическом сборнике сайта ЛИТФЕСТ «Лит-Ё», в газете «Вечерний Николаев». Автор поэтических сборников «Васильковые бусы» (2010), «Три жёлтых сна» (2015). Дипломант Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния» (2013). Организатор арт-пикников «Спасский трамвай». Член Национального союза писателей Украины (2015).

ЛИЦОМ – В СОЛНЦЕ

Идти – лицом в солнце. Набирать полные глаза лучей, нырять с головой в оранжевые озёрца между деревьями, вдыхать невидимые позолоченные пылинки. Вдвойне радостно – если впереди предчувствуешь реку, а в кармане – апельсиновые леденцы, которые дали на сдачу, а где-то под руками – юла с ямочками на щеках.

ОЧАКОВ. ВЕСНА

Песок шелковист, воздух прян, синева пронзительна. Дышишь – и раскрываешься, струишься, шуршишь, звенишь, полощешься. Спёкшиеся пробки с треском вылетают из груди. Природа говорит с тобой открыто и честно: вот они – ракушки, тина, песок, вода, небо. Бери и уноси с собой, в себе, для себя и для всех.

МОРЕ ТАМ, ГДЕ СОЛНЦЕ

близость моря делает город ненастоящим. выходишь из дома, сворачиваешь за угол на широкий проспект – и тут же упираешься взглядом в солёную синь на горизонте. из-за этого соединения современного города и моря с жизни вдруг слетает вся серьёзность. прохладные торговые центры, высотки с огромными прозрачными балконами, замысловатые детские площадки – всё это растворяется в шуме прибоя, подчиняется ему. только шёл мимо роскошных сверкающих фасадов, и вдруг – глубокий песок, плеск волн и парное дыхание воды. и уже ни до чего. а потом 30 минут – и дома. огромный 3D телевизор, ребёнок двумя кликами запускает по нему «Лунтика» через ютьюб в своём планшете, а ты стоишь, растерянный, посреди квартиры – ноги в песке, мокрые волосы слиплись от соли, камешки и ракушки распирают карман шорт – и не можешь опомниться.

КАМНИ И ВОДА

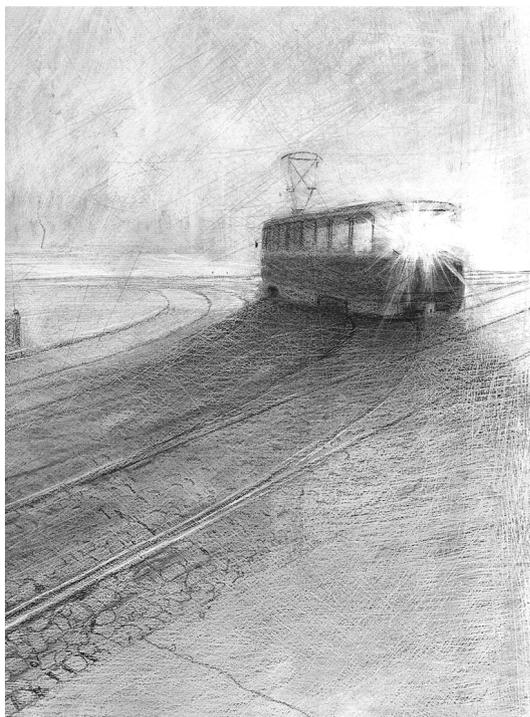
пусть только камни и вода. и камни под водой. и вода струйками между камней. только песок и опавшие листья. или песок и молодая трава. или опавшие листья и влажный мох. «крестики-нолики» теней на нагретом асфальте, леденец тумана на языке, лужи солнечного сиропа утром на полу. люди лишь угадываются. не мешают. созерцают. лучшее, что они могут, – созерцать.

ЧУЖИЕ ДОМА

чужие дома всегда привлекательны. нет в них ни скуки, ни тоски, ни отчаяния. мебель всегда удобная, цвет обоев тот, что надо, чудесная музыка – фоном и приятное освещение. умиротворение и покой. ещё – наполненность. да, пожалуй, это самое точное определение. чужие дома всегда наполнены смыслом, энергией созидания, настоящей жизнью. вон на подоконнике – смешные кактусы, галька с акриловым узором на шелковистом боку, вышитые наволочки, какие-то плетёные коврики, закатное отражение окна на потолке. хозяева обязательно комфортные в общении люди. «какой чай будете – чёрный или зелёный?» и все заняты делом, полезным и интересным. и никаких скелетов по шкафам.

КОРОБКА

На память о кипарисах, пронзающих море, осталась горсть пузырьков с душистыми маслами. Апельсин, лимон, бергамот, жасмин, зелёный чай... Они сложены в коробку вперемешку с ракушками и забавными брелочками. Пузырьки открывались и закрывались, картон коробки впитал неосторожные капли. Теперь, редко-редко, вынимаю это вместилище запахов из шкафа, закрываю глаза, приподнимаю крышку и вдыхаю. Десятки бабочек вспархивают с поляны, которая где-то за солнечным сплетением. Они обминают ключицы, скулы, виски – и вырываются наружу. А там, где гнездилась эта разноцветная братия, ещё долго-долго перешёптываются воспоминания.

УТРО

За старинной витой оградой – чеканная мостовая, велосодорожка и чопорный тротуар. Кованные фонари спят за блестящими стёклами. Из магазинчика по соседству пахнет кофе. Редкие шаги или звонки велосипедов вплетаются в пение птиц. Но возле ограды они стихают. Цветы манят, зовут остановиться и взглянуть на них. Солнечный свет преломляется в их шёлковых лепестках, рождая невидимую приворотную силу. Тонкий аромат становится зельем, и вдохнувший его не в силах пройти мимо. Жёлтые, алые, пурпурные ленты увивают сад, цвет неистовствует, поёт свою вечную песню – о красоте, о свободе, о могуществе природы. Утро.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Днём уже не улицы, а раскалённые жаровни. Каменные стены пышат огнём. Ветер неистово сыплет семенами всех мастей. Катись по городу, как бисеринка воды по полыхающей сковороде. А утра ещё свежие, деликатные, мятные. Выходишь срезать что-нибудь цветущее – и окунаешься в нежность петунии, тончайший аромат роскошных ирисов и новорожденное благоухание пионов. И всё тебе по пояс и даже выше, и роса в траве, и пчёлы пьют воду из пруда, и на каменных дорожках сада – перламутровые следы от улиток. А где-то там, в необъятной кроне ореха, радостно стучит дятел.

ПОТЁМКИНСКАЯ

Её первые номера растворяются в Спасском спуске, последние – в парке Петровского. Она – это тугой моток дремучих «жилкопов» с витиеватыми облупившимися воротами и группками публички в лампасах, обрушившихся парадных и ручных голубей, приземистых палисадников и котов с пиратскими мордами. Ходить по ней можно только в кедах – если, конечно, не хочешь сломать себе ноги. А лучше – трамваем: оглушительный лязг металла, зубастые контролёрши и полные окна света. Солнце – раннее – подпрыгивает над куполами церкви на Садовой или катится – малиновое – за элеватор на том берегу, цветут допотопные яблони, девочка с изумрудными рожками на обруче рвёт одуванчики возле парикмахерской в районе Первой Слободской...
...люблю тебя.

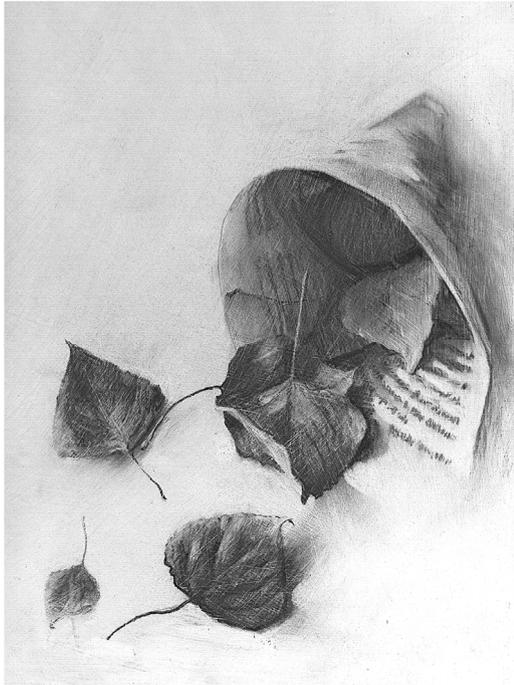

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Непроглядно и холодно. Ребёнок суёт мне в карман свою руку – погреть. Идёшь и сглатываешь уже почти ледяные комки безвкусного воздуха. Ароматная осенняя горечь распалась, как солнечное чудо клубники – в морозилке. Кажется, что впереди не три холодных месяца, а вечная мерзлота. Мысли о Новом годе ничего не заставляют тепло шевельнуться внутри. И это давно не пугает. Этот праздник со всеми сопутствующими, некогда обожаемыми, приятностями упаковался в конверт и отправился неизвестному адресату – в никуда. Как сделать так, чтоб зима не наступила? Пожалуй, заткнуть уши наушниками, включить что-нибудь сумасшедше красивое – и медленно раствориться во Вселенной. Стать деревьями, звёздами, воздухом, дымом над редкими крышами... Стать зимой.

ШЕСТЬ ЛУН

одна – ледяным сюрикеном – как всегда, далеко и непричастно – в скрипучей сетке коленчатых ореховых веток.
три – в саду-огороде – с энергосберегающими лампочками внутри (чтоб в темноте не перепутать помидор с лягушкой из пруда. нет. это летом. а сейчас – мёрзлую хризантему с шампуром, забытым осенью у мангала).
пятая, «фалиминтовая», – под языком (горло!).
шестая – в наушниках – «королевское» «Teo Torriate». не луна совсем. подумаешь – «...time is but a rareг moon...» но – луна. причём полная, как сегодня. и зимняя. всегда мне такой казалась. словесная серёдка – тёплая, а музыкальная оболочка – будто ледяную крошку жуёшь.
(в три часа ночи высунула нос за дверь, чтобы вдохнуть морозного воздуха, и вдруг – полнолуние. и орех своими размерами, как всегда, – на высоте (и в вышину! и в ширину!). и свет в огороде забыли выключить – иди выключай с больным-то горлом. а там – такая пустота, что только небо и я. и луна – уже не монетой-убийцей с отточенными краями, а слюнявчиком – на бельевой верёвке с прищепкой).

КУЛЁК СЕМЕЧЕК

Если представить город кулём из газетной страницы (в каких раньше продавали семечки), перевёрнутым остриём вверх, то так и тянет сгрести его в жменю, сминая трубы котельных, телевышку и антенны мобильной связи, и потрясти. Что высыплется из него? Бродячие псы, киоски из «вагонки» с мандаринами и черносливом, детские ведёрки и лопатки, старушки с одиночеством в виде оловянных крестиков на груди, известняковая труха и трамваи. Ещё – рассеянные взгляды сквозь жалюзи цвета закатного поцелуя, алые ленты любовных историй, пепел выкуренной под Элвиса сигареты... И всё это засыплет тоннами коричневых тополиных листьев.

Рисунки Рустама Мирзоева

Євген МЕХЕДА

ВЖЕ Є ЩО ВТРАЧАТИ

Есеї

Відмова тікати

Я повертався з заходу додому, на південь. Змінював два найлогічніших в Україні напрямки туристичного обміну людськими ресурсами. Море і гори. Типова подорож. Пустий вокзал Івано-Франківська, куди мій потяг запізнився на сорок хвилин, нові, побудовані вже у незалежній Україні вагони, де полиці купе стали коротшими і зникла поличка-сітка для особистих речей, щілина у зачиненому вікні, слухаючи свист якої, починаєш думати про менінгіти, гайморові пазухи, застуди, обструктивні бронхіти й ангіну. Розлючені на тебе, на себе, на життя провідники Одеської залізниці. Численна група дорослих хіпарів, що зі своїми дітьми їдуть на море. На полиці під моєю їхала панянка з Москви. Симпатична і приємна – руйнує всі стереотипи про москалів, – не давала мені підписувати ніяких компромісних статей і, взагалі, зайве не розмовляла. Вранці все ж мене спитала, чи правильно вона зрозуміла, що ніяких ковдр, навіть захованих у нутрощах недешевого загалом купе, немає. Ну так, кажу, немає – літо ж. Укрзалізниця знає, що пасажирів не мають мерзнути. Мурашник вокзалу Одеси, вітряні солоні водоймища недалеко від моря. Ці місця навіть можна любити.

Багато хто хоче втікати. Люди не вірять у свою силу, яка може змінити стан речей у їх регіоні. Багато хто розмовляє українською на півдні і сході. Але не вірять, що може своїм прикладом бути достатньо переконливим для більшості, нащадків матросів і солдатів, заселених сюди російською імперією. Не вірять, що рівень культури виросте на малій батьківщині до рівня масових заходів без участі випускників «Фабрики зірок» і приурочених не тільки до Дня міста і Нового року. Не вірять, не вірять, не вірять. І будь-яка Врадіївська хода сприймається виключно як щось заполітизоване і безперспективне. Ніхто, включно з її учасниками, не вірять, що цим чогось можна добитись. Люди просто час від часу роблять такі речі, коли більше не можуть терпіти, просто тому, що треба робити хоч щось.

Нещодавно я стояв у супермаркеті над ваганами з льодом і різними водними істотами. Там, в окремому металевому судку, лежали раки, що позиціонувалися адміністрацією як живі. Але ворушилось їх з п'ятдесяти двоє. Можливо, там, під трупами, було ще кілька притомних, але бачити я міг тільки двох. І мені це так нагадало Україну, що я мусив відвернутись. Усім зрозуміло: на півдні і сході є адекватні люди, які усвідомлюють себе громадянами суверенної і

Мехеда Євген Віталійович. Народився 9 грудня 1994 року в Миколаєві. Вивчає німецьку філологію в ЧНУ ім. Петра Могили. З 2012 року друкувався у журналі «Дніпро». Перший переможець Всеукраїнської резиденції для молодих авторів «Станіславський феномен». Друкувався на блозі «Української правди» та у «Галицькому кореспонденті».

незалежної держави. Зрозуміло: їх не влаштовує, що, наприклад, саме їм завдячує ціла країна за відомо якого президента. Зрозуміло: втрачають часом дар мови, коли бачать, що мають нахабство робити, приймати, казати народні депутати чи міністри. Просто коли на групу з п'ятдесяти мертвих раків ти один ще можеш критично бачити, здається, що реагувати на провокації просто контрпродуктивно. Сприймаєш їх як нові реалії, з якими у ворожому середовищі треба існувати. І боротьба виглядає як щось занадто енерговитратне. А наступного разу, коли якісь виродки приймуть новий закон, ця енергія знадобиться, щоби ще хоч скількись протягнути.

Саме тому жакливо образливо буває чути, наче захід вважає жителів півдня чи сходу якоюсь біомасою, що закопались одні у пісок, інші у вугілля і сидять там, зайняті тим, що не ідуть на діалог. А нам насправді критично потрібен цей діалог. Немає правди у конфронтації, нав'язаній під час нових виборчих перегонів. Ми не можемо дозволити собі більше розбрату в лавах. Скажімо, у Сполучених Штатах, поділених на південь і північ, така модель поведінки може працювати. Люди з дуже різними акцентами голосують за різних президентів і хочуть різних речей. Та все ж ні на секунду не задумуються над тим, чи складають одну націю. При тому, що підстав такою називатись у них значно менше, ніж у нас. Вони є різномасті місіонери, мормони, пуританці і біженці, що сколотили спільну державу. Чому ж те саме складає таку проблему для нас?

Якось мені казали в жарт, що в УПА не було демілітаризації. От, мовляв, війна скінчилась, але вояки Повстанської армії зброю не склали і готові хоч зараз боротися за свої права далі. У цьому контексті, коли повертаюся на південь, маю враження, наче тут ніколи так і не трапилось повоєнної відбудови. Мільйони людей хочуть звідси звалити. На це направлені їхні моральні і душевні зусилля. Люди не хочуть боротися за свій простір, і все більше таких, що дивляться з надією на захід. Хто на українській, хто на закордонній. Але так це не працює. Я не зустрів жодного щасливого емігранта в Америці. Я знаю, що пробувати тікати – безперспективно. Бо як би банально це не звучало, ми нікому там не потрібні. Просто треба бути максимально корисним там, де ти поставлений, і покращувати те місце, де ти є. Для цього виснаженим нерівною боротьбою півдню і сходу потрібна підтримка заходу і півночі. Хоч якась. Як мінімум, завезення українських книжок у книгарні.

А наразі, гадаю, треба не втрачати вміння посміхатись перехожим. Щоби серед депресивного, сірого, задушливого міста, можливо, якась, крім тебе, жива душа зрозуміла, що вона не одна. А ще казати водію «візьміть», а не «возьміте». Тому що це наша батьківщина і ми залишимося тут.

Мій американський колективізм

Був кінець зими чи початок весни. Я не знаю, тому що у штаті Флорида, містечку Гейнсвіл, завжди хороша погода. Коли ж температура падає до двадцяти, місцеві, мексиканці і кубинці, одягають російські шапки-вушанки, люди ховаються по кафешках жвавіше і гроші витрачають охочіше.

Я сидів надворі, біля бібліотеки свого коледжу. Сиджу, грію на сонечку кістки, відходжу після тренування. На той момент в Америці був лише два місяці, тому ще міг бути радісним. У бібліотеці людей майже немає, тому сигнал вайфаю сильний і рівний – радість мого покоління. Що ще треба?

Я зовсім відвик від будь-яких слов'янських мов у побуті. Навіть уроки російської, які я обіцяв давати хазяям, не мали успіху. Тому спілкування рідною чи близькою їй мовою для мене було на вагу найвишуканішого делікатесу. Бо інтернет – це хоч прекрасний і еднаючий, але симулякр. Тому за мовою я сумував. Розумію, що занурення у середовище – найкращий спосіб вивчити щось інше, але свого мені не вистачало. Майже з самого початку перебування за кордоном мені вчувались і вбачались на вулицях рідні речі. У когось нібито бачив кофту з візерунками полтавських вишиванок, у когось – червону стрічку у волоссі, в когось, зазвичай у поляків і чехів, проскакували знайомі акценти. Тоді я підбігав до цих випадкових людей і питав у них, чи бува вони не з України. Питав англійською, бо з теорією ймовірності знайомий погано, а все ж припускав, що концентрація наших за сім тисяч кілометрів від дому вкрай мала.

Тож я сидів на лавці. Розклав свої речі на всі стільці столу, розслабив вузол краватки. Переварював їжу пришвидшеним своїм підлітковим метаболізмом. Аж раптом вуха мені різонуло щось знайоме. Навіть не словами, а інтонаціями. Хтось дуже по-українськи сперечався і майже сварився. Як у селі, з прокльонами, найжджають одна на одну куми. Сходами підіймалися дві панянки. Галина і Уля. Цього разу я не помилився. Ми простояли з ними на східцях близько години.

Наскільки зараз популярна серед широкого прошарку населення України ця ідея – звалити у Штати. Незалежно від того, знаєш ти мову чи ні, маєш ти до кого їхати чи ні. Навіть люди, які Америку ненавидять як імперію зла, чисто за радянською інерцією, все одно час від часу заповнюють форму і грають на грін-карту. Якись із них навіть виграють і справді вирішують їхати. Я не буду тут писати про те, що на нас там косо дивляться. Це зрозуміло і так. Американці, які достатньо адекватні, щоб розуміти становище економіки Штатів, засуджують у цій ситуації не хаотичність ринку і не свого афроамериканського, здається, президента, який запам'ятається тільки кольором шкіри і палкими, як у Гітлера, промовами. Вони звинувачують тих, хто понаїхав, у тому, що остання супердержавна розвалюється. Це, власне, природно. Але образливо те, що нас вони з натовпу не вирізняють і ставлять в один ряд з дилерами-мексиканцями, перуанцями-перукарями, російськими таксистами і арабами в арафатках. Ніякого спеціального ставлення ми не заслужили в їхніх очах. З іншого боку, що вимагати від людей, які ледь не почали бомбити Чехію, сплутавши її з місцем походження бостонських терористів – Чечнею.

Тож я не говорю про те, що нам там не раді. Можна адаптуватись і змішатися з натовпом аборигенів. Акцент можна витравити, як у «Пігмаліоні» Бернарда Шоу, хоч я і не розумію, чому шотландці своїм пишаються, а ми намагаємось підігнати вимову під британську фонетику. До того ж можна бути корисним і цінним кадром незалежно від континенту, де ти знаходишся. Можна асимілюватись і за десять років самому вже нарікати на клятих емігрантів, що заповнили батьківщину твоїх дітей – Америку. Все це можна зробити без проблем. Єдине, хочу сказати, що жодного щасливого емігранта у Штатах я не зустрів. Усі по-американськи усміхнені, тому що ця зараза чіпляється буквально за кілька днів і на все життя, але в особистій розмові кожний нарікає на речі одні й ті самі – стосунки, друзі, відвертість. Кожен сумує за своїм розумінням дому. Хто за Узбекистаном, хто за Росією, хто за Білоруссю. Проте ця відмінність узагалі втрачає значення на такій кількості миль, навіть не кілометрів, від рідного материка. Там ми всі заодно і всі разом. І з найбільшим задоволенням я спілкувався там саме з емігрантами.

Так повелось історично. Дві супердержави – Радянський Союз і Америка. Дві моделі виховання поколінь – колективізм і індивідуалізм. Ми не зрозуміємо їх закритості. Вони не зрозуміють нашої розчакнутості. Це не погано і не добре. Просто так це працює. Просто вже в інших кордонах ми досі живемо реаліями глобального протиборства.

Їхав у Штати назавжди, квиток назад бронювали на якнайдалшу дату. Тому що справді, що ловити в Україні, відсталій аграрній країні з олігархічним режимом і мертвою опозицією? Проте за п'ять місяців, довших за попередні вісімнадцять років мого життя, я втік. Тому що людські стосунки виявились надваговими у контексті сьогодення. Тому що ми, живучи тут, їх не помічаємо і нівелюємо їхню вартість. У той час як це, можливо, останнє, що в нас лишилось.

Втрачене покоління інформаційних війн

Іноді мені здається, що для наступної репліки у розмові я не зможу зв'язати слова у речення, навіть у якесь неповне і односкладне, хай би що ці терміни означали. Усвідомлено мені потрібно було би багато часу, щоб з'єднати до купи відмінки, часи і всі інші речі, які можуть у мові знадобитись.

Багато моїх учителів, чи, як вони люблять, щоб їх називали, викладачів, з різних мов часто мені казали, що відчуття мови – це пусте. Головне – знати правила. Граматика, фонетика, етимологія... Я схиляю голову перед їхнім досвідом і витонченою силою думки, але не погоджуюсь категорично. У вивченні будь-якої мови чи навіть будь-якої науки, наприклад, геометрії чи фізики, які також загалом можуть вважатись мовними системами, роль флагмана відіграє тільки практика і, як наслідок, відчуття мови.

Можна навчити людину будь-якій кількості правил, бо можливості нашого мозку необмежені, але це ніяк не зарадить тому, що вона не вміє розмовляти. І не стане людина розмовляти, навіть якщо знатиме все назубок, поки не навчиться не клякнуту перед іноземцями і не боятись говорити. І поки з ходу не бачитиме формули у прикладах і фігурах – не вирішуватиме і квадратних рівнянь. Наприклад, я можу знати, де треба брати мі-бемоль на грифі гітари, але від того мені не легше перейти на нього з соль-мажору, бо я не брав інструмента до рук уже з півроку.

І от нам дістався у спадок цей світ, повний автоматії. І добре ще, коли люди займаються автоматією такою, як я описав. Тобто вони перебували у середовищі чи багато практикувались, і через те тепер їм не треба напружуватися, щоб знати, що в акузативі чоловічого роду артикль має закінчення -en. Просто собі розмовляють. Але страшніша автоматія у речах серйозніших. Так, мене завжди дивували сатаністи.

От, думаю я, якщо ти віриш у Сатану, отже, ти маєш більш-менш орієнтуватись у біблійній історії створення світу і часах до того. Принаймні, повинен мати якусь уявлення. Тому що, так чи інакше, це все фігури одної партії – Бог, янголи, Диявол, його янголи. Тож якщо ти віриш у Сатану, то ти віриш і в Бога. Не інакше. Бо стверджувати протилежне – це наче не сперечатись про те, що було раніше – курка чи яйце, а казати, що курки ніколи не було. Значить, маєш розуміти, що бік диявола – сторона, що має програти. Ага. Тож я не бачу, як можна усвідомлено обирати бік, що не переможе в останній битві. Тобто я ще розумію, чому можна вболівати за спортивну команду, що систематично програє. Там може бути командний дух, хлопці, з якими ти виріс у дворі і які тепер грають за ФК з іменем твого міста. Нормально. Зі стадіону за три години виганяють усіх, хто там тренується, наводять побілкою лінії на полі, підіймають прапори, і місцева команда зливається у мужній звитязі. З трибун щось волають, скандують, просять гол. Я не імпоную, але можу зрозуміти і не засуджую. Кожен розслабляється, як хоче і може. Будь ласка. Але коли питання стоїть про вічне життя, як можна усвідомлено обрати вічність мук?

Питання насправді просте. Такі рішення приймають, бо люди не думають. Люди зовсім не думають. Просто відмовляються думати й аналізувати те, що кажуть, що роблять, що декларують і виголошують у своєму житті. У питаннях важливих спостерігається повна атрофія. Атмосфера доживання не покидає цю країну. Місія на утримання закінчується – скоро кінець, значить, можна спалити свої ж сараї, щоби не дістались ворогам. Хто вороги? Я не знаю. І ти не знаєш? Але, без сумніву, вони наступають. Це чується у повітрі. Тому доживаємо з піснею.

Моє покоління – те, що росте у середовищі глобальної інформаційної війни. І воно є не менш втраченим, ніж покоління Ремарка і Хемінгвея. Ми так само не знаємо, що робити з життям, зі знаннями, які у нас запахали. І з нас також у люди вийдуть тільки пристосуванці, брехуни і партійні активісти. Нашу війну, проте, ми проводимо в рідних домівках. І через те ще гірше, бо немає куди повертатись. Бо це і є плацдарм. Ніякої столиці позаду. Ворог уже давно в наших тилах і на периферіях. Новий 1240 рік з новими татарами – інформаційними великоросійсько-імперськими, європейськими, мусульманськими. Різними. Тільки малі і великі феодали сьогодення навіть не намагаються збиратись до купи для оборони. На відміну від княжичів тринадцятого сторіччя, міжусобиці теперішніх тільки розпалюються. Тому і не було битви на Калці. З іншого боку, через те не було і скрушної поразки там-таки. А Київ уже давно спалили. Ба більше, ця Мекка заробітчани спалила себе сама. І добре.

Те місто вже давно само себе пережило і розкладалось. Як величезне космічне тіло, воно тягне людей до себе якоюсь непереборною силою, але одночасно і готується до вибуху зсередини. Тому добре, що наша історична столиця тепер центр донецького бізнесу – бодай заодно згорить і він. Бо ані греки, ні, тим більше, варяги нічого возити через ці території давно вже не хочуть. А значить, і сенсу триматися за цей зотлілий скелет Києво-Руської державності немає. Краще собі утримувати оборону на місцях. Бо, можливо, закінчиться постмодерн, почнеться новий ренесанс, і люди нарешті зачитують. Хто знає, можливо, колись накриється всесвітня мережа інтернет під вагою власних серверів і впадуть усі супутники, і ми повернемося на сто років назад, коли війни ще не було – ще хоч рік. До ще мирних переписок російського царя Нікі і німецького кайзера Вілі. Можливо, але насправді цього не хочеться. Бо наш час зараз і битва наша зараз. І якщо ми поставлені тут, то маємо боротись тут. На інформаційному бойовищі.

Пам'ятаю, яким шоком для мене було років у тринадцять дізнатись, що козаки не існували завжди і перемагали далеко не в усіх війнах. Але ми, їхні нащадки, свою звитягу проведемо краще від них і вже, напевно, краще від національної збірної з футболу. Тому що ми вміємо думати і моєму поколінню вже є що втрачати.

Гармонія

Ми сідали в автобус із автовокзалу Івано-Франківська, коли я дуже чітко побачив калюжу крові та її сліди на бордюрі і під ним. Я просто відчув, як когось тут учора товкли об асфальт обличчям. А за півтори години ми прибули у Бучач. Майже пусте місто, де більшість населення на службах у котрійсь із церков, віддає спокоєм.

Пацани на річці йдуть вверх за течією і ловлять рибу. Думаю, так, як ловили ще у Галицько-Волинській державі. Ріка не надто глибока. У найглибшому місці хлопцям, можливо, по груди. У кожного в руках довга палиця, від якої у різні боки йдуть ще чотири, утворюючи квадрат, чи то пак низ піраміди, до якої прив'язана сітка площею метрів два на два. Усередині є невелике заглиблення, та я не знаю, чи то так задумано, чи з'явилося воно з плином часу і збільшенням пробігу інструмента. Методично вони зупиняються і опускають сітки під воду. Самі відходять трохи у бік ближчого берега – треба, щоби течія знесла намул, здійснений їхніми ногами. Вони відходять і стоять. А річка жива і зблизка є гучною. Тому ці забобони рибалок, які шукають виправдання своїм невдачам, їх не стосуються – вони стоять і перемовляються. Ріка в них поділена на дві частини – ліву і праву, якими вони йдуть паралельно. Постоявши хвилину, хлопець піднімає свій інвентар із води. У ньому б'ється кілька невеличких, але гармонійних і повних життя рибок. Він складає їх у садок, де вже зібралось немало здобичі. Ми стоїмо над ними, на мосту. За нашими спинами збирається на грозу. І пацани, що з сонцем ідуть назустріч стихії, є картиною романтичною, хоч самі вони, певно, так не вважають.

Уже протягом кількох сторіч маємо невинувдане зверхне ставлення з боку жителів великих міст у бік жителів малих. Мовляв, ті не знають і не бачать життя, живуть у своїй коробці і не можуть за її межі вийти. Але насправді саме села і невеликі населені пункти дають можливість жити у первісній гармонії з самим собою і потрібними благами цивілізації. Без пробок, без безлічі друзів в Інтернеті, без награних посмішок і канцерогенів з мікрохвильовки. У маленьких містечок треба вчитись і їх прагнути. У таких містах і селах, які, здається, мають свою власну валюту, що не девальвувала за двадцять років незалежності, можна вчути відгомін адекватного світогляду, продиктованого природою і оптимальною простотою, без зайвих вигадок і обтяжень. Я погоджуюсь із Кропоткіним, що ставив під сумнів і трошив ідеї Дарвіна. Світ, природа жива і нежива, – усе прагне спокою і гармонії. Виживає не сильніший, а навпаки, усе навколо лине до співпраці і миру. Бачили колись війни між населенням одного мурашника? Тваринна мораль має на увазі дії на користь роду і виду, а не йому на шкоду. Уклад, що підходить людині, – родова спільнота, де всі одне одного знають і працюють задля спільної ідеї. Цього вже ніколи не буде у великих містах. Люди з задоволенням всотують цінності конsumerистського суспільства. Давайте усі переїдемо у столицю! Citius! Altius! Fortius! Швидше! Вище! Сильніше!

Ви, може, справді хочете форсовано старішати, поспішати, бути кращими, топити когось, про-риватись? Можливо, це справді те, що уявляється вам перед сном? Я просто не можу цього досягнути. Я знаю: реалії жорсткі, і з ними треба якось співіснувати. Але я питаю себе і розумію, що в ідеалі я би хотів бути, як граф Толстой. Тобто жити на природі у своєму селі, працювати, мати улюблений трактор, годувати тварин, їсти їх, просто і щиро веселитись, а не награно, для боса і колег. Спокійні вечори за бесідою з дружиною з чаєм на кухні. Без телебачення. Це не дауншифтинг, тому що я не включаю у цей план спершу життя на знощення і душевну витривалість. Проте не можна сказати, що ми забули, як дивитися правді в очі, – нас просто цього ніколи не вчили. Жодний із нас не хоче насправді працювати в офісі. Кожен думає про таку посаду, де буде усім потрібним, харизматичним переможцем. Але саме твоя, принципово якісна і краща, ніж в інших, робота нікому дуже не потрібна. Не аж так, щоб не можна було тебе, як гвинтик, замінити не таким самим, але схожим. Тому так і вгризатимемось у горло всім, кому накажуть. З маленькими передихами у вихідні, з парою друзів, але не тих, що справжні, з дитинства. Тих ми втратимо чи вже втратили, тільки-но почавши пришвидшений рух. Так і живемо, цілі покоління корпоративних Сізіфів, які котять свої камені до не притаманних нам, нав'язаних цінностей, після досягнення яких ми залишаємося спустошеними на вершині гори. І думаємо: що далі? Скотити каменя донизу.

Я повторюю: не виключаю, що ви саме цього хочете і це те, чого ви прагнете: активність-активність-активність, втома, апатія, виразка. Просто не можу поки що усвідомити, як можна, маючи вибір між миром у душі і безідейною боротьбою проти себе, обирати друге. Але я намагаюсь. Чесно, усіма фібрами душі намагаюсь.

Ксана Коваленко. Народилася 17 жовтня 1978 р. у Миколаєві. Освіта вища, філологічна. Працює викладачем іноземних мов. Друкувалась: у колективних поетичних збірках «Музы солнца» (Миколаїв), «Поэтическая пристань» (Миколаїв), «Via» (Канів); у періодичних виданнях «Поле литературное» (Поділля), «Літера Н.» (Миколаїв), «Арт-шум» (Дніпропетровськ), «Согласование времён – 2012», «Лава» (Харків, 2011), «Склянка часу» (Канів, 2011), «Камбала» (Донецьк, 2010), «ЛитЕ» (Харків, 2012), «Журнал ПОэтов» (Москва, 2011). Автор поетичної збірки «Синие-яблоки-чёрные» (Миколаїв, вид-во І. Гудим, 2008). Лауреат VIII фестивалю поетів «Летающая крыша» (Черкаси, 2005), Міжнародного літературного фестивалю ім. Н. Хаткіної «Samabala – 2010», дипломант поетичного конкурсу «Малахитовый носорог – 2005» (Вінниця), Всеукраїнського поетичного фестивалю «Ан-ТР-акт» (Херсон, 2010), Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія» (Миколаїв, 2012). Співорганізатор фестивалю «Ватерлінія» (Миколаїв). Член Національної спілки письменників України (2015).

Ксана КОВАЛЕНКО

ВЕЛИКІ, ГУЧНІ, ЗЕЛЕНІ

HELLOVIN

То не хмара –
то сивий кінь
розвозить мерців
по закутках неба.

На деньвсіхсвятих
у померлих аншлаг:
вони обсїдають небосхил
вони обговорюють живих
вони уважно дивляться на нас
та шкїрять жовтаві гострі зуби
що сяють зорями у чорному роті неба.

Аж раптом тобі стає насправді моторошно
і ти обїймаєш мене, щоб сховатися від їх погляду.

ГОЛОС

ти мій дивний цвіркун не мовчи не мовчи говори
та свій голос шукай серед трав хробаків та коріннів
тільки тих хто залишив своїх доганяли вітри
та любили любистки й зірки у справдешньому вирїї

тільки ті голос хто віднайшов розгубили близьких
та сирїтство своє несли легко мрїйливо розпачливо
а було це заради живих чи уже неживих
ніколи не мало і значення

* * *

своє «я» не вимовив
не поклав себе у світї
а залишається поряд – тихо.
болячий наче набраний подих
мовчазний як зойк зламаной гїлки
непомїтний як зголодніле кошеня

промовляй його всерединї
вирощуй наче камїння
дозволяй йому бути щоденним

вїн тобі це дозволив

РОЗМОВИ З ДОНЬКОЮ

1. Коники

Коникам сняться коні –
Великі, гучні, зелені,
Що вищипують гомін
З душиці, м'яти, паслену.

Коникам сниться тупіт,
Пил та дзвінки підкови,
Оксамитова збруя,
Грива довга, шовкова.

Кінь стоїть у діброві,
На спині – хмаринка втоми.
Та уві сні кольоровім
Він стрибає, мов коник.

2. Як це було

яблуко визрівало в мені
у самій середині
у самій серцевині
ось тут під серцем
та у ньому завівся хробачок
та з'їв те яблуко
а потім народилася ти –
з щоками як яблучка
з апетитом як у хробачка

3. Ми – дерева

Стовбур твоєї спини тримає голову
Наче крону
Наче корону
Наче вінець
Голова по вінця повна осіннього листя
Що шурхотить від протягів
А ти думаєш
То твої думки

4. Місто Лева

на шпилі янголята мелють каву
перше зернятко – мрія
друге зернятко – сон
третє – вигадка

леви зачаровано ворущать ніздрями
прядають вухами
всотуючи аромат
кжною кам'яною
мармуровою
цегляною шпоринкою

ранкове місто оживає

ЛИСТ

(за Р. Бротіганом)

Дивно:
Чекати на листа
Який ще не написано
У відповідь на мій лист
Який ще не прочитано тобою
Лист, який я тільки збираюся написати

* * *

Кожного вечора він йде навпомацки
Навшпиньки
Попід сонні вікна
Кожної ночі він йде просто неба
Простує до зірок
Простягає тоненькі руки
І відводить лихо
Відводить чорне око лиха
Від людей
На себе
Такого маленького та надто серйозного
Від всіх сонних безпорадних
Жорстоких та невартих того нас
А потім встає на коліна та починає молитись
У саму середину всесвіту
У чорну пульсуючу зіницю безодні
Щоб народився колись йому
Живий та справжній тато
Тепла та запашна мати
Щоб його пестити та пустувати з ним
Щоб інколи згорнутися-заснути на їхніх колінах
Бо маленький Адам
Вже так втомився
Кожної ночі рятувати
Цю безкінечну безодню своїх нащадків

* * *

Ще як була пуп'янком –
Пестила комах, бджіл та метеликів.
Як стала пагінцем –
Кожну тваринку та гада
Обіймала зеленавими долонями.
Як стане квіткою –
Почне любити людей.

Та чи не зламають квітку?

* * *

Твою присутність винайду, як мову,
 Якої не було в театрі тіней
 З гучною назвою Silencio донині.
 Як не було й тебе у перехресті ліній
 Моїй долоні. Доля ж незбагненна.

Як огортати смисли в оболонку?
 Бо слів незайманих немає в світі.
 Незнаних звуків й темрява не містить,
 Як і не зна ніхто нових просодій.

Тебе в своє життя вписати, в словоформи
 І зберегти тебе в умовний спосіб.
 Створити час нестерпно-нескінченний
 І в ньому залишитися навечно.

Але мовчи – тобі мовчання личить.
 Порушиш тишу – мова стане штучна.
 Не зрадь собі – бо мова стане мертва
 І промовляти я тебе не стану...

СІМ СПОСОБІВ ЧИТАТИ ДОЛОНЮ

1

моїй долоні бракує ліній:
 шлюбу роботи побуту
 лише лінія серця
 що перетинає лінію волі
 зливається з лінією життя
 та чомусь ніколи
 не перетинається з лінією розуму

2

на моїй долоні є пагорб венери
 з хрестиками та перехрестями
 то не перехрестя долі
 то не позначки зустрічей
 на гугл-мапі мого життя
 то кладовище моєї любові
 вбитої кожного разу
 поглядом
 словом
 часом
 відстанню

3

на моїй долоні є пагорб меркурія
 тож я виявляється людина творча
 і могла б писати вірші
 якби принаймні навчилась
 пристойно римувати

4

на моїй долоні подвійна лінія життя
чи то я мала б братика чи сестричку
проте я проживаю їхнє життя?
чи то мені дасться другий шанс щось виправити?

дивлюсь пригадую не виправляю

5

лінії на долоні –
маршрути якими крокує душа –
ламані роздвоєні покручені

десь у серці цього лабіринту
на неї чекає мій мінотавр

6

лінії на долоні –
корені мого фамільного древа
що висотують сили та думки
допоки я не вгадаю свого призначення
в їх хитрих сплетіннях та знаках

7

лінії на долоні –
карта метрополітену яку бачиш вперше
та й гадки не маєш у якій точці знаходишся
гадки не маєш куди рухатись далі
а місцем призначення
виявляється притулок твоєї долоні
до якої не дістатися
жодним транспортом

Ірина ПАВЛЕНКО

ЯБЛУКА ПАХНУТЬ ДОЩЕМ

* * *

Осінь – час шкіряних курток і розірваних сподівань.
 Осінь – час каятися і час молитись,
 Час розгрібати торішні листя,
 Саме на цій старій вулиці починається життя
 По бруківці в старих мокасінах бренду на три літери,
 Де ти вперше в обличчя стикнувся з нею у синьому плащику,
 Замотану у величезний в'язаний шарф,
 Спочатку вона здавалась тобі маленькою і невмілою,
 Але потім проковтнула твоє життя,
 Перетравлюючи його на листя жовте, багряне і жорстоке.
 Стояти б на тій вулиці, осипаючись,
 Бачити сни про те, як журавлі покидають домівки,
 Прощаючись з передмістям,
 Де ти ніколи не був, –
 Але час каятися і час молитися,
 Час переставляти меблі,
 Час поспішати – бо скоро прийде зима,
 І зібрати торішні листя вже буде несила
 Ні тобі, ні їй, ні Богові.

БЛИЗНЮКИ БЕЗ ОБЛИЧЧЯ

Тепер я людина без маски
 Подивись на мене
 Мій близнюк забрав у мене її
 І примірів на себе

Тепер я ходжу наче привид
 І ніхто не знає мене
 Окрім нього

Він забрав у мене всі мої лица
 Одірвав від обличчя шкіру
 І повісив на нього табличку:
 «Продано»
 Більше мене ніхто не купить
 Адже без обличчя я нічого не вартий

Павленко Ірина Юріївна. Творчий псевдонім – Іра Пам'ятай. Народилася 15 квітня 1989 р. у Миколаєві. Закінчила Миколаївський національний університет ім. В. О. Сухомлинського (2013), за фахом – вчитель української мови та літератури. Закінчила Українську академію друкарства, видавнича справа та редагування (2011). Літературною діяльністю займається протягом семи років, належить до миколаївського літературного угруповання «Літера Н». Бере активну участь у творчому житті міста, публікується в соціальних мережах, виступає на літературних заходах. На папері поки що не друкувалась. У 2013–2014 рр. брала участь у конкурсах відеопоезії: «Батискаф» у рамках Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія» (відео «Відіри в мені»), Міжнародний фестиваль відеопоезії «CYCLOP» (відео «Близнюки без обличчя» та «Оживи»). Виступала у складі літературно-музичного гурту «Третій Зайвий», авторські тексти з музичним супроводом «Близнюки без обличчя» (2014), «Дітьми. Point» (2015) увійшли до альбомів гурту.

ОСЕНІ НЕ БУДЕ

Сніг не спиняється
Падає на вічі, на щоки, на відкриті
Долоні дівчинки, що змерзла від болю
Хто вгадає її ім'я?
Дівчинка мріє про осінь
І листопад
Дівчинка хоче забути останнє кохання
І навчитись радіти життю
Та не може
До дівчинки прийдуть в гості старі друзі
І запропонують розкурити бульбик щастя
Дівчинка почне сміятися
У вічі кожному
І ніхто не сміє її спинити
У дівча під серцем замерзла
Синиця що б'ється в передсмертних
Конвульсіях
На долонях – сніжинки
Що тануть від розкраяного серця
А на обличчі – шрами від нерозділеного кохання
Дівчинку звати «Смерть»
Дівчинка буде жити

МОЛОДІСТЬ ЙОЗЕФА КНЕХТА

Молодість Йозефа Кнехта з Сухого Фонтана
Стала чужим обличчям до стіни
У старій забігайлівці,
Де вода ллється з даху, а побиті шибки
Тріщать під ногами.

Вдома його чекає затишна старість,
Вона стелить нам ліжко,
На якому ми б'ємось одне об одно,
І сміється мені услід,
Бо я йду, як завжди, з пустими руками звідти.

Під його ногами рипить торішній сніг:
«На стіні з'явиться портрет Йозефа Кнехта.
Я зі своєю молодістю та жагою до життя
Покину Сухий Фонтан назавжди».

СПАСЬКИЙ ТРАМВАЙ

І якби ти не був таким принциповим
 Ми б уже давно сиділи в трамваї
 І катались по нашому рідному місті
 Якби ти не намагався стати іншим
 А я була б м'якою як молочний кисіль
 У нас би давно були діти
 Якби я змогла кинути життя як поезію
 І почала б жити щоденною прозою
 У мене б уже був чоловік ну то й що
 Якщо це був би не ти
 Та по суті яка різниця кому готувати борщі
 Я все одно не умію і навряд чи колись навчусь
 Яка різниця кому прати шкарпетки
 І збирати обід на роботу
 І яка різниця з ким лягати кожного дня до ліжка
 Тільки подумай
 Про трамвай про ранню осінь про небо над містом
 В якому ніколи не буде лелек
 Подумай хоч на хвилину: ми сидимо у трамваї
 І по рейках стукають залізні колеса
 Як Маді Вотерс чи Віллі Діксон
 Ми сидимо рука в руці дивимось у небо
 Бо наш трамвай обов'язково без даху
 А небо наше в'язке тягуче як міцний чорний чай без молока
 Як ранковий липень посеред тиші
 Не спіши виходити з трамваю
 До наступної зупинки
 Там на Спаському Спуску
 Вийдемо разом а розійдемося по-різно
 Хто – куди?

* * *

Оживи святою водою моє мертве обличчя
 Налий мені з крана і скажи, що вода свята
 Розітри моє ледь живе серце потрійним одеколоном
 Схвати мене міцно за руку і поведи
 Туди де в дитинстві коли ми були з тобою і були живими
 Ти кидав у чуже вікно камінчики
 Напиши мені листа і пусти дорослим
 Кораблем по Південному Бузі
 А коли я оживу почну відчувати
 Слова на смак і обійми споріднених душ
 Коли у моїх очах з'явиться безглуздий блиск
 Зостанься зі мною і розкажи:
 Де твій дім і куди ти тепер прямуєш
 Де стікали залишки солі з твого обличчя
 Де ти умудрився загубити своє стареньке пальто
 І куди тебе гукає весна?
 По відродженню всі ми стаємо дітьми
 І коли розтікаються води про брудному асфальту
 Хочеться крикнути в небо:
 «Де ти?»

ЯБЛУКА

Грубі риболовецькі сітки закрадаються
У найпотемніші куточки свідомості
І викидують на берег темниці твоїх яблук

Жовтих яблук що їх передає мама в пакунку
Вони пахнуть осіннім листям і доміркою

Запашних яблук що вони стоять на столі
За вікном будинку на сусідній вулиці
Вони пахнуть чужим щастям

Яблук на смак заліза –
Тільки так можна відчутти життя

У моєму домі яблука пахнуть дощем
Що стікає по той бік запітнілих шибок

* * *

Якщо не вийшло перемогти
Йди на північ там де риби лягають спати
О шостій ранку
Де вода стає чистішою від твоїх сліз
Де сонце самотністю світить на маківку і блищить твоя голова
Якщо не вдалось побудувати будинок
Із мушлів та сердечного болю на двох
Повертайся туди де раніше тебе не знали
Тебе відгодувають напоють святим молоком
І ти знову відродишся
Станеш сміятися в такт
І пускати на вітер усе що лишилось у серці

* * *

Там, де закінчуються статуси в соціальних мережах,
Починається життя.
Пиши, що все буде добре,
Все одно ніхто нічого не зрозуміє.
А то, якщо не напишеш нічого,
Подумають про те, що ти абсолютна нікчема.
Пиши листи до бро статусами ВКонтакті
І загортай у рожеві конверти без марок,
Вони все одно не знайдуть адресата.
Пиши на заборах,
На асфальтах білою фарбою, що ти її любиш,
І вказуй пунктирними стрілками напрям,
Куди треба звернутися,
Коли болить душа,
І не забудь вказати номер телефону з восьми цифр,
А то раптом знайдуть,
Раптом зателефонують.

Лілія БОНДАРЕНКО

ВИПУСКНИЙ

Оповідання

Біль і страх, спресовані за стільки років до розміру найдрібнішої, але від того не менш відчутної, щосекундно, усім еством, горошини, за останній час, під тиском думок, розростались. І ось сьогодні, у зовсім непідходяжий момент, знову нагадали про себе. Безборонна, хотіла кинутись до вікна за ковтком свіжого повітря, але сили, чи скоріше того, що від неї залишилось, вистачило, щоб, ледве пересовуючи ногами, лишень доплентатись до нього. З останніх зусиль шарпнула пластикову ручку, від протягу масивна металева конструкція гучно розчахнулася і дзвінке деренчання відлунням прокотилось по квартирі.

«Все нормально, – намагалась опанувати себе. – Все нормально», – повторила, притискаючись до скла, нагрітого полудневим сонцем. До істини було далеко: щось чужорідне вогнем пекло зсередини, кров закипала й з неймовірною швидкістю літала по судинах, ноги підкошувались, не маючи змоги втримати тіло, що трусилось, ніби в пропасниці. Важкий солоний клубок підкрадався до горла... Та випустити його назовні не мала права.

– Мамо? – дівочий голос донісся з коридору.

– Все гаразд, – заспокоїла хриплим басом, проковтнувши емоційну отруту.

– А що ти робиш? – почувла вже за спиною.

– Нічого. Скло ледве не розбилось, – гарячково смикала тюль, не наважуючись повернутись обличчям, на якому ще залишилися сліди неймовірної душевної боротьби.

– Ну, мамо... Чого ти? – донька притулилась до спини, худими руками намагаючись обійняти її всю. Мирне дихання зігрівало, близькість рідного серця втихомирювала.

«Та так...», – відповіла про себе.

Що могла сказати? Ні в якому разі – правди! Сьогодні останній день дитинства її Софії. Випускний. Це буде перша ніч, яку її дівчинка проведе без неї і не вдома... А ще за місяць-півтора взагалі залишить його стіни та й її. Природний процес, бо колись так було з нею, з Ольгою, а тепер і Софіїна черга підійшла. І зостанеться вона сама-самісінька...

«Я не маю морального права псувати їй такий день. Я, доросла жінка, сильна, мудра, і я – мама... Досить! Беру себе в руки».

– Господи, яка ж ти у мене гарна! – повернулася до доньки й ніжно пригорнула її до свого серця. – Доросла! Коли ти встигла вирости? – говорила тихо, обережно торкаючись волосся у зачісці.

– Щось не так? – запитала схвильовано.

– Ні, – розрадила. – Ти красуня.

Бондаренко Лілія Петрівна. Народилася 13 червня 1976 року в Миколаєві. Закінчила філологічний факультет Миколаївського державного педагогічного інституту. Працювала у середній та вищій школах (1999–2011). У 2010 р. її перший психоаналітичний роман «Тринадцята жінка Фрейда» здобув диплом міжнародного літературного конкурсу «Коронація слова», а в 2011 р. вийшов окремою книгою. За результатами обласної Програми підтримки вітчизняного книговидання, книгорозповсюдження та популяризації української книги у Миколаївській області за 2015 р. рукопис її другого роману «Вендета у форматі 3D» пройшов конкурсний відбір і був рекомендований до друку. Чекаючи на вихід другого роману, авторка працює над третьою книгою – збіркою оповідань та повістей.

– До початку ще дві години... Збожеволіти можна за цей час. Ти завжди вчила, що краще мати його вдосталь, аніж відчувати брак... Я не знаю, що робити... вперше, – бідкалась Софія. – Може, поп'ємо чаю? – запропонувала знічев'я.

– Я буду каву, – пристала на пропозицію.

– Чудово. Приготую все сама, – й донька за руку, ніби маленьку, повела її за собою на кухню.

Пішла, несучи на губах посмішку, нібито перед цим душа й не розривалась на шматочки. «Це справжнє диво, що у мене є Софія. Диво...»

Ольга, яку народила на третьому курсі інституту, для неї, по суті самої ще дівчинки, стала лялькою. Бути мамою, як з'ясувалось у процесі, – важко, адже затялась, що навчання не полишить. Безпросвітні дні й безсонні ночі ділила між конспектами та дитиною. Не гнівитиме Бога: мала ідеального чоловіка, що і гроші заробляв, і побут облаштував, і дитину глядів краще від неї та й її любив... Молодість кудись поспішала, а вона слідом: не любила пасти задніх. Коли донька зробила перший крок, пролепотіла перші слова, пішла в садочок, а потім і до школи – не спам'яталась...

Необмежена свобода, пошук себе замінили одні ідеали іншими. Нова любов перевернула свідомість, змінила до невпізнання, і стабільно хитке сімейне життя полетіло шкереберть. Парадокс! Стала копією вже свого колишнього чоловіка, ідеальною копією, бо її також було не оцінено. Мріяла народити дитину, щоб втримати коханого, але вердикт лікарів був однозначним – безплідна, а те, що свого часу завагітніла з усіма позитивними наслідками, то всупереч науці, яка даний феномен пояснювати не береться. Що вона лишень не робила – все марно!

На період знайомства з Софіїним батьком твердо стояла на ногах, тверезо мислила, дивилась на речі під правильним кутом і нічого надзвичайного від долі не чекала. Тому коли Маринка, найкраща подруга, третім оком розгледіла у ній внутрішні зміни і подарувала тест на вагітність, вона ж тим самим подарунком висміяла її надприродні здібності, а решту приятельок запідозрила у тихій, але неприхованій заздрості... Так, вона змінилась, бо отримує достатню порцію видовищ, хліба і сексу... Та хіба вони, давно заміжні, це зрозуміють?

Те тринадцяте квітня пам'ятає до останнього подиху... Черговий тест, – гроші на вітер, вечір в очікуванні зустрічі й імпульсивне бажання переконатись у буденності життя.

До цього часу береже ті фатальні дві смужки, благу вість про зародження нового життя всередині неї.

Сміялась і плакала водночас, ледве вгамувала емоції до приходу чоловіка, підготувавши красномовну промову, бо не знала, як реагуватиме на новину про майбутнє батьківство після півтора-місячного знайомства й категоричне запевнення у неможливості вагітності. Того вечора ніщо не зацьмарило її щастя.

А потім злякалася: свого віку, ризикованого для народження дитини, матеріальних труднощів. Не того мала боятися... Страх залишитись вагітною, а згодом і з немовлям на руках наодинці з проблемами змінив її. Трималась чоловіка, який навіть і з порядності не одружився з нею, а появу доньки вважав її власним рішенням. Не таким уявляла довгоочікуване материнство...

– Мамо, кава, – дзвінкий Софіїн голос повернув до дійсності. – Печиво, цукерку? – цікавилась по-хазяйськи.

– Ні, дякую, – відмовилась від солодощів.

– П'ять крапель для розширення судин?

– Софіє?!

Від неочікуваної доньчиної пропозиції розгубилась і доки підшукувала правильні слова, та кинулася вибачатись:

– Мамо, чимось же я повинна була повернути тебе до життя!

– Розумію. Послухай, ти доросла, як ви любите говорити «і все таке», але я тебе прошу, Софіє...

– Вибач. Знаю, що ти хочеш сказати, – закружляла на одній нозі й граційно опустилась перед нею навколішки. – Не бійся, коктейлями не зловживатиму. Віриш? – великі блакитно-сірі очі говорили правду.

– Вірю.

– У мене є схильність до алкогольної залежності? – запитала прямо.

– Ти – моя маленька доросла дівчинка! Моя, і гени у тебе найкращі, нашого роду. Запам'ятай це. І щоб я ніколи подібних дурниць більше не чула.

– І я завжди буду молода, струнка і гарна? – швидко випалила з себе.

- А як же по-іншому?
- А Ольга теж вдалась у наш рід? – поцікавилась.
- Наполовину.
- А виглядає класно!

– Бо день і ніч танцює по своїх школах. Та й умови там у неї інші.
 – Ходімо пити наш кип'яток на балкон? – не чекаючи згоди, піднялася, швидко склала все для чаювання на тачку і полетіла, аж поли літнього халатика розійшлись.

Надворі була саме обідня пора, і червене сонце, розпечене власним бажанням усіх зігріти, нагадувало величезну пательню. Ніщо б не виказувало ознак життя, якби не спійманий у пастку протягу молоденький вітерець, що з розпачу перебирав дрімаючим листям на важких гілках дерев. Тиша. Дворові птахи міцно поснули, сховавшись від небезпеки у куцах відцвілого бузку. Що вже говорити про людей. З балкона не відкривався запаморочливий краєвид, але з середини весни й до пізньої осені він ставав місцем їхньої дислокації.

Втомлено опустилась у крісло з ротангу і втупилась поглядом у глуху стіну сусідньої п'ятиповерхівки. Зазвичай сіро-зелений пейзаж допомагав сконцентруватись або, навпаки, заспокоїтись. Але не тепер. Відчуття невідворотності труїло душу. «Парко, на дощ, – не забарилась думка. – Ні, це страх самотності, – барабанило у скронях. – Можна було б після урочистої частини напроситись у гості до когось із подруг чи запросити їх до себе, але всі вони за іронією долі на цей вечір мали власні плани. Доведеться бути самій...»

- Прошу, – Софія піднесла їй чашку. – Мамо, обережно... Ти ж уже одягнена.
- Дякую.
- У цій сукні ти ніби випускниця, – усміхалась, зіжмакуючи золотий фантик шоколадної цукерки.
- Даремно ти відмовилась від ресторану.
- У нічному клубі, – зробила акцент на місці святкування.
- Все одно – даремно!
- Нічого. Ти почуватимешся вільно, – вона й сама не могла збагнути, чому так затялась.
- Твоє товариство мене ніколи не обтяжувало.
- Донечко...

Софія залишила чай, підвелась і підійшла до матері. Обережно вмостила поряд у кріслі, обійняла.

Сиділи скам'янілі у власних думках.

- Мамо, можна тобі поставити делікатне питання? – Софія тактовно заходила здалеку.
- Спробуй, – дозволила так само обережно.
- Більше десяти років як немає батька...
- Чотирнадцять. Не знаю, що ти намагаєшся дізнатися ще, але мені б не хотілось, щоб буденна цікавість зіпсувала нам обом святковий настрій, – говорила, намагаючись зберігати самовладання.
- Мамо, чому ти одна? Така розумна і вродлива жінка і – одна? Це ж протиприродно! – одразу випалила з себе.

– Я не одна, а з тобою, – перевірши подих від дитячого питання, посміхнулась. Поцілувавши доньку, продовжила: – І не сама, бо ще у нас є Ольга.

– Це через батька? – Софіїні слова проскреготали по нервових закінченнях зболілої душі.

Не сприймала вже нічого з філософствувань доньки, бо останнє з почутого ще дзвеніло у свідомості, коли відлуння збурювало закапелки пам'яті. «Ні, моя любо, твій батько не має жодного відношення до мого ставлення до чоловіків. Не потрібно приписувати йому неіснуючі заслуги й зводити на постамент. Не вартий він цього. Тобі, вигодуваній не молоком з моїх грудей, не зрозуміти своєї матері тепер, але згодом, я в це вірю, такий день прийде. Яким би було наше життя поряд з ним? І чи було б взагалі? Пішов, залишив, кинув, зник, – це вже не так важливо... Головне, що більше не повернувся!

«У нас поступово все налагоджувалось: я опанувала емоціями й навчилась бути люблячою, терплячою й турботливою мамою, якою мене не знала Ольга, а ти стала спокійною, слухняною й швидко навчилась говорити у свої чотири роки.

Моїм стрижнем стала ти, я ж для тебе була взірцем для наслідування. Ми обидві працювали зранку і до пізнього вечора... Гімназія, музична школа, курси іноземних мов, теніс, кожного року новий гурток, нове захоплення... Ти скаржилась на брак часу, бо хотіла то додаткових занять з математики,

то навчитись танцювати, малювати, вишивати... Ти не могла собі дозволити бути слабкою поряд з такою мамою, як я, що гарувала на роботі за двох. Якою ти виросла, коли б, схилившись над підручником, щодня краєм ока бачила, як щось чоловікоподібне розплескується на дивані перед телевізором з пляшкою пива і риб'ячим хребтом, а потім, сп'янівши, філософствує про призначення жінки та її місце у житті чоловіка? Дякувати Богу, що ти цього не пізнала...

Мені було достатньо тебе, мене ж ти ні з ким не ділила. Щовечора, розійшовшись по кімнатах, я із завмиранням серця прислухалася до нічної тиші. Немає слів, що передали б емоції, коли вловлювала рипіння від дверей твоєї спальні і тупотіння босих ніг по підлозі... Щоб зігрітись, обіймались, очі від тьмяного місячного світла за вікном блищали, коли ми тасмничим шепотінням ділились подіями згаслого дня. Втоплена, але щаслива, засинала, спокійно сопучи, я ж тулилась до твого тільця, гладила рученята, цілувала розплетене волосся, вдихаючи його ніжний неповторний аромат. Жоден чоловік у світі не дав би мені більшої насолоди у ліжкові, ніж ти, коли просто спала поряд.

У нас не було батька і чоловіка, але й не було третього зайвого, такого собі дисбалансу в дружньому тандемі. Знала, що саме я маю відкрити тасмниці, чому трава зелена, а небо блакитне, чому жовтіє листя восени і падає дощ, що таке добро, а що зло... Знала, що я маю відвести тебе до дитячого садка, провести до школи, чекати закінчення занять з музики, забирати після тренувань, репетицій... Я тисячі разів була першою, хто слухав тексти твоїх шкільних промов, стільки ж слухачем гам, етюдів, п'єс, я стала спортивним суддею і мистецьким експертом... Жодного разу не пропустила заходів з твоєю участю. А ти завжди шукала поглядом мої очі, знайшовши, заспокоювалась і підкорювала свої вершини, навіть не здогадуючись, що все могло бути по-іншому.

Єдине, чого боялась, – хворіти. Жила по принципу відомого рекламного слогану «мами не беруть лікарняних». Та якщо вже й траплялись такі форс-мажорні обставини, ти ставала найкращою доглядальницею й найвідповідальнішою сестрою милосердя.

У тебе було щасливе дитинство і безхмарна юність. У тебе була я. Ти – моя дівчинка і лише моя! Прикро, що саме зараз ти згадала про батька...»

– Мамо? – Софія стояла перед нею, опираючись обома руками на залізну балку балкона. – Я говорю про такі серйозні речі...

– Вибач, ти про що?

– Про щастя! – продовжила.

– Щастя? – перепитала.

– Мамо, я все розумію, – защебетала, повернувши увагу матері. – Знаю, що тебе непокоїть, хай як там ти ховаєшся з цим. Ольга теж переживає... Ну прилетить на місяць, що швидко промайне, і знову повернеться до Америки. А там і я... поїду на навчання. Ти залишишся сама... – голос тремтів і врешті стих.

– Я не буду самотня, поки у мене є ви, мої любі дівчатка, – без різких рухів встала з крісла і підійшла до доньки. – Моє щастя у вас, і приводу для хвилювання не бачу. Софіє, подивись, – попрохала, рукою вказуючи кудись нижче листя дерев. – Бачиш?

– Нічого не видно.

– Жінка йде он. Скільки, по-твоєму, їй років?

– Скільки? – замислилась. – Ну так... під шістдесят. А що? – напружилась.

– А то! – торкнулась кінчиком пальця доньчиного носа. – Що ми в принципі ровесниці!

– Та ну! – поставила слова матері під сумнів і ледве не вивалилася з балкона, щоб краще роздивитись випадкову прохожу. – Не може бути!

– Чому?

– Ти помиляєшся. Це ж бабця! Йде зігнувшись. Ось і хустинка на голові зав'язана, – оперативно збирала докази. – А які сумки непід'ємні бідолашна тягне... Мамо, – благально подивилась їй в очі, – до чого ця жінка, коли я думаю і говорю про тебе?

– Софіє, донечко золота моя, до того, що такою її зробило життя, яке вона обрала! Сумки тягне в сім'ю, щоб було чим ту нагодувати. А чоловік, якби дбав про неї... врешті-решт, вони разом ходили б до магазину.

– А може, у неї немає чоловіка? – вражена почутим, припустила Софія.

– Може, – погодилась. – Тоді пошуки жіночого щастя довели до такого стану. В школі не вчилась, бігала за хлопцями, в результаті не отримала освіти, пішла працювати. І все життя шукала, шукала свого чоловіка...

- Жартуєш, – Софіїні очі посвітлішали, на губах з'явилась непевна посмішка. – Є гідні чоловіки...
- Є, – знову погодилася з донькою. – Та жодного бажання шукати такий скарб я не мала...
- Бо у тебе є я!
- Так, Софіє. Ти маєш власне життя і проживеш його по-своєму. Знаю, ти будеш щаслива і найкоханіша. Віриш? – говорила, обіймаючи доньку.
- Ти найкраща мама у світі.
- Я стараюсь. Ходімо одягатись? – нагадала про час.
- Допоможеш? – попросила.
- За хвилину підійду, – пообіцяла, не приховуючи інтриги в словах.
- Щось буде?
- Обов'язково!
- Полетіла вдягати сукню, – й пташкою пурхнула до кімнати.

І вона з легким серцем пішла до себе. У великій шафі за книгами ховався сейф. Як довго до нього не заглядала! Серед тек із документами тулилися дві скриньки з коштовностями. В отій, меншій, з почорнілого від часу дерева, і був подарунок для Софії. Колись давно бабусею були куплені сережки з сапфіром, каменем королів і мудреців. Даровані спочатку її мамі, згодом перешли у спадок до неї, а ось тепер настала черга їй ними розпоряджатись... Сапфір – камінь Софії!

Витягуючи скриньку, ненароком зачепила файли, що важко впали на підлогу. Намагаючись не поспішати, збирала. «А це що?» – здивувалась, побачивши перев'язаний червоною ниткою, трубкою скручений носовичок. На пам'ять нічого не йшло. Із завмиранням серця крижаними руками взяла знахідку. Нитка так просто не піддавалась, ніби затялася відкривати свою таємницю. Затамувавши подих, розкрутила пожовтілу тканину. «Не може бути!» – ледве встигла затулити долонею вигук.

Там лежала звичайна свічка, давно-давно куплена нею в церкві. «Скільки минуло років, я про неї геть забула... Господи!»

Тоді вона хотіла врятувати сім'ю, коли все можливе, що від неї залежало, зробила, вперше від безвиході звернулась по допомогу до чаклунки. Молода вродлива жінка, зовсім не схожа на пропіарений мас-медіа образ, привітно зустріла її на порозі своєї квартири. Слухаючи незв'язну розповідь, уважно дивилася крізь неї, ніби зчитувала поглядом блакитно-синіх очей книгу її долі. А потім володарка надможливостей провела ритуал: шепотіла дивною мовою нерозбірливі слова, дмухала гарячим диханням, водила руками. Вона дивилася на слабкий вогонь свічки і просила у Бога здоров'я, спокою, щастя. Наостанок, задоволена власною роботою, чарівниця пообіцяла щасливе подальше життя. Повернувшись, сповнена надією, заховала свічку до кращих часів і мала дістати тоді, коли зустріне свого чоловіка, свою долю, бо зі слів тієї жінки, Софіїн батько не був тим одним-єдиним...

«Воскова сльоза, – гіпнотичним поглядом вп'ялась у застиглу краплю. – Не відпала навіть через стільки років забуття...» Підводячись із колін, посміхнулася: «Господи, в моєму житті й таке було!» Повільно підійшла до дзеркала, подивилася так, ніби мала побачити щось нове. Нічого. Жодних змін... Хіба що пофарбоване у чорний колір волосся, викладене у зачіску кривими недбалими локонами, зробило її образ романтичним, та це вимушена необхідність до урочистої події. Очі, великі, сірі, з глибин яких піднімався отой ретельно захований страх самотності... Порцелянова блідість обличчя, але й це для неї не відкриття, як і сплетені, ніби з павутинки бабиного літа, мімічні зморшки, – натяк на вік. «Ще нічого так, мої дівчата мають рацію. Але я далеко вже не чиясь половинка... так, залишений недогризок. Частково передбачування здійснилось, – повернулася думкою до свічки. – Як неочікувано з'явився в моїй долі Софіїн батько, так несподівано і зник. Я мала відносно спокійне, але щасливе життя, а що в ньому не було чоловіка, то... не всевидяча ж та чарівниця...»

На пам'ять прийшов власний, вигаданий з відчаю, образ чоловіка-долі. Щовечора, щоб забути сном і не чути, не бачити, не відчувати гнітючої реальності поряд з нелюбом, чіплялася за рятівний персонаж, і буремна фантазія піднімала в небо, де, захопившись новим розвитком подій чергової казки для дорослих, розсікала безмежні простори Всесвіту... Декілька разів він приходив уві сні, і його, незнамого, впізнавала серед безлічі інших учасників сновидіння... Невисокого зросту, кремезний, із посрібленим волоссям. Поглядом великих очей пробирав наскрізь. Якого кольору були очі – не згадає: пам'ять таки підступна річ... Та й яке тепер це має значення? Завжди одягнений у білосніжно-білу сорочку, здавалось, що ледве торкнеться, як почує хрускіт тканини. В іншому вимірі, в яких лишень місцях не відбувалось їхнє знайомство! І десь в епіцентрі сюжету – образ розсіювався... Повертаючись до буденності, намагалась не думати про нього, а потім було не до цього...

– Мамо? – почула доньку. – Я вже сама одяглась. Готова дивитись? – не приховувала бажання якнайскоріше вразити її.

«Що ж із цим фетишем робити? – хаотично думала, бігаючи очима по кімнаті. – Не ховати ж його назад?»

«Знай, свічку не маєш права загубити. Але коли ти її знайдеш, тоді чекай зустрічі...», – ясно, ніби поряд з собою, почула криштально чистий голос чаклунки.

– Секунду, – тремтячим голосом зупинила Софію.

Накривши свічку ковдрою, миттю дістала подарунок.

– Прощу!

Білосніжна хмара з шифону бездоганно сиділа на ідеальній дівочій фігурі, підкреслюючи й без того тонку талію, акуратні пружні груди, лебедину шию.

– Як я тобі? – запитала схвильовано, обережно ступаючи на високих підборах.

– Ти схожа на ангела! Сонечко, – покликала до себе доньку. – Ось.

На долоні лежали дві сині краплі в золотому обрамленні, переливаючись на сонці всіма гранями неповторності.

– Це мені? – запитала, приголомшена від такої краси.

– Так, – підтвердила. – Носи їх як належить королеві, а сапфір оберігатиме від заздрості людської і ницості, розкриватиме таланти твої, зміцнюватиме пам'ять і допомагатиме гризти граніт науки.

– Я так тебе люблю... – Софія ніжно обійняла матір. – Дякую тобі за все, що ти для мене робила... Велике спасибі за подарунок. Ти – найкраща мама у світі!

Донька обіймала, цілувала, щиро, по-справжньому, а більшого їй і не потрібно.

– Приміряєш?

– Так! – застрибала від радості.

Коли ювелірна робота була закінчена, повернула доньку до дзеркала.

– З новим життєвим етапом, випускнице, – привітала, милуючись відображенням найріднішої людини.

– Дякую, – посміхнулась. – Мамо, я забула попередити, телефонувала Сашуня, вона заїде за нами. До неї приїхав дядько звідкись там, і їй не терпиться похизуватись його новою крутою машиною. За мовлення таксі я скасувала.

– Дорослішаєш на очах! – посміхнулась.

Вперше за останній час відчула легкість, яка дивним чином витіснила біль і страх самотності.

– Давай руку, вони вже під'їхали.

Спускаючись сходами, чула, як надворі, у розпал спеки, щебечуть птахи, нехтуючи інстинктом самозбереження. Що вона їм, коли маленька душа сповнена співом? Знову посміхнулась. Недоречно на пам'ять прийшли бабусині слова про те, що коли на зсохлому дереві вціліла хоч одна гілка, вона обов'язково розквітне для того, щоб на неї сіла пташка і защебетала.

Чи дійсно так недоречно прийшли на пам'ять бабусині слова?

Степан ЧИГИНЦЕВ

ТЫ ЕСТЬ – ВСЁ!

Притчи

Ковёр и правильный путь

Жил мальчик. И был у него большой красный ковёр в замысловатых узорах. Мальчик мог долго смотреть на него, любуясь рисунком.

И вдруг он увидел в этом рисунке лабиринт. Мальчик любил игры и придумал себе цель добраться до другого конца ковра.

Чёрные узоры превратились в стены, а красная тропинка – в жизненный путь.

Мальчик вёл пальцем по витиеватой дорожке, стараясь держать курс строго вверх, к выходу. Но узор был таким извилистым, что часто приходилось отклоняться – то влево, то вправо.

Мальчик даже не знал, сольётся ли тропинка в единый путь на другой край ковра, или будет где-то постоянно заходить в тупики.

Если бы он смотрел только в точку, которую указывал палец, то вряд ли пробился бы к выходу. Но мальчик окидывал взглядом весь ковёр целиком, корректировал направление, быстро находил наиболее удачный ход.

В конце концов, мальчик оказался на другом конце ковра, за которым находилась свобода.

Почувствовав удовлетворение, он отправился играть в другие игры.

На следующий день ему снова захотелось пройти лабиринт. Только теперь найти другой ход. Тот, по которому он прошёл, уже был скучным, предсказуемым.

Мальчик двигался уже более смело, уверенно.

Его не пугали трудности, он уловил общие закономерности. Теперь он наслаждался процессом и не боялся оказаться в тупике.

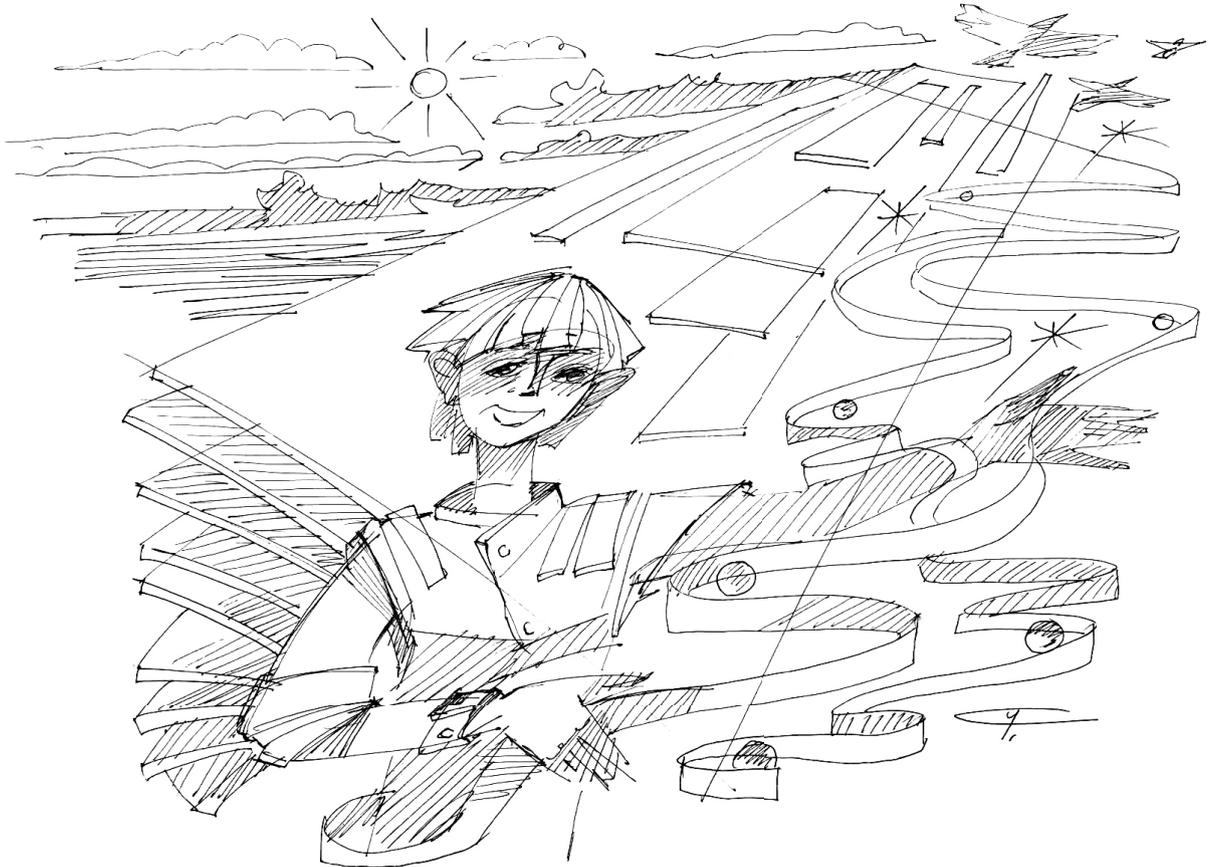
Вчерашний путь казался безопасным и стопроцентным, но исследовательский пыл захватил первопроходца.

Мальчик вновь прошёл лабиринт и понял, что все пути, так или иначе, при должном терпении ведут на противоположный конец ковра.

Конечно, если умеешь окинуть взором ковёр целиком, то путешествие превращается в радостное, беззаботное движение. Но если уткнуться только в палец, то так можно быстро отчаяться, потерять ориентиры и двигаться не в том направлении. Может и ситуация показаться безвыходной и запутать в витиеватом узоре забывчивого путешественника.

Чигинцев Степан Сергеевич. Родился 26 апреля 1985 года в Николаеве. В 2000 году поступил в Николаевское музыкальное училище, окончил Одесскую консерваторию им. Антонины Неждановой (2009). В 2012 году уехал в Африку на остров Мфангано (озеро Виктория). Перешёл на фрукторианство и питание «живой пищей», после возвращения занимается литературным творчеством, развивает направление в музыке «сочинение на ходу». Разработал авторскую дистанционную методику музыкального обучения с первых звуков. Автор сборника «Метафизические сказки» (Николаев, 2014).

На следующий день мальчик уже просто «гулял» по ковру, исследуя все его области. То отклонится сильно вправо, то для равновесия уйдёт влево, то неожиданно вниз нырнёт, а потом уже начнёт подниматься вверх. Правый угол, левый угол – всё очень интересно.

Да, есть короткие и «правильные ходы», но если ты по ним уже сто раз ходил, то какой в этом смысл? Раз ты здесь, то нужно получать радость от движения. Это возможно, когда видишь и держишь в голове всю площадь ковра целиком.

Мальчик подумал, что, возможно, на мир так смотрит Бог. На наши жизненные линии. Мы можем идти любым путём, но если в сердце есть ориентир – нам открывается карта, и мы приходим к Богу.

Как создать оазис

Он обладал удивительным даром. Куда бы он ни посмотрел, на что бы ни обратил внимание, того становилось больше.

Только он об этом не знал. С рождения он смотрел на всё, что его окружало, широко открытыми глазами. И на мусор под окном, и на лучики солнца, что играют на листиках.

Поочерёдно чего-то становилось больше, а что-то и совсем на время исчезало.

Забудет мальчик о солнышке, перестанет обращать на него внимание и радоваться его лучам, как на следующий день станет пасмурно и серо.

Невольно вспоминал солнце. И оно вновь появлялось через некоторое время.

Взрослые любили рассказывать страшные истории и говорить о плохом. Мальчик на это обращал внимание, и этого становилось больше. Это могли быть болезни, свалка на улице или преступления в городе.

Но мальчику нравилось всё прекрасное. Его душа тянулась к любви и свету. Он во всём искал красоту. И даже в разбитом стёклышке видел не мусор, а кусочек волшебства, позволяющий по-новому взглянуть на мир. Сквозь него, например, можно смотреть на солнце!

И всё же как-то так случилось, что мир вокруг превратился в свалку. И все только об этом и говорили, переживали, злились.

Но мальчик на свалке нашёл робкий росток. Зелёный листик пробивался сквозь куски асфальта. Мальчику уже ни на что не хотелось смотреть, только на этот зелёный росток. Он его внимательно разглядывал, мысленно гладил. Так незаметно прошёл день.

Было лето, и мальчик уснул рядом с цветком. А утром появилась ещё пара росточков. Через несколько дней здесь была маленькая зелёная полянка, на которой любил находиться мальчик.

Постепенно появились цветы, и зелёный оазис начал расти. То там, то здесь появлялись цветы. На них стали обращать внимание люди и говорить об этом. Это стало основной темой для разговоров. И о мальчике, который ухаживал за ними своим любящим взором.

Люди стали очищать город от свалки, чтобы дать место прекрасным растениям. Яркие цвета радовали глаз и волновали воображение. Город превратился в большой цветник, а за ним и вся планета расцвела.

Мальчик видел улыбающихся людей, и их становилось больше.

Природа в ответ давала обильный урожай спелых и сочных фруктов.

Люди сами своим вниманием стали строить свой прекрасный мир.

Живая модель

Я расскажу тебе сказку. Я подарю тебе ответы на все вопросы. Это живая модель. Это твоё воображение. Это есть Всё.

Закрой глаза. Что есть? Темнота. Представь луч света, представь что-нибудь. Звёзды, космос. Что это? Твоё воображение. Твоё ли оно? Может, общее для всех?

Создай планету. Пусть там расцветут леса, поднимутся горы, зажурчат ручьи и заблестят озёра. Подними все ветра и успокой бушующее море.

Кто создал это? Ты. Из чего всё создано? Из воображения.

Это материально? Хороший вопрос. Как всё это ощутить, насладиться творением?

Создай человека. Пусть будет модель, через которую ты сможешь полностью ощутить творение. Погрузись в неё. Посмотри её глазами на окружающий мир. Потрогай камень, опусти руки в холодную ключевую воду.

Но как посмотреть на себя со стороны? На вновь созданную модель?

Нужно создать второго человека. И посмотреть теперь его глазами на первого. Можно потрогать, поговорить с ним. Попробуй переключать сознание то с одного, то с другого объекта.

Когда ты поглощён одним, другой как бы действует самостоятельно.

Но проснись! Что вокруг? Можешь ли ты воздвигнуть горы, убрать их одной лишь мыслью? Попробуй. Всё вокруг и даже человек – из одной материи. И в то же время ты почему-то отдельно от всего этого.

Вопрос. Где всё это находится? Оно находится где-то? Да. Где это место?

В твоей голове? Но ведь это – материя, клетки мозга.

Открой глаза. Что ты видишь? Комнату, улицу.

А мир, тобой созданный, существует? Там даже люди до сих пор занимаются своим делом.

Знают ли они, что их создал ты? Поверят ли? Попробуй им объяснить, убедить их.

Есть ли там время, пространство? Для тебя – нет. Ты можешь заглянуть на тысячу лет вперёд. Ты можешь оказаться в любом уголке мира.

И ты есть Всё.

Погрузись опять в человека. Поссорься с другим. Или начни ему завидовать, что у него – золотое кольцо.

Как можно ссориться с самим собой? Или завидовать самому себе?

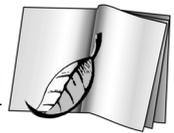
Да ты можешь кучу золота вообразить любому «себе» в этом мире.

И всё же интересно, как они сами будут действовать? Узнают ли о тебе, почувствуют ли?

Вот кто-то с тобой общается. Хочет узнать, как двигать предметы.

Игра продолжается?

Рисунки Сергея Чигинцева

Нина ПАЛАМАРЧУК

ВОРОБЬИНЫМ ВЕРЕСКОМ

* * *

е.п.

В половине третьего из окна вылетает деревянная птица
 Когда касаешься её крика
 Начинка становится яблочной а тесто слоёным
 Молодые зомби пристают к тебе до утра
 А иней прирастает к древесным веткам

Уплощаются бедра
 Плечи теряют опору
 Теперь рисованной тенью
 Можно пройти под рисованной дверью
 Так ты и бродишь по дому
 В поисках выходных

Находишь кошачий пух
 Столбняковый гвоздь
 Потерянные третьего лета ключи
 Сломанного замка

Там придёт пора
 Бросить корни
 Станешь особым пограничным знаком
 Всей деревянной кожей
 Вслушиваясь
 Всматриваясь
 В серебряный звук поворота
 В накатанную дорогу к

Иголки тумана
 Облепят плотной изморозью
 Воздадут тебе новую хвалу
 Крестись против ветра
 Зови сам себя

ДЖВЯКА

Даже тот неучтённо чужой кто смотрит рядом
 Как поток ледяной воды вертает вспять
 Называю тебя раз другой третий
 Так наступает маленькая смерть слизнячка на дороге

Паламарчук Нина Николаевна. Родилась 9 июля 1984 года в Житомире. Образование высшее педагогическое, учитель математики. Поэт, культуртрегер, модератор Литературного портала LITCENTR. Участник литературного объединения «Оксия» (Житомир). Дипломант Всеукраинского фестиваля поэзии «Ватерлиния». Сейчас проживает в Николаеве.

* * *

Повернусь к тебе лицом спиной к дереву
Загляни в голубиные гнёзда
Колодца падения ястреба глубже
Ежевика созрела
Грузно цвела и опала
Там где тремор вдоль ливневых стержней
Глазницы уключин скопились
Заглянув в скорлупу
Голубиными перьями треснувшую
Повернёшься ко мне лицом спиной к дереву

Навстречу растём вниз
Растим в себе гнёзда и дупла
Растём сами в клетки и дула
В кротовые норы воздуха
Крестовые дыры рубашек
Расписными тарелками поровну
Настенными картами поровну

Прикормить себе прорву матрёшек
Послать их по ягоды
Принесут в ежевичных ладонях
В подолах и фартуках
Синеглазый лесной
В испарине дух

* * *

Обнаружила в глубине дома два восклицательных знака
Куда с ними теперь – не встать не выйти
Перешёптываются в углу одинаковые
Два божих зеркала
Колесные рытвины
Состарюсь один обернётся бородавкой
Второй ждать будет смиренно за креселком
Шаркающая выхожу на собачий гав там
Ни цепи ни воздуха разве плесень
Восклицательные хозяйственно оглядывают
Упрямые поджимают пальцы ног и губы
А завидят кого лишнего –
Кубарем
Горошина второго дня к северу
Проклюнулась ногами вверх головой в проруби
Восклицательные цепные верные
Бродят по двору аккурат голуби
Симметричные точно водные знаки
Хитиновые перекладыны пугала
Расточительно одинаковые
Два лукошка луковые
Полие глупости
Встану к завтраку своротит дыхание
Запрёт саму на себя в стене выходи не выйдешь
А подножие оклика каменное
Сил станет если – то и выше

* * *

Кто выйдет из дома до завтрашнего утра
 Принесёт несчастье
 Бабочка улетающая оборачивается летом
 Встанешь на цыпочки ей на крылышко
 Будешь рад
 Вот тебе бабочка отпечаток кеда

Возвратясь исследуешь что да как
 Утки крикают гуси да лебеди размножаются
 В мешочке заплечном светла и легка
 Пряная гусеничная стая

* * *

За угол истекает дыхание когда
 Приходят за мной мама кровь папа кровь
 Берут на руки и я теперь выше седьмого
 Выше карточного дома
 Выше юга
 Не спи доченька поёт мама кровь
 Не спи доченька поёт папа кровь
 Смотри во красиво же как
 А как красиво
 За углом
 Еловые отщепенцы дождевичных полян
 Солончаки мигающих голубей
 Легко далеко быть
 Парить в прыжке над
 Дорожной развязкой дубов
 Гляди мама кровь папа кровь
 Гляди мама явь папа горб
 Гладь против шероховатостей и резцов
 Гладь простирается переливается через край
 Выпустишь руку пойдёшь с ней заподлицо
 Тоска то какая себя на себе таскать
 Лыбу расхлёбывать лабать пироги
 Вставать с той ноги
 Не спи колыбельная через висит замок
 Угол заканчивается до самого закончания ждут
 До выключателя достанешь без линейки
 Сонный по самое дно
 Толстеешь сегодня и вообще хорошо
 А когда угол придёт встанут у стенки у стойки
 Терпеливо дожидаются – соберёшься
 Что брать что брать
 Эту фотографию с горнолыжного
 Куклу тряпичную вязаные носки
 Арбузные корки и стволы подсолнухов
 Ступай следом кровь в кровь
 Лицо в лицо
 Когда ноги сомлеют вынь иголки из них
 Чтоб сшить себе платье и сапоги
 Ходить чтобы с той ноги
 Стоять в углу

* * *

И два ребёнка спят внутри меня
В них девочка с огромными глазами
В ней кто меня сегодня убедит
В нём кто меня сегодня провожает
И говорить возможно до сих пор
Насквозь проваливаясь и до скобок
В них кто меня сегодня остерёг
В нём кто поломан

Из третьей сотни вылупленных дней
В сохранности достанет половина
И кто со мной сегодня годен в ней
И кто со мной невидим

* * *

Золотые верхушки верфей
Глаза золотые настрёме
Неспящие пальцы в глазах

Тоньше шелковичной плотины у крайнего берега
Тоньше невидимой темы обращения к петуху
Чтоб деревья росли птицы вили верхушкам гнёзда
Воробьиным вереском смастерив сеть у запруды листвы
Сумма звуков и тени – коловорот превращений
Где стена где ограда у берега тоньше
Жалости к пчелиному хаосу
Прошагай её корнем касаясь воды
Утонувшему отражения нет
Утонувшему нет снасти
Комариные звуки едва проглядывающие сквозь
Золотые верхушки лета блестящие потом
А твоё отражение где
А где твои снасти
Карточной пыли эха дверного звонка
Поворота направо через плотный песок сна
Следа виноградной улитки
Всё тоньше
И ты повернёшься теперь к петуху звать
Неотложное солнце текущее вдоль
Повернёшься сам хлопать крыльями
Сам ронять перья
Вспыхнут верфи огненным отзвуком
Вспыхнут слова отложенные в клетки букв
Выхолощенные до шелухи
До подсолнечных масел
Солить их в кадушках
Лущить до воскресного неба
Ни снасти ни отражения
Ни отражения снасти
Ни пера петушиного
Ни голоса

* * *

Обнимаемый холодом стану к тебе спиной
так горчит можжевелевым спиртом не слышно днесь
над голодными ртами вода над кострами крест
ты свернёшь к нему за угол за реку заревом кто такой

где кончается галька кончается и песок
спят колючки ключей – половины добротных рук
бегом берегом будешь готов отходить к утру
да по самым по гребням невидимый первенец невесом

самый горький не будет смотреть в глазок
провертел бы в ней дырочку в хлебной мякине бы
самый праведный нем самый верный его забыл
берега ошетинились выбрались из пазов

клёны влево качнутся
вода отражается вверх
клёны вправо качнутся
вырастет белым мхом
обнимаемый ею
я встану спиной к тебе
не касаясь ногами
легко

Коломієць Сергій Геннадійович. Народився 24 серпня 1996 року в с. Гур'ївка Новоодеського району Миколаївської області. Навчається у Миколаївському університеті ім. В. Сухомлинського (філологічний факультет, спеціальність «Видавнича справа та редактування»). Друкувався у збірниках творів молодих літераторів Миколаївської області «Золота арфа» (2013, 2015). Переможець університетського Літературно-мистецького конкурсу творчих і наукових робіт «У слові розкривається душа», номінація «Художній твір» (2016). Учасник міжнародного поетичного фестивалю (Київ, 2015). Автор поетичної збірки «Невідома» (2016).

Сергій КОЛОМІЄЦЬ

ЗРИВАЮЧИ СУТІНЬ МОВЧАННЯ

ДІВЧИНА БІЛЯ ДЗЕРКАЛА

Стало відчутно тепліше
над підлогою мчав сонцеспалах
ушвидшеною ходою
зі змочим волоссям від зливи
та курткою синього кольору

Ти зупинилась близ дзеркала
розчісуєш глянцеві коси
й фрагментом лишаєшся в пам'яті
як світлина сердечно забута
як промінь що зігривав душу

Сьогодні не зву тебе Втовленою
лиш дивлюсь з захопленням здалеку
на обличчя твого віддзеркалення
на очі блакитно-туманні
устрімлені й надто контрастні
з чорно-білим оточенням днини
передгрозної та мінливої

Між нами дюжина кроків
й людей надто розфокусованих
щоб затьмарить ту ніжність освітлення
котрою себе оточуєш
коли залітаєш до холу
цього університету

Лети
о мій спалах секундний
підіймайся старими сходами
освітлюй усе що зможеш
очей облакитненим полум'ям
як це робила сьогодні
коли була біля дзеркала

Бо сьогодні ти була бурею
що квітне світлими пасмами

ПОЕЗА ПЕРЕДСОННЯ II

Я сумую
 жахливо сумую
 за прогулянками передгрозними
 за тим що проводжаю Тебе додому
 і за тим що постійно потрапляю під зливу
 коли йду на вокзал по Фрунзе
 Я сумую за тим як присмно звучить Твій голос
 схожий з муркотінням
 хоча він і є таким інколи
 Я сердечно сумую
 за найсильнішим вектором натхнення
 і за тим як солодко говорити
 з Тобою про наші Мрії й майбутню славу
 сидячи на старій лавці навпроти Тебе
 у забутому Богом подвір'ї
 Я сумую за тим як ми пишемо надто зустрічно
 щоб просто узяти й закрити на це свої очі
 за тим як накидаю на Твої плечі куртку
 й за тим як згубно увечері тліє вогнище
 створене тільки для наших розмов
 Я сумую щонічно сумую за тим
 як Ти танеш в обіймах
 коли я Тебе заспокоюю та притискаю до себе
 або просто бачу вперше
 чи востаннє
 Сьогодні я п'ю наш улюблений напій
 назва якого починається з тієї ж літери
 що й наші прізвища
 зустрічаючи сполохи й спів солов'я
 та сумую
 згубно сумую за тим
 що вірші Тобі
 це я

НЕВІДОМА

Засинає туман
 разом з ним десь там
 в сотнях миль за вікном
 ніжно падає в сон
 моя Невідома

Тонкі пальці
 мабуть
 ледь стискаючи ковдру
 яка захистить її спокій до ранку
 триматимуть цей абстрагований щит
 [не]природно міцно й беззахисно

Можливо
 волосся осіннього кольору
 та очі з палітри морської хвилі вночі
 відбивають місячне сяйво
 заховане десь за вікном

Так дивно
що у сердечних глибинах
я закоханий не у людину
а в її образ
прототипу якого ніколи не бачив

Як дивно
бути захопленим тою
хто серце зриває посеред ночі

На жаль
порожнина не вб'є порожнину

Засинає туман
разом з ним десь там
в сотнях миль за вікном
ніжно падає в сон
моя Невідома

МИ ЗУСТРІНЕМОСЬ ІІІ

Ми зустрінємось
[безпривітно]
не вітаючись й не розмовляючи
будуть лиш кава й обійми
діалог буде між очима
брудно-карими й небо-блакитними

Ми зустрінємось
[небохмарно]
і якщо на душі буде тоскно
сидітимемо десь у парку
зриваючи сутінь мовчання
поглядами назустріч

Ми зустрінємось
[надчуттєво]
спрагнено та очікувано
хіба буде нам хоч щось треба
як нічого не існуватиме
для нас у цій теплій миттєвості

ЩОСЬ СТАНЕТЬСЯ

Задощило близько дев'ятої
стадіон спорожнілий завмер
й став нічним осередком
нікчемного відчаю
Вже два тижні дощить на душі
вже два тижні ти моя Муза
це агонія у якій
я вичавлюю з твого образу
останнє світлопроміння
Сьогодні усе як раніше
та поряд тебе нема

я спираюсь на стіну холодну
відкоркову пляшку вина
розпускаю волосся
в навушниках тліє Thy Light
і йде дощ
По-квітневому краплі неба
опромінені нічним світлом
спогадами стікають
на холодні долоні й уста
У ці хвилини я живу
виключно ретроспектованим почуттям
й окрім нього
для мене нічого вже не існує
Я підвладно-овладнений
солодко-трагічним спогадом
вже зітпілим
Я передчуваю якусь життєзміну
як герой моєї новели
і «ця зміна або мене вб'є
або їй я віддамся душею»

І щось станеться

Березина Дарина Юріївна. Поетка, прозаїк, драматург, перекладач. Народилася 19 червня 1982 р. в Миколаєві. Філолог, закінчила Миколаївський державний гуманітарний університет імені Петра Могили. Лауреат Міжнародного конкурсу кращих творів молодих літераторів «Гранослов», конкурсу «Привітання життя», та конкурсу видавництва «Смолоскип», а також Міжнародної недержавної україно-німецької літературної премії імені Олеса Гончара і конкурсу «Витокі». Автор збірки поезій та прози «Камера схову» (Київ, 2004), збірки поезій «Всього лише серпень» (Львів, 2006), збірки прози «Мимо жанру» (Миколаїв, 2010), п'єс «Паперові фрегати» (2012) і «Вуе-вуе, бабу, або Риба в натюрморті» (2013). Виступала як перекладач у декількох літературних проєктах, друкувалася в обласних та республіканських часописах. Член Національної спілки письменників України (2006).

Дарина БЕРЕЗІНА

ВУЕ-ВУЕ, БАБУ, АБО РИБА В НАТЮРМОРТІ

Замах на вбивство без антракту

Дійові особи:

РАЇСА Олександрівна – колишня завідувача кафедрою, 75 років
НЮСИК – її син, 38 років
НІКА – 19 років

Дія відбувається в провінційному містечку десь у третьому десятилітті XXI століття.

Авторська ремарка: суржик, яким спілкується один із персонажів, є невід'ємною складовою цього образу.

* * *

Вітальня просторої квартири. Нещадний провінційний шик без натяку на смак. Всюди вази з букетами квітів. У фотелі й на канапі – стоси подарункових пакетів.

У кутку бубонить телевізор. Іде програма привітань на замовлення штибу «Музичної вітальні». Раз-у-раз чути фрази на кшталт «...вітають з днем народження діти й онуки...», «увесь колектив міського ЖЕКу №5 зичить ювілярові...». Телевізор лишатиметься увімкненим протягом усієї вистави.

Заходить РАЇСА. Плекана, пещена, на свій вік не виглядає, але невловимо вульгарна. В руках величезний букет густо-червоних троянд і коробка, загорнута в подарунковий папір.

РАЇСА *(на ходу рахує троянди «по головах»)*. ...Вісімнадцять... Двадцять... Двадцять дві... Двадцять п'ять, чи що? Це як виходить, по одній на трі годя? Що-то как-то малувато буде... *(Роздивляється квіти.)* Пожухлиє якісь... Це ж точно подешевше вибирали, тутошні, не голандські. Ото люди, раз на год не захотелі нормальні деньгі здать... А тут у нас що? *(Недбало кидає букет на стіл, заходиться розпаковувати коробку.)* ...Тьху! Блендер! Я ж їм кофейну машину заказувала! На хріна мені блендер, ще й китайський?.. *(Кидає коробку туди ж, куди до того букет, хапає телефон, набирає номер, чекає.)* Не отвiчає... Що воно?.. *(Набирає ще раз, чекає цього разу ще довше, нарешті їй відповідають.)* Алло! Ти чого трубку не берьош? Засідання кафедри? Ну то й що, що засідання? Почекають, не сильне цабе... Слушай, вони мені блендер принесли. З теорії перекладу, хто! Приперлась ця їхня лаборантка, як її, Марина, чи шо... притарабанила якійсь венік за три копійки й хрень китайську. Пофігелі твої молоді й кучеряві совсем! Я їм кофейну машину... Чекай! *(Хапає пульт від телевізора, робить гучніше. Професійно-приятний голос ведучої: «...з сорокап'ятиріччям чудову жінку...»)* ...Ні,

здалося... *(притишує звук; повертається до розмови.)* Як ето – «нехай»?! Познімай їм часи на слідуочий семестр, ти декан чи де?... *(Капризно.)* Нюсику, ти ж не хочеш, щоб мамуся переживала? *(Задоволена почутою відповіддю.)* Отож... Єслі сказано – кофейну машину, то нужно нести кофейну машину, а не влаштуувать творчу самодеятельность... А як ні – то всьо, bye-bye, baby... Шо роблю? Телевізор дивлюся, чекаю, поки мене поздравлять будуть. Скоро должна прийти девочка від Тамари Сергеевни, хоче влаштууваться викладать на літературу. О другій мусить ще бути якась ляля з газети, інтерв'ю брать... Їхній редактор мені сам дзвонив, сказав, буде цілий разворот і фотографії цветні – ещо би, завідуюча кафедрою в найкращому вузі міста – це вам не це!.. *(Змінює тему.)* Ти зі Славком говорив? Кинув трубку? *(Пауза.)* Раніше нужно було виховувать, щоб не ставився до батька, наче до... Це все твоєї бившої вліяніє, я ж казала, що їм не треба зустрічатися... Гаразд, я сама з ним побеседую. Ще чого – жениться він надумав! І хорошо б ще якусь нормальну девочку собі підібрав, а то найшов якусь невідомо де... Ну всьо-всьо, іди на своє засідання... І не забудь навантаження тим жучкам знять!

Завершивши розмову, кладе телефон на стіл, дуже задоволена собою. Походжає кімнатою, голосно і фальшиво наспівує «Ти мой єдинственный хмельной і сладкій грех», роздивляється букети. Потім бере зі столу величезну «бухгалтерську» книгу і сідає у фотель.

РАЇСА. Так, що у нас получається... *(Гортає зошит, робить нотатки.)* З економіки поздравили... з медприладів тоже... З комп'ютерного дзвонили, сказали, вечером зайдуть... почекаєм. З екології... з екології ще ні, але вони все там... задумчиві, до вечора тоже розкачаються... З перекладом понятно... нічого, получают по ноль два ставки і наступного року будуть умні... От юристи минулий раз замість Mary Kay фігну якусь польську принесли – потім у них всі курси цілий год зреси писали, а у магістрів на госі жодної п'ятірки. Зате тепер деканша їхня прямо з ранку цілу делегацію прислала – лаборантку і ще трьох з кафедри. А в них там геть усі кандидати, между прочім! І нічого – прийшли як міленькі, рози он принесли, сорок сім штук, а не як деякі... і подарунок, який заказувала, а не на який грошей не жалко... *(Лунає дзвоник у двері.)* А це в нас хто?

РАЇСА йде з кімнати. Повертається за мить у супроводі темноволосої дівчини у джинсах і светрі, з заплечником через одне плече. Це НІКА. Доречність її в цій квартирі викликає певні сумніви.

Розмовляючи з тією, кого вона вважає журналісткою, Раїса намагається добирати слова. Як наслідок, мова її стає більш пристойною.

РАЇСА *(сама люб'язність)*. Сюди, сюди... Не знімайте обув... Ви сама?

НІКА. А з ким я маю бути?

РАЇСА. Я думала, з фотографом...

НІКА *(роздивляється, неухважно)*. Увічнити історичну мить?

РАЇСА. Але Ігор Дмитрович обіщав...

НІКА *(так само)*. Не хвилюйтеся, у мене все з собою.

РАЇСА *(наполегливо)*. ...Ігор Дмитрович обіщав, що буде п'ять фотографій. Цветних, на вклатиши.

НІКА. Шість.

РАЇСА. Що «шість»?

НІКА. Фотографій. Кольорових. В інтер'єрі.

Пауза.

РАЇСА *(заспокоюючись)*. А-а-а-а... Ну добре тоді. Інтер'єри в мене інтересні... *(По-діловому.)* Значить, так, одну зделаємо у кабінеті за робочим столом, ще одну тут, у гостинній, – я три місяці назад ковчор привезла з Турції... а третю...

НІКА *(перебиває її)*. Ви сама?

РАЇСА. ...третю... Син за дві години повернеться, він у меня декан, і в нього на кафедрі засданіє... А третю...

НІКА *(неухважно, все ще роззираючись)*. Ну, за дві години ми встигнемо.

РАЇСА *(настійливо)*. ...а третю – ми зделаємо в будуарі.

Пауза.

НІКА *(вперше звертаючи увагу на її слова)*. В будуарі.

РАЇСА *(не помічаючи її реакції)*. В будуарі... Тоді четверту... Та ви не тушуйтеся, проходите, проходите, от сюди... *(Протягом подальших реплік обидві сідають у крісла біля журнального столика)*. Значить, так, зараз ми з вами пообщаємось, сфотографуємось, а потім я вас кавою пригощу, в мене кава удівительна, колишня аспірантка привезла в подарок з Бразилії...

НІКА. І багато у вас таких?

РАЇСА. Яких?

НІКА. Вдячних аспірантів?

РАЇСА *(з удаваною скромністю)*. Ой, ну я, знаєте, не люблю хвастатися, це ж некрасиво... Но ви ж у мене всьо равно інтерв'ю будете брать... *(Вдаючи, що зважилася)*. Ну гаразд, гаразд, зараз... *(Зводиться, приносить заздалегідь приготовану теку)*. Зараз я вам покажу... *(Починає витягати документи)*. Вам же известно, що таке наш університет?

НІКА *(ухильно)*. Ну... в загальних рисах...

РАЇСА. Ну оце не, «в загальних рисах» – так не годиться. Я своїм викладачкам так завжди й говорила: в матеріалі треба розбираться ну просто геть совсем, інакше все, bye-bye, baby. Чернопольський університет... Вас як звуть?

НІКА. Ніка.

РАЇСА *(цитуючи рекламні брошури, тому майже пристойною мовою і зі звичним пафосом)*. Чернопольський університет, Ніка, – це флагман! Це форпост освіти й науки! Найпотужніший навчальний заклад класичного зразка!

НІКА. Раїсо Олександрівно...

РАЇСА *(не звертаючи уваги, так само натхненно)*. У нас десять факультетів! Наш інститут філології – найкращий в регіоні! П'ять докторів наук! Чотирнадцять кандидатів! Магістратура! Аспірантура! Можливість стажування в університетах Сполучених Штатів і Канади! Наші випускники...

НІКА *(решуче)*. Вибачте, я б хотіла почути більш детальну інформацію щодо вашої кафедри і того, як...

РАЇСА *(перебиває її)*. Це ви, Ніко, дуже правильно сказали! Моя кафедра! Моя! Я її, вважаєте, сама создала! Своїми собственними руками! З нуля! Мене ректор в 1997, як надумав університет відкривать, особисто пригласив як відмінника освіти й капедена!

НІКА *(не вельми зацікавлено)*. А капеден – це?..

РАЇСА. Кандидат педагогічних наук. От свідоцтво. *(Тицяє Ніці якийсь документ)*. Моїм науковим керівником був сам професор Шмалько з Київського університету! Це ж така величина, таке ім'я! І тема була дуже актуальна – «Формування соціокультурної компетенції у студентів-політологів». Ви не представляєте, наскільки це важливо – сформована соціокультурна компетенція у студентів!

НІКА. І як, сформували?

РАЇСА *(від несподіванки «з'їжджає» з патетично-натхненного тону)*. Що?

НІКА. Компетенцію. Соціокультурну.

РАЇСА *(не помічаючи ктину)*. А в 2007 в мене ще й докторська... *(Перебирає папери, шукаючи потрібний, знайшовши, демонструє Ніці)*. Як там воно було... «Формування морально-етичних засад і особистісного підходу під час викладання англійської мови». Двісті п'ятдесят аркушів! Сам академік Бубліков був опонентом. Зі Штатів доктор Джозеф Мілбері приїжджав на захист. А це ж така величина, таке ім'я!

НІКА *(роззирається на квіти й подарунки по всій кімнаті)*. І як нині у викладачів із морально-етичними засадами?

РАЇСА. Ой, ну що ви питаєте таке... А як із ними може бути, коли я увесь колектив самолічно підбирала, можна сказати, за власним прикладом?

НІКА *(з витонченим презирством)*. Ну тоді за засади можна не перейматися.

РАЇСА *(не помічає її реакції)*. А я про що? Я ж кожного претендента мало що носом не обнюхувала! Лічні дела з попередніх місць роботи запросила! У мене на кожного окрема папка була заведена! Все вияснила – з ким живе, хто батьки, чим хворів... Це ж така відповідальність – у найкращому виші регіону викладать! Тут, як говориться, соответствовать надо!

НІКА *(так само)*. І як, «соответствовали»?

РАЇСА. Ну аякже! У нас знаєте який колектив був! Самий лучший! Все один одному як на-
стояща сім'я!

НІКА *(так само)*. Що, всі про всіх усе знали?

РАЇСА. І це тоже, як же ж без цього! Все проблеми вместе вирішували! Нікого в біді не оста-
вили! А я вам скажу, чому! Тому що... Чекайте! *(Хапає пульт від телевізора, робить гучніше. Голос дикторки: «То ж дозвольте, Ганно Михайлівно, сьогодні, в день вашого п'ятдесятиріччя...»)* Ні, не воно... Так от, деякі завідуючі спільне засідання кафедри раз на семестр проводять, а в мене воно було кожний тиждень! По четвергах, після четвертої пари.

НІКА *(з натяком на цікавість)*. І що, збиралися?

РАЇСА. Аякже ж? Як штик! Ні, спочатку, канешно, були накладки. Одна канючить, що в неї дитина заболіла, до врача треба, інша – що у неї в цей день тільки перша пара, а вона аж за речкою живе, туди-назад, каже, дуже тяжело їздить, бо дві пересадки. У третьої, відіте лі, приватні уроки одразу ж після пар починаються і вона, як заяць, до ночі містом носиться. А були ще деякі молоді й кучеряві, які вообщі поважних підстав не мали, їм лиш би від колектива відколотися, бо вони сильні таланти... Але я цю пагубну практику припинила.

НІКА. Як саме?

РАЇСА. А дуже просто. Підписала наказ по кафедрі, що кожне пропущене полюбій причині засідання – мінус одна група навантаження в наступному семестрі. Вони у мене почали й больні, й дурні ходити, кожна жучка! *(Затинається)*.

НІКА. Даруйте... Кожна хто?

Пауза.

РАЇСА *(викручується)*. Учьот, кажу, у мене був строгий для кожного.

НІКА. А, ну звісно.

Пауза.

РАЇСА *(жваво)*. ...Так от, колектив у нас був... Ну просто не колектив, а казка! Професіонали на-
стоящі! Фахівці! Я їм усем так сказала: те, що ви викладачі, це всьо лірика, головне, що ви науковці! В інших університетах знаєте, як? З усієї кафедри наукою двоє-трьох займаються, дисертацію захищають, по конференціях виступають, книжки пишуть. А двадцять інших один раз на рік статтю якусь нашкрябають, в університетському журналі її надрукують і счітають, що вже всьо, долг свій, як наукових працівників, виконили. У мене таке не проходило! У мене двадцять душ на кафедрі робило – і на кожную конференцію по двадцять статей здавали, як міленькі! Про що вони там пишуть – то вже дело десяте, головне, що стаття – от вона, є чим в кінці року відчитатись! Я їх в індивідуальному навчальному плані все до тютельки прописувать заставляла! Скільки на рік годин на виховну роботу, скільки на організаційну, скільки на методичну... У мене лаборантка потім з калькулятором сиділа і все пересчитувала, щоб не мухлевав ніхто! Спочатку були обіди всякі, крутити там щось пробували, але потім поняли – зі мною таке не пройде, у мене всьо під контролем.

НІКА. Суворо.

РАЇСА. А як же ж без цього! Вони ж інакше на голову сядуть і ноги звесять! У мене, Ніко, най-
вищий процент кандидатів був у всьому місті! Вони ж у мене захищалися все ну просто... просто як скажені! Я ж їм одразу, як на кафедру приходять, условіє ставила – за чотири роки має бути канди-
датська, і щоб без ніяких!

НІКА. І що, вкладалися?

РАЇСА. А то! За рік по чотири захисти! Їм же ж як пригрозиш, що наступний рік навантаження зріжеш, так одразу час знаходиться і по бібліотеках сидіти, і іспити кандидатські складати. Ніяких поблажок нікому не давала! І Нюсик мій тепер такий самий.

НІКА. А Нюсик – це?..

РАЇСА. Син мій, Микола Вікторович. Він у мене в нашому ж університеті навчався, на філо-
логії. І викладаць одразу залишився. Кандидатську в двадцять шість захистив! У Києві! Щось там у нього про Дон Кіхота було... *(Замислюється)* ...Ні, не вспомню. А в тридцять його вже деканом назначили! Тепер он доктор наук, директор інститута філології, найкращий іспаніст України! В Барселону по три рази на рік їздить, пригласають лекції читать. З професорами американськими пере-

писується! Аспірантів п'ять штук кожен рік! Одна з них захистилася он три роки тому, тепер замість мене кафедрою заведе... Я, Ніко, спочатку боялась всьо на неї лишать, молода ще, сорока немає, але Нюсик там її контролює геть у всьому. Контроль – це ж першостепенно, ви ж повинні знати як журналістка...

НІКА *(рішуче)*. Я не журналістка.

Пауза.

РАЇСА *(ляскає себе по місцю нижче талії, різко змінює тон на «свої люди»)*. Тю, так що ти мені голову париш?! Ти від Тамари Сергєєвни? На роботу устраїваться? То так би зразу й сказала, а то мовчиш, як риба в натурморті! *(По-діловому)*. Значить, так, молода й кучерява, слухай сюди. На кафедрі літератури тебе, канешно, візьмуть, бо Тамара Сергєєвна – це вам не це, з депутатами горсовета дружить треба. Але ти, я бачу, дівочка розумна, тож маєш знати, що за спасибі навіть птічка не какає.

НІКА. Я...

РАЇСА. Це ж знаєш, як обідно, коли ти до когось всією душею, а він неблагодарний? От, наприклад, на день народження, замість того, щоб поздоровити по-людськи, порадувати, рішити зекономити і принесе чахлі розочки й фігню якусь китайську за три копійки... А я от як думаю: якщо вже тобі навстречу пішли, допомогли, то ж надо теж уваженіє проявлять. Я в людях оце більше всього не люблю, неблагодарність цю.

НІКА. Річ у тім, що...

РАЇСА. А про ступінь не переживай. Як будеш умніцей, все в тебе буде – і навантаженія дадуть, і старшого викладача. А за рік-два кандидатом станеш, це без вопросов. Я тебе з нужними людьми звезу, щоб тобі по бібліотеках пилом не дихать і з усім цим не мурижитися. Нехай всякі лохушки дослідження проводять і статті пишуть. Якщо зі мною по-хорошому, то й я по-хорошому. Так що... Ой, чекай-чекай, це ж уже точно воно! *(Схоплюється, схопивши пульт, збільшує гучність, голос дикторки: «...чудову людину, матір і бабусю...»)* Ну, це точно про мене! *(Робить ще гучніше. Голос дикторки: «...Все життя проробила на хлібозаводі №4...»)* Ні, не про мене... *(Обертається до Ніки.)* Так от...

НІКА. *(направляє на неї витягнутий із запlechника пістолет)*. Руки вгору.

РАЇСА. Що..?

НІКА *(кричить)*. Вгору руки, ну!..

РАЇСА *(піднімає руки)*. Е-е-е, цеє... поосторожніше... *(Задкує)*.

НІКА *(з ненавистю)*. Аякже ж... Сісти в крісло, руки тримати так, аби я бачила!

РАЇСА. Слухайте, що проісходить взагалі?

НІКА *(цілиться)*. Я сказала сісти в крісло!

РАЇСА *(лякається)*. Ну всьо, всьо, тільки не надо... *(Сідає у фотель, продовжуючи тримати руки піднятими.)* Послухайте, ви ж мене убивать не збираєтесь?

НІКА. Мовчати!

РАЇСА. Май в віду, за десять хвилин прийде мій син. Він дуже сильний мущина й знає карате.

НІКА. Десять хвилин мені вистачить.

РАЇСА *(лякається)*. На що?

НІКА. На все.

Пауза.

РАЇСА *(знехотя)*. Гроші он там, на полке, в Сухомлінському, в третьому томі.

НІКА. І що?

РАЇСА. Забирай. За ними ж прийшла? *(Ніка, продовжуючи тримати її на прицілі, задкуючи дістається до книжкової шафи, дістає книгу, витягує з неї чималенький долларовий стос. Зважує його на руці. Дивиться на Раїсу. Та її погляд тлумачить по-своєму.)* Що, мало тебе? *(Ніка незрозуміло змикає, тримаючи в одній руці гроші, а в іншій пістолет.)* Ну гаразд, гаразд... *(Зовсім над силу.)* Он там, зліва. Вище. Моя монографія, «Формування етичних засад педагогічної діяльності». Там ще сто п'ятдесят штук... чи сто шістьдесят... *(Ніка, тримаючи Раїсу на прицілі, навпомацки витягує книгу й вилучає з неї другий стос, ще солідніший. Кидає книгу на підлогу. Тепер у неї в руках вже груба купа грошей.)*

НІКА (*з іронією*). Що ж, за засади дійсно можна не перейматися. Сформовані.

РАЇСА. Це всьо, більше немає. Це ж навела падлюка якась... Славку, онуку, на квартиру збирала...

НІКА (*їй в тон*). З пенсії відкладали, в останньому собі відмовляли...

РАЇСА. А тебе яке діло? Ти ж за цим прийшла? Тепер довольна? (*Зривається, погрозливо.*) Ти тільки... Тобі це так з рук не зійде! Тебе консьержка бачила, коли ти в під'їзд заходила! Тебе міліція знайде! Гроші їй мої треба! Жучка!

Ніка кидає грошовий стос на тацю на столі поруч. Тримаючи Раїсу на прицілі, витягає з кишені запальничку. Не зводячи з Раїси очей, підпалює долари з декількох боків. Ті швидко горять. Так само дивлячись на Раїсу, Ніка бере тацю з попелом, висипає його на підлогу й всліпу розтирає ногою.

Пауза.

РАЇСА. Ефектно. А далі що?

НІКА (*більш холоднокровно, ніж почувасться*). А далі я вас убу́ю.

РАЇСА (*Нікін демарш із грошима їй розповів про гостю все, що треба, тому боїться вона вже менше*). Так ти, значить, не воровка. Ти, значить, кілерша. Тебе найняли, щоб мене вбити! Хто? (*Ніка мовчить.*) Можеш не отвечать, я сама знаю. Платонова, так? Ну авжеж Платонова! Я в тому місяці зрзала їй аспірантку на захисті... дисертація була нормальна, але сама та дівка мені не понравилась, убога якась, макіяжу немає. І стіл на передзахисті позорний накрила, вино отечествене, ікра тільки червона... Куди їй такій в кандидати?.. То що, Платонова?.. (*Вираз Нікіного обличчя дає їй зрозуміти, що припущення хибне.*) Ні? Тоді хто? ...А-а-а, знаю, Бабковська! Канешно, Бабковська! Наташка, більше нема кому! Вона ж із цих, молодих да ранніх! Ініціативна! Кандидатську в двадцять п'ять захистила, докторську в тридцять два! І все мене підсиджувала, на моє місце метіла! Тільки хрен її назначили! Так і сидить старшим викладачем. А як я на пенсію пішла, то вона за Нюсика взялася, копає під нього, сука. Вона прислала, так?

НІКА. Я спочатку кислотою хотіла. Щоби зовнішнє привести до гармонії з внутрішнім. І її дістати легше, кислоту. Уявляла собі, як перестріну взимку увечері там, у провулках під університетом. І з пляшки в обличчя – хлясь!..

РАЇСА. Бабковська! Точно вона!

НІКА. ...а потім подумала – ні, не те. Кислота – це дріб'язок. І мстяться нею за дрібне. За вкраденого чоловіка, наприклад. За вкрадене життя розраховуватися кислотою якось несерйозно. І потім, якщо я вам кислотою очі випалю, ви мене не впізнаєте. А це принципово, аби ви мене впізнали.

РАЇСА. ...Я ж знала! Я завжди знала, що Наташка – кримінальний елемент, і рано чи пізно... (*Нарешті звертає увагу на слова Ніки, нашоорошено.*) А чому це я повинна тебе впізнавать?

НІКА (*швидко, з ненавистю*). ...Завжди казали – одне обличчя. Я навіть стрижку таку саму зробила, як у неї тоді була. І перефарбувалася. У мене своє волосся темне, а вона в чорний тільки за два роки після всього почала... бо все інше сивину не зафарбовувало. Я фото знайшла випадково... ще тодішнє. У неї волосся було – як бурштин. А їй довелося в чорний. Я її іншою й не бачила ніколи. Хіба за таке кислоти достатньо?

РАЇСА (*рішуче*). Так, молода й кучерява, не знаю, хто ти є така, журналістка, аспірантка чи просто якась жучка з вулиці, але ти точно прибецана. І я зараз... (*Опускає руки, зводиться*)... міліцію визову, нехай вони самі розбираються, на кого ти там схожа і що в тебе там фарбоване...

НІКА (*стріляє в повітря, кричить*). Сидіти!

Раїса від несподіванки валиться назад до фотелю.

Пауза.

(*Несподівано весело і ледь істерично.*) Здуріти! А я ж не повірила, що таке буває... Прочитала – і не повірила! Мені здавалося – університет! «Флагман освіти», блін! Доктор педагогічних наук, який власних колег називає жучками, – це ж... (*Передражнює Раїсу.*) «Жучка, ти коли заповниш журнал навантаження?» «Жучки, у нас сьогодні засідання кафедри!» Вона сказала тоді: збори жучок – це не засідання кафедри, це собаче весілля! Як ви її назвали? Фіфю сраною?

Пауза.

РАЇСА *(повільно)*. Ви нас не ждали, а ми приперлися... Так ти у нас, виходить, сюрпріз з минулого. *(Роздивляється Ніку.)* А що, такі дійсно похожа... Доця?

НІКА *(її в тон)*. Доця.

РАЇСА. І навіщо ж вона тебе, доцю, прислала?

НІКА. Ніхто мене не прислав.

РАЇСА. Сама, значить, вирішила?

НІКА. Сама.

РАЇСА. Ідейна, значить. Мирове зло прийшла побеждать.

НІКА *(оманливо спокійно)*. Ну яке ж ви світове зло. Ви так... муха. Звичайна гнойова муха, якіх невямки, що є на світі ті, хто не живе в лайні.

РАЇСА. Ти подумай, художественні образи які. Вся в маму. Вона в тебе тоже по молодості лет вірші всякі сочиняла. Вечно по конкурсах їздила, літераторка, ганьба для кафедри...

НІКА *(не зважає на кпин)*. І прийшла я сюди не за ідею. Мені насрати на те, що ви і такі, як ви, зробили з освітою в цій країні. Її уже не врятуєш. Але за те, що ви двадцять років тому зробили з моєю мамою, я вас сьогодні уб'ю.

РАЇСА. І що ж це я таке з твоєю мамою зробила, що мене прямо вбивати за це надо? Про це вона тобі не забула повідомить?

НІКА *(з погрозою)*. Ви мою маму... Ви її не займайте! Вона найкраща!

РАЇСА. Ну єщо би!

НІКА. І нічого вона мені не розповідала, я сама про все... Випадково. Коли розбирала речі на старій квартирі, знайшла щоденники. Вона там про всю вашу... собацюрню... з подробицями... Про те, як ви її...

РАЇСА. А що я її? Що? Робоче місце вона від мене отримала! Цих філологів кожен год випускається як жучок нерезаних. Думаєш, все вони роботу за спеціальністю знаходять? Сидять по цих... агентствах брачних... роздиваються перед камерами. А тут тільки диплом отримала, а її уже на роботу взяли, та ще й до кращого в місті університета! Без ніяких, просто з вулиці!

НІКА *(передражнює)*. «Без ніяких»... Що, в зошит записати не було чого?

РАЇСА. А ти й про тетрадочку мою знаєш?

НІКА. У верхній шухляді робочого столу тримали. Повне дос'є на кожен вашу... жучку... – з ким живе, на якій посаді батьки і чоловік працюють...

РАЇСА. Ну а як інакше?

НІКА. ...чи велика квартира, чи є машина, чи має впливових знайомих....

РАЇСА. А що ж повинна була, просто так їх на роботу устроювати?

НІКА. За професійними якостями ніколи не пробували?

РАЇСА. Ой насмішила... Та кому вони, ті професійні якості... Мені колектив треба було корисний сформував. Щось станеться непередбачене – а я тетрадочку свою відкрию і знайду, до кого про допомогу звонить. Учот треба вести! І дивитися на перспективу! А твоя мамця – як єврей з анекдота. Не був, не состояв, не учавував... Батька немає, мати-пенсіонерка й квартира без євро-ремонта. Родичей ніяких, знайомих корисних ніяких. Зате гонор і червоний диплом. Що мені той її диплом, на стінку вешать?

НІКА. Треба було взагалі на роботу не брати, ніж брати, аби знущатися!

РАЇСА. А я й не хотіла брати! Це декан тогочасний настояв – мол, талантлива дівочка, треба шанс дати! А що мені з її того таланту? Я той год ще двох взяла, крім неї. Так у однієї батьки магазин великий на центральній вулиці тримали, а у другій папа – головвчач на «швидкій»... Оце я розумію, нормальні люди. Обидві і зараз он працюють, старші викладачі, кандидати наук. А тут – «талантлива»... Що мені було, благодійністю займатися для кожної талантливої?..

НІКА *(киває на інтер'єр кімнати)*. Незлецьки тепер благодійники живуть.

РАЇСА. Це все трудом зароблене!

НІКА. Знаю я... про ваш труд... Напередодні кожного свята на великій перерві всі кафедральні жучки перед вашим столом у чергу шикувалися. З пакетами напереваги.

РАЇСА. Що, також у щоденнику прочитала?

НІКА. У ньому. І про пакети, і про те, як ви їх просто там, на кафедрі, відкривали й у зошиті плюсики ставили. Три – якщо сподобалося, два – якщо не дуже.

РАЇСА. Можна подумати, я їх прямо насилувала подарунки мені носити. Самі дарували, від уваження.

НІКА. Ще б пак їм не дарувати! За цими плюсиками потім навантаження на наступний рік ділили. У кого більше двадцяти назбиралося, тому повну ставку. За десять – половину...

РАЇСА. Слухай, молода й кучерява, ти б оцю... *(киває на пістолет)*... пукалку свою сховала б кудись і поговорили б як люди.

НІКА. Ото ж бо, що «як».

РАЇСА *(змінює тактику, удавано-лагідно)*. Я, канешно, нічого такого сказати не хочу, але... Мама твоя – вона, цеє, пісательніца. Фантазія бурна у неї, розумієш? Воно, канешно, для пісателів навіть і хорошо, коли сочинять умієш, але ти, замість пістолетом розмахувати, розібралася б спочатку. Може ще й не було нічого.

НІКА. А нема в чому розбиратися. «Не було»... Пакунків цих не було, досьє у зошиті? «Фіфі сраної» не було? Чи того не було, що ви їй насамкінець... тоді, у травні? *(Пауза.)* А поговорити... Чому ж не поговорити. В зоопарку я давно не була... *(Хоче покласти пістолет назад до заплечника, але після секундного вагання затикає його за пояс джінсів)*.

РАЇСА *(спостерігає за нею)*. Професіонально. Жопу собі підстрелити не боїшся?

НІКА. Не боюся. Я зі зброєю змалечку вправлятися вмію. Мене тато навчив.

РАЇСА. І хто у нас тато?

НІКА. Тімоті Джонатан Маршмеллоу-третій.

Пауза.

РАЇСА. Не поняла.

НІКА. А що тут незрозумілого? Тімоті Джонатан Маршмеллоу-третій. Громадянин Великої Британії.

Пауза.

РАЇСА. Я не поняла, ця сучка що, за іностранця заміж вийшла?! *(Ніка починає витягати з-за ремня пістолет.)* Не, ну всяке буває, канешно, фіктивні браки і всьо таке... *(Не витримує.)* Я ж тоді всі мери... Та вона ж під забором мала здохнути, фіфа срана!

НІКА *(тріумфально)*. А от не дочекалися!

РАЇСА. Та де ж вона його підчепила, з Великобританії?!

НІКА *(холоднокровно)*. Так на мості.

РАЇСА. На якому ще?..

НІКА *(так само)*. На вантажному, через річку. Тоді, після... ви ж усе зробили, аби життя їй в цьому місті не було. Ви в неї не лишень роботу відібрали, а й віру в людей. А віра для таких, як вона, – найголовніше.

РАЇСА. Ти мені тут пафосу цього не нагнітай! Її проучити треба було! Возомніла про себе!

НІКА. Вона майже два роки намагалася... наново. Але не вийшло. Тому вона у переддень Нового року на міст прийшла. Топитися. Опівночі, щоб не побачили й не зупинили. А через міст траса з Києва на Одесу. І саме нею їхав кортеж. В Одесі на тому тижні якийсь міжнародний економічний форум проходив, батько там був почесним гостем як голова найбільшого британського банку. Він у маму з першого погляду закохався. Щойно там, на парпеті, побачив. Його секьюриті її з парпету зняли, і він її з собою забрав. За три місяці у них сімнадцять річниця весілля.

Пауза.

РАЇСА. Дурдом якийсь. Ця малахольна що, за рубезом живе?

НІКА. В Лондоні. Ще у Празі масток є, ми туди взимку перебираємось, на Різдво.

Пауза.

РАЇСА *(недовірливо)*. То єсть, у тебе батько охренеть яка звезда й мільйонер, а тебе при цьому Нікою звать.

НІКА. Ну, взагалі-то, Елізабет-Вероніка-Олівія Маршмеллоу. Ніка – це так, неофіційно.

РАЇСА *(обмірковує щось)*. Паспорт покажи.

НІКА. Ви що ж думаєте, я вас убивати з паспортом прийшла? А я вас все одно вб'ю. Бо батько міг дістатися до мосту на хвилину пізніше. А чи...

РАЇСА *(перебиває її, у неї якась ідея)*. Так скільки, кажеш, лет тобі?

НІКА. Дев'ятнадцять.

РАЇСА. Здрастуй, лошадь, я Будьонний, молодий і возбуждєнний. І від кого ж вона тебе роділа? Якщо вона сімнадцять лет замужем? *(Ніка мовчить, вона роззубилася. Обидві не помічають, що в дверному отворі з'являється НЮСИК і завмирає, вражено вдвляючись у Ніку, яка стоїть до нього спиною.)* І... Чекай-чекай... Це ж... Єслі тобі дев'ятнадцять... А звільнила я її... *(Ляскає себе по колінках)*. А піріжок, виходить, з начинкою був! І хто повар? *(Ніка мовчить.)* На кафедрі у мене тогда одні девки були... Ну і ну! Оце скромніца, оце недотрога! Вечно така вся в тонкіх матеріях, а сама... Беремчата! Ну, вони, літератори ці, вони всі розпущені, так що нічого такого удівительного...

НЮСИК. Марто?

Далі всі репліки звучать майже водночас.

РАЇСА *(схоплюється, кидається до нього, ховається йому за спину)*. Нюсику, визивай міліцію!
Ця сука мене убивать прийшла!

НЮСИК. Але... *(робить крок до Ніки)*.

НІКА *(вихоплює пістолет, цілиться в них, верещить)*. Не підходьте! Я стрілятиму!!!

НЮСИК *(застережено простягає до неї руку)*. Зачекайте... Зачекайте, не треба... Я просто хочу у вас спитати...

РАЇСА. Та нема тебе про що її питати! Міліцію визивай, нехай вони з этой курвой розбираються!

НІКА. Я стрілятиму!!!

РАЇСА. Авантюрістка сопліва! Вся в свою мамашу-літераторшу!

НІКА. Ти ж стара шкапа! Я тебе зараз!...

НЮСИК *(перекрикує їх обох)*. Мовчати! *(Обидві від несподіванки замовкають.)* Мамо, вгамуйся, ніхто тебе не збирається вбивати...

НІКА. А ви за мене не розписуйтесь! Навіть дуже збираюся. Після того, що вона моїй мамі зробила...

НЮСИК *(вдвляється в неї)*. Неймовірно... Така схожа... Ви ж її дочка? Дочка Марти Терлецької?

РАЇСА. А чия ж ещо? Канешно, цієї фіфі сраної! Правильно я її тоді!.. Всьо корчіла з себе англійську королеву, а сама он в подолі принесла неізнєстно від кого!

НЮСИК *(все ще дивлячиь на Ніку)*. Це я її батько.

Пауза.

РАЇСА *(ошелешено)*. Це в якому смислі?

НЮСИК. У прямому. Ця дівчинка – моя дочка.

Лунає постріл. Це Ніка від несподіванки натискає на курок. Куля розбиває кришталеву з підвісками люстру. Злива шкалок. Ніка відсахується.

РАЇСА. Убіла! Вона мене убіла! Жучка підзаборна! *(Демонстративно падає в крісло)*.

НЮСИК *(до зовсім ошалілої Ніки)*. Слухай, ну що ти... *(Обережно простягає руку)*. Дай-но сюди цю твою штуку, грець із нею, з люстрою, а що як справді когось уколошкаєш...

РАЇСА *(миттю забувши, що тільки-но помирала, жваво)*. Ето як це грець із люстрою? Ця люстра знаєш скільки?.. Це ж настояще богемське стекло, її ж на заказ спеціально для мене... *(Схоплюється.)* Я ж цю люстру... *(Іниим тоном.)* Слухай, а з якої це радості вона твоя дочка? Це ж як таке получілося?

НЮСИК *(роздратовано)*. Мамо, ти що, не знаєш, як получаються діти?

РАЇСА. Я не понімаю, як вони в цьому конкретному случаї можуть получитися! Вона ж старша!

НЮСИК. На шість років.

РАЇСА. А етого що, мало? Єслі оцій *(киває на Ніку)* дев'ятнадцять... Ти ж тогда ще на третьому курсі вчився!

НЮСИК. Ну не в третьому ж класі.

РАЇСА. Чекай... Чекай-чекай-чекай... Це ж вона у вашої групи домашнє читання вела... Романи з вами всякі читала, селінджерів з голдінгами... От я всегда знала, що нічого хорошего з етого домашнього читання не буде, учили б просто граматику і *bye-bye, baby!* Це всьо декан тодішній...

всесторонню освіту йому подавай, хотів, щоб у нього філологи геть усю англійську мову вивчили... Вона тебе що, ізнасілувала?

НЮСИК *(роздратовано)*. Мамо, ну що за маячня?! Просто...

НІКА *(про яку разом із пістолетом, який вона досі стискає в руці, просто забули)*. Просто ви тут схиблені всі! Обоє! Дурка за вами... Який ще батько? На чорта мені батько, якщо в мене вже один є? Тімоті Джонатан Маршмеллоу-четвертий...

РАЇСА. А не третій?

НІКА. Що?..

РАЇСА. П'ять мінут назад він третім був. Що, нумерація збилася? *(Ніка розгублено мовчить.)*

НЮСИК *(до Ніки)*. Вероніко... Вероніко, послухай... послухайте... Я не знаю, що Марта... Тобто, я можу уявити, що саме вона вам про мене наговорила...

НІКА *(вона розгублена)*. Та звідки ви взяли... Ви хто такий взагалі, щоб вона мені про вас говорила?! Думаєте, у нас в Парижі іншої теми для розмов нема?

РАЇСА *(знуцально)*. Так я не поняла, ви вже з Лондона переїхали, ілі як?

НІКА. Нікуди ми не... У нас будинок... Батько купив...

РАЇСА. Маршмеллоу-п'ятий.

НЮСИК. Зрозумійте, я... Я не хочу, аби ви подумали, що я виправдовуюся, але... *(Затинається.)* Я тоді просто розгубився. Мені ж ще двадцяти не було! Я просто злякався, розумієте? Про наші стосунки ніхто не знав, але я б...

РАЇСА *(до неї починає доходити)*. Я не поняла, ти що, серйозно? Ти що... Ти з її мамашею... З цією фіфою сраною?!

НЮСИК *(до Ніки)*. Мені просто потрібен був час... аби наважитися. Я б розповів! Але вона... Вона тоді звільнилася. Несподівано. Нічого мені не сказала, не попередила... Просто зникла – і все. Чому вона тоді так...

НІКА *(знов набуваючи войовничості)*. А це ви в мамусі своєї спитайте!

НЮСИК. А до чого тут...

НІКА. А до того, що вона у вас сука! Сука, хабарниця й бидлота!..

РАЇСА. Ти, жучка сопліва...

НІКА. Що, правда очі муляє?

РАЇСА. Рот закрій, шалава.

НІКА. ...сказала доктор наук, професор і відмінник української освіти. А те, що коли цей професор рота відкриває – у всіх оточуючих вуха в'януть – то все так, фігня! Головне, що академік Бубликов опонентом був!

РАЇСА. Я сказала – рот закрій!

НІКА. Зошит завели, родичів чужих записувати? А своїх власних що ж не записали?! Соромно?!

РАЇСА *(робить крок до Ніки)*. Я ж тебе сейчас...

НІКА *(відскакуючи)*. А я знаю! Все знаю! З'ясувала! І про батьків ваших – алкашів у третьому поколінні! І про те, яким місцем ви всі свої ступені отримували! Доктор і професор!

РАЇСА. Так, доктор! І професор! А тебе з твоєю мамою ще роз'яснить надо, за ким ви там замуем і де живете!

НЮСИК. Мамо...

РАЇСА. Не мамай! Жаль, я її просто так звільнила? Треба було по статті... за растленіє...

НЮСИК *(знякливо-роздратовано)*. Та ніхто мене не... Якщо хочеш знати, насправді це я... ну, тобто, ініціативу проявив! Я ж... З першого ж погляду! Неймовірна, неможлива... Іншої такої жодного разу не стрічав...

РАЇСА. Бо в мене колектив нормальний був! Всі на роботу як следует приходили, в макіяжі й на каблуках! І лишень ця пісательніца недоделана... Морда не намазана, патли руді, джинси з бахромою, вся якимись цяцьками обвешана – фенічки, кулончики самодельні... І навіть золота на ній ніде нет! Ні колечка, ні сережок! Хіпі срана!

НЮСИК *(несподівано замріяно)*. Ми до неї на пари диктофони носили. Бо ніколи доти не бачили, щоб викладач лекції читав просто з голови. До неї у нас ця твоя була... Колеснікова, здається, вона ще дисертацію в тебе тоді писала.

РАЇСА. Хороша дівочка була, зараз в Одесі он кафедрою заведе, докторську захистила...

Н Ю С И К . Вона на кожну пару запізнювалася на п'ятнадцять хвилин, ми за нею годинники звіряли. Потім підручник відкривала й починала диктувати. А ми мали записувати. При цьому точно такий підручник у кожного на парті лежав.

РАЇСА . Ну і що тут такого, я не поняла?

Н Ю С И К . Їй на студентів насрати було. І на літературу також. Вона ж про ту літературу зеленого поняття не мала. Без підручника одразу таке починала верзти, що... Якось сказала, що письменника Драйзера звать Тореадор. Потім – що ксенофобія – це міфи про принцесу Ксену.

РАЇСА . Та кому він треба, цей твій Драйзер?! Головне, що вона нормальна була, уважительна, з праздниками усіма он досі поздравляє! І муж у неї в банку директор...

Н Ю С И К . «А ви знаєте, що Селінджер мріяв бути глухонімим?» Це вона таке спитала, Марта. У свій перший день, просто з порога. А потім всілася на підвіконня й почала розповідати. Вона завжди на лекціях сиділа на підвіконні. І ніколи не зазірала в конспект.

РАЇСА (*зі зневагою*). І ти по цьому поводу в неї закохався?! Цирк на проводі якийсь... (*Раптом згадує*.) Чекай... Третій курс... Це ж тебе тогди з Леночкою знайомила, дочкою Івана Петровича з мерії, і ти одказався з нею на зимових канікулах до Турції їхати... Це що, тоже через неї? Через цю рибу в натюрморті?!

Н Ю С И К . Мамо, ну чому ти не... Я хотів тобі розказати, але... Я ж просто не знав тоді, як ти все це сприймеш, і... Тоді, після канікул, у вересні, у розкладі був уже інший викладач... наші просили мене, аби я в тебе дізнався, чому Марта звільнилася... Але я... Не зміг, злякався, що ти здогадаєшся, чому я... Тоді просто набрехав їм щось, і...

Н і к а , про яку всі забули, регоче. Нестримно, захлинаючись, так, що сміх її дуже скидається на істерику.

Н І К А (*крізь сміх*). Триндець... Господи, ну це точно триндець якийсь... Здуріти... (*До Ню с и к а*). Так ви, значить... це... татко мій? Нюсик-татусик, грець... (*Ню с и к хоче щось сказати*.) Ні, мовчїть. Краще мовчїть. Сцена, в якій Гамлет дізнається, що він – син Клавдія... Хоча, ви ж, здається, не по англійській літературі, а по іспанській? Хто у них там... із культурних героїв? На хитромудрого ідальго Дон Кіхота не тягнете, сорі. От хіба що на Росінанта... Вас, щоб ви знали, навіть власний син так називає... позаочі. Щоправда, не зовсім так... образливіше. Хочете, скажу як саме? Росинантів хвіст.

РАЇСА . А це ти звідки знаєш?

Н І К А . А з першоджерела.

РАЇСА . Від Славка?!

Н І К А . Від нього. (*До Ню с и к а , несподівано холоднокровно*.) Він вас соромиться, до речі. Перед ним усі викладачі навшпиньки ходять, через те що він – деканів син. А він же у вас розумний... сам по собі, йому це неприємно. А на додачу всім відомо, що факультетом насправді не ви заправляете, а ваша, даруйте... (*киває на Раїсу*.) Бути сином декана і так... не айс. А кишенькового – тим паче.

Пауза.

РАЇСА . Підожди, то ти – та сама...

Н І К А . Так, я та сама жучка, із якою ваш син і онук має намір одружитися. (*Новий напад сміху, до Ню с и к а*.) Гамлет виявився не тільки сином Клавдія, а й братом Офелії. Втім, ми ж уже з'ясували, що ви не по Шекспіру... Як там у іспанській літературі... з цією тематикою? Є щось годяще?

РАЇСА . Ах ти курва! (*Кидається на Ніку, вчіпляється їй у волосся*.) Паскуда гуляща, ляля підзаборна!!

Якийсь час оскаженіло борсаються; приголомшений Ню с и к збайдужіло стоїть стовпом і не втручається. Нарешті Ніці вдається вирватися.

Н І К А (*відбігає вбік, кричить*). Ну не знала я! НЕ ЗНАЛА!!! Звідки мені було?! Я просто хотіла... Ми в клубі познайомилися... випадково... Я коли довідалася, чий він онук... Зрозуміла, що це шанс... за все. Він же ж у вас... несучасний. Закохала б його в себе, а потім кинула. Одне зруйноване життя за інше. Все чесно.

Н Ю С И К . Що з Мартою?

Н І К А . Я ж у нього... по-справжньому. Думала – так просто, заввиграшки... Цьомки-перецьомки і все, bye-bye, бабу... А він світлий такий, найвний... Домашній книжковий хлопчик, Ассоль у штанях...

НЮСИК. Що з Мартою?

НІКА. Зрозуміла, що закохуюся, – злякалася. «І кряче ворон, кличучи до помсти» і все таке. От і вирішила... в гості. Підживити ненависть, так би мовити. Аби пригадати, чий він онук...

НЮСИК. Що з Мартою?!

Пауза.

РАЇСА *(неохоче)*. Та що з твоєю Мартою... Контракт в неї на три года був підписаний, так що по правілам їй ще два оставалося. Тільки я уже не могла на цю фіфу недоделану любоваться! Ну й підговорила жучок своїх з кафедри... У них причин любити її не було геть совсем, її студенти придурошні тринділи постійно, як вона там їм викладає страшне дело як інтересно... інші групи почали петиції носить до деканів, просили, щоб їм викладача замінили, поставили замість кандидатів наук нормальних цю пісательніцу... Коротше, я з дівочками договорилося... Лаборантка наша їй в сумку гроші підкинула, ті, що ректору на подарок збирали... типу, вона їх скомунізділа... *(Нюсик відсахується.)* Потім засідання кафедри зібрали, обиск устроїли і в неї цей конвертик і знайшли... Ну й звільнили цю лохушку по-бистрому. Жучки мої мовчали, позбулися – і ладно... А я для гарантії ще по інших університетах городських продзвонила... щоб ця королевішна не устроїлася нікуди... *(З ви-кликом.)* А що?! Хай знає, як фіфу сильну з себе корчить!

НЮСИК *(приголомшено)*. Я ж нічого не знав... Я не знав... Не знав... Це ж...

РАЇСА. Ні, я не поняла, а що тут такого?! Вона ж не викладать прийшла! Вона ж решила, що спасать вас буде! Від мене і таких, как я, спасать! Бо ми, відіте лі, душі калечім тим, що без всяких... самодеятельностей! Без театрів, психодрами, глухонімих Селінджерів і рольових ігор! Без усієї цієї срани! Вона ж считала себе от етім, з фільма того дебільного, которий всяку фігну їм розповідав, а потом вони в нього на парти пригали...

НЮСИК *(глухо)*. «Спілка мертвих поетів».

РАЇСА. Вона ж вас настроювала... спеціально! Я ж узнала вже потім, після всего. Вона за свої последні два тижні, уже після засідання, цю «Спілку» замість річного іспиту показала усім своїм групам... Вашій же також показувала?

НЮСИК *(так само)*. Показувала.

РАЇСА. І наверняка ще й прокоментірувала соотвественно... сука.

НІКА. Рот закрій, потворо.

РАЇСА *(не звертає на неї уваги, Нюсик у)*. А що групи її мене устроїли після канікул! З першого ж вересня, як побачили, що її нема в росписанії!.. Ваша мовчала, а всі інші... Вони ж до мене делегаціями ходили! Требували розказать, куди викладач подівався! Я їм спеціально поставила лучших спеціалістів, кандидатів наук! Ганну-Катерину, Валентину Михайлівну!.. А вони все ходили й ходили, і нили, що знов хочуть цю... рибу в натюрморті!

НІКА *(робить постріл у повітря, верещить)*. Заткніться!!!

Пауза.

НЮСИК *(робить до неї крок, благально)*. Марто... Ніко... Я не знав... Я правда...

НІКА *(відступає, впустивши пістолет на підлогу)*. Ви... Ви ж... Вас же в зоопарку показувати треба... за гроші. Ви ж не люди... Ви ж потвори... обоє. Гісна й крокодил із крокодиловими слізьми... Потвори...

РАЇСА. А ти, значить, бела й пушиста? І твоя мамця тоже? Шкода, я її пожаліла, просто так звільнила. Треба було по статті...

НЮСИК *(не дивиться на неї)*. Мамо, замовкни.

РАЇСА. Це не ми потвори. Це ви потвори. Таким, як ви, всегда запаadlo... як усе. Ви ж особенні! Вам же ж більше за усех надо! Реформатори, чесні й принципіальні! Всі кругом лайно, а ви на коні і в белому! І з Селінджером, як з флагом! Лялі кучеряві!

НІКА. А хай вам... *(Прожогом вибігає, лишивши пістолет на підлозі)*.

РАЇСА *(кричить їй у спину)*. Автобус до Лондона тут близько, за углом! *(Роздивляється до-вокола.)* Це ж люстру тепер ще чинить... через цю кретинку малолетню... *(До Нюсика.)* Я тобі зна-еш, що скажу? Оці всі, які дуже ідейні, – вони малахольні. Нерви хліпкі. Як що – одразу вішаються, вени ріжуть, з мостів кидаються... Ще в цього, Селінджера їхнього, розказ був... про якусь сельодку з бананами, чи що... Не читав?

Н Ю С И К *(не дивлячись на неї)*. Читав.

РАЇСА . Ну й дарма. Нема чого всякий бред читати... *(Дивиться на годинник.)* Ого, чотири вже! І програма уже всьо, навроно... *(Хапає пульт від телевізора, збільшує гучність. Голос дикторки: «Тож, Іване Сергійовичу, сьогодні, у день вашого ювілею...»)* Ні, ще поздравляють... *(Притишує звук.)* Жаль, своє пропустила... Треба буде в студію позвоніть, сказати, щоб повторили завтра...

Н Ю С И К . Мамо... А пам'ятаєш, я, коли маленький був... Мене питали, ким я хочу стати. А я говорив, що вчителем. Щоб як ти...

РАЇСА . А що, правильно все говорив. Ким же тобі бути ще? На заводі пахать?

Н Ю С И К . А Славко колись у дитячому садку всім розповів, що буде сміттярем. Сказав: хочу, щоб ніде не було бруду...

РАЇСА . Це що, ця жучка з газети так і не прийшла? Вона ж ще дві години назад должна була... Ну нічого... Я зараз Ігорю Дмитровичу подзвоню, він мені п'ять фотографій обіщав, цветних, на вкладиші... Зараз буде вам bye-bye, baby, ти диви, розпустилися совсем... Де мій телефон? *(Виходить)*.

Н ю с и к лишається на самоті. Якийсь час стоїть незрушно. Потім підбирає з підлоги пістолет. Роздивляється його як людина, яка доти не тримала в руках зброю.

Н Ю С И К *(з пістолетом у руці)*. Ми сьогодні будемо дивитися фільм, сказала вона тоді. Зараз ви навряд чи його зрозумієте, але, можливо, потім... коли прийде час обирати, піднятися на парту, чи почати зневажати себе... *(Зважує пістолет у руці. Іде)*.

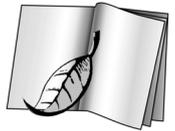
Якийсь час сцена лишається порожньою. Телевізор продовжує стиха бубоніти.

Постріл.

Несподівано гучно звучить голос дикторки у телевізорі: «Тож, дорога Раїсо Олександрівно, сьогодні, в день вашого ювілею, весь педагогічний колектив Чернопольського університету щиро бажає вам сил і насаги й уклінно дякує за вашу сумлінну і шляхетну педагогічну працю».

Світло поступово тьмянішає, аж допоки сцена повністю не занурюється в темряву.

ЗАВІСА

Юлія КРЕМНЯК

ЛИСТИ БОЙОВИКИ І МИРОТВОРЦІ

* * *

їдучи нічним містом серед ліхтарів
що збожеволіли від кофейну
із сонним таксистом із тліючою цигаркою
я думала що нам таки тісно в одній країні
мінються наші локації коханці і вектори
ти в тому я в іншому життєвому секторі
мінються пори року і зморшки з'являються
а я все ненавиджу молюсь і вимолною
паяю до купи спогади що на сонці давно
розкладаються
ми дивимось на єдине небо впираємось спільною тишею
нам мало загального кисню нам мультко
під стелею колективних узвиш
їдучи нічним містом із нікуди і в нікуди
для нас обох починало світати
я попросила у Долі наше куценьке щастя не ділити навпіл
віддати тобі
це
все
що
я хотіла
сказати

* * *

Гайвороння чорне у мені реготало крилами та в груди...
Гей, мала, про себе, це застуда, це лише якась дрібна
застуда...
Трохи чаю, вовняної ковдри, білих снів і горобців на
підвіконні...
Це застуда. Лікар так сказав. Навіть бабця видивилась на
долоні.
Полежиш, помовчиш та й по тому... Сніг усі дороги
замете...
Круки виклюють цю застуду, ще й нова, гляди, бо
проросте...
Буде ще і клятих і заклятих. Буде ще і чорних на язык...
Трохи чаю, вовняної ковдри...
Сніг усе схоронить.
Він вже звик.

Кремняк Юлія Олександрівна. Народилася 27 листопада 1987 року. Закінчила МДУ імені В. О. Сухомлинського за спеціальністю «Педагогіка і методика середньої освіти. Українська мова і література». Лауреат XII Обласного літературного конкурсу «Золота арфа» (2007), переможець Першого відкритого студентського літературного конкурсу «Південне сузір'я» (2009). Вірші друкувались у виданні творів членів літературної студії «Борвій – III» (2007), молодіжному альманасі «Молода муза. Випуск 6» (2012).

* * *

так наче хтось взяв у руки гострі-прегострі ножиці
і відрізає тебе від мене разом із тим вчорашнім світом
знаєш я прошу у Бога речей безбожницьких
він мене слуха як психіатр психопата погляд у нього гранітний

пам'ять моя вся у бинтах понадбивана шашіллю сточена
більше не гріє ні серце ні руки лиш струмом б'ється
знаєш кожного дня її методично вкорочують
не пригадаю як м'якне під вечір твій голос як ти смієшся

досі ім'я твоє жевріє в мені ледь теплою грудкою
його ще не стерли хоч йорзали в серці щітками
лізли ганчірками мийками совали прутиком
я вберегла я надійно сховала у мурах-застінках

той світ відріжуть пам'ять завтра-позавтра знешкодять
що не впізнати
у снах не зробити зримим
ангели кажуть що так має бути що горе від мене відводять
що стане мені ще по саме горло і любові й рими

та поки я щось таки пам'ятаю може б ти домовився з ними?

* * *

ти мені снівся сьогодні
снівся щасливим
у цій безкінечній канатоходні
над прірвою
сміявся у вічі зливі
дощ тебе сік розтинав і куйовдив
а ти по-діточі сміявся
я бігла до тебе із тою
нашою
ковдрою
добігла
а ти
сховався
поміж роками дорогами веснами
затерся замилився
сходжені ноги натруджені весла
поважність вилиць
кілька сивинок у рідних скронях
злива замила
цвіт осипався на підвіконня
ти мені снівся
снівся щасливим

* * *

Я все ж тобі писатиму листи
 На тротуарах стінах і деревах
 Про те як у душі вмонтивавсь
 І длубаєш до хрускоту і реву
 Тріщать мої суглоби як гілля
 Повзе по швах напівпрозора шкіра
 В мені жила любов сліпим малям
 Ти випестив із неї звіра
 Я все ж тобі писатиму листи
 На спинах вулиць скелях і вітринах
 Що трохи вщухло злегка відпустило
 Що місто пахне хвойно і цитриново
 Я все ж писатиму тобі листи
 Листи бойовики і миротворці
 У товщі льодяній їх прихисти
 І вимоли для них облатку сонця

* * *

За такою спиною ховаються від морозу
 Від нічийних собак розбишак і підніжок долі
 Перечікують божу немилість завії і грози
 Поки квіти у ґрунті поки віти сонні і голі
 За такою спиною постріли гатять мимо
 А застуди-нападки йдуть на ліс і болото
 Все іде як по маслу все лягає в життєву риму
 Все кладеться в долоні і паде саме до рота
 За такою спиною живуть згорнувшись калачиком
 Потягусі і пхині муркочучи безневинно
 Твоя доля мережитьсь порухом ніжного пальчика
 Може б ти хоч на ніготь але берегла його спину?..

* * *

повертайся якоїсь ночі а краще зранку
 вари каву ніби нічого не сталось
 ніби все на своєму місці светри запахи склянки
 ніби все тільки в уяві отак по-дурному зігралось

ніби ти весь цей час жив у мене під сволюком
 ніби ти все знаєш і бачив
 і дихав у мене вірою
 ніби з мене витягував цвяхи ножі і проволочку
 ніби сон мій вимолював із пащ опівнічних звірів

дожидають на місці склянки запахи светри
 наче вибіг як був
 хліба купити чи солі
 лиш на кілька хвилин за якихось там двісті метрів
 так виходять із дому
 так не йдуть із чиєїсь долі

* * *

Ти щоразу приходиш у інших втіленнях
І приносиш застою воду докорів
Впізнаю не відразу – ти птиця стріляна
І ще більше вибаглива з кожним роком

Ти приходиш
тримаєш за руки ввічливо
Мерехтінням пальців двадцять п'ятим кадром
Обіцяєш божишся що не скалічиш
Будеш муром і світлом будеш відрадою

Я кладусь тобі в руки кошням податливим
Я змією на дудку вилажу із закутка
Бо твій голос солодкий твій голос вкрадливий
Зносить лід і залізо весняним паводком

Медвежатник... тобі під силу всі двері
Всі замки і засови тобі здаються
Мій столикий їуда
Столикий берія
Із м'якими очима...
І теплими руцями...

* * *

А ти все такий же розборсаний
І яка є тому притичина
Весь скуйовджений
Навсібіч ворсом
Якось знаєш
Воно вже не личить

У твоєму віці.. регаліях...
Ти б вже якось склався докупи
Змужнів наковтався сталі
І не товк би воду у ступі

Ти метаєшся нітишся нидишся
Я впечатую це мимолітним зором
Ти не бачиш мене
Не на мене дивишся
Поміж нами каштани розквітли хором

Олексій КВАША

ВІРШІ ПРО ТВАРИН

ЇЖАЧОК

Живе у нас в садочку їжачок,
На ньому зверху безліч колючок.
Іще й на голові колючки носить,
Що з-під колючок видно тільки носик!

Ми бачили в садочку їжачка!
Дали йому у мисці молочка,
А він чогось і пити не схотів,
Своєю стежкой в бур'яни побрів.

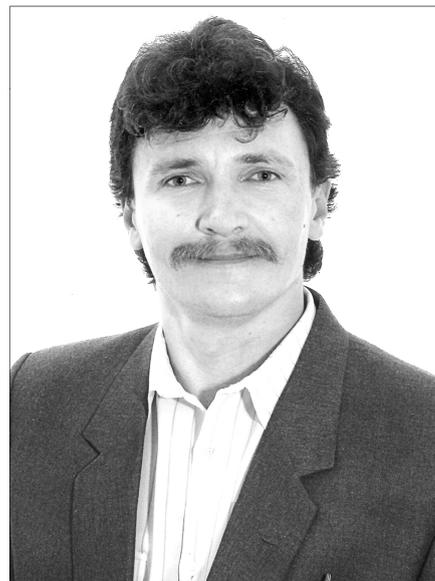
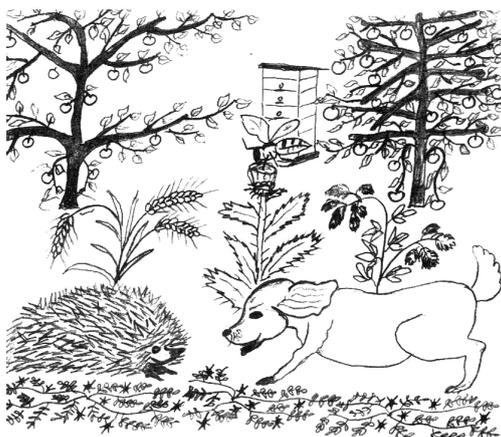
А песик Тузик, наче той мисливець,
Вистежувать, наздоганять умілець,
Побіг собі, щоб їжачка спіймати,
Чи налякати, чи пожартувати.

Та жарт не вдався. Їжачок колючий
Уміє сам себе обороняти.
Тож довелося Тузику додому
З побитим носом стрімголов тікати.

Живе десь у садочку їжачок,
Такий завзятий звір-працівничок:
Він пасіку в саду охороняє,
Від сірих мишенят оберігає.

Вночі ще на городі він полює,
На грядках у міжряддях хазяйнує:
Капусту і томати не займає,
Комах шкідливих, слимаків збирає.

А восени, коли похолодає,
Наш їжачок у сплячку залягає:
Залізе у солому восени
І спить собі до самої весни.

Кваша Олексій Дмитрович. Народився 30 вересня 1977 р. у Миколаєві. Навчався на агрономічному факультеті Миколаївського сільськогосподарського інституту (1995–2001). В лавах армії не служив через короткозорість. Працював на польових роботах, будівельних об'єктах, цегельному заводі, хлібозаводі №1. Писав дитячі вірші. Автор поетичної збірки для дітей «Прекрасні тварини нашої країни» (Миколаїв: Видавець Шамрай В. П., 2014). А далі – все полетіло шкереберть... Повістка 3-ї хвили мобілізації. Навчально-військовий центр «Десна» (з 5 вересня 2014 р.). Служба на кордоні з Кримом, Херсонська обл. (із жовтня 2014 р.). Планова відпустка (кінець січня – початок лютого 2015 р.). Майже рік відслужив Олексій у зоні АТО, чекав на демобілізацію. 7 липня 2015 р. біля смт Луганське Артемівського району Донецької області загинув при спробі врятувати пораненого мінометним обстрілом товариша, коли втягував його в окоп. Поховали героя 12 липня 2015 р. в с. Гур'ївка Новоодеського району Миколаївської області.

Малюнки Олексія Кваши

ЗАЙЧЕНЯ

На степу були наш татко,
Десь зловили зайченятко.
З-під коліс його спасли
І додому принесли.

От зраділи ми нагоді,
Бо до цього ще в природі
Не прийшлося споглядати
Нам живого зайченяти.

Зайченя таке сіреньке
І лякливе – бо маленьке.
Має дуже довгі вуха
І уважно ними слуха.

Ми рішили ухвалити:
«До кролів його пустити!
Із кролями хай живе
Зайченятко це мале».

А воно засумувало:
Буть на волі пожадало.
День не їло і не спало,
Через ґрати виглядало.

Що ти будеш з ним робити?
Бач, на волі хоче жити.
Ми рішили ухвалити:
Зайченятко відпустити!

І у кошику на степ
На траву яринну
Всі гуртом однесли ми
Дику цю тварину.

До вухатої родини
Зайченя саме пішло,
Серед гльоду і шипшини
Там рідню свою знайшло.

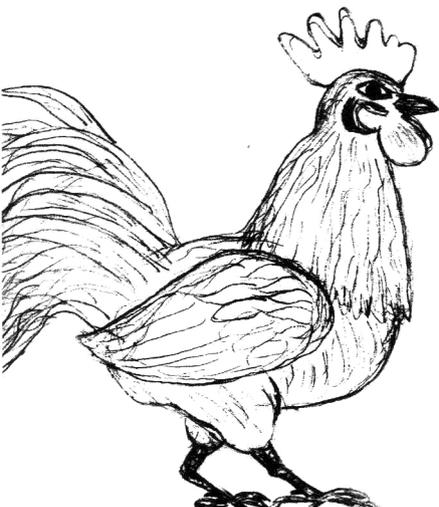
КОТИК

Котик Мурчик – пухнастий, маленький.
Чорні вухка, на спині – біленький.
Їсть він сало і спить на лежанці,
Умивається сам рано-вранці.
Гріється на сонечку – оченята мруже,
А мишей не ловить, бо ледачий дуже.

ПІВНИК

В селі прекрасний півник поживає.
Гарнесеньке вбрання із пір'я має.
А хвіст блищить, неначе золотий,
Багатий в півня одяг – ось такий!

Наш півник майстер бігати – швидкий.
Його й не доженеш, такий прудкий!
На своїх крилах може він літати
І, як спортсмен, – у висоту стрибати.

Ногами півник на ріллі гребеться,
За курочок своїх безстрашно б'ється.
Він про родину дуже пильно дбає
І, як панич, за ними наглядає.

А як знайде той півник десь зерно –
Один ніколи не поїсть його.
Стоїть і сторожує їжу сам,
І кличе він своїх пернатих дам.

Живе в селі прекрасний гарний півник.
Це наш такий сільський живий годинник.
Завзято кукурікає – співає,
Годину дня і ночі відзначає.

*Олексій Кваша із видавцем Павлом Шамраєм
під час своєї відпустки із зони АТО (січень 2015 р.)*

*Поетична збірка для дітей
«Прекрасні тварини нашої країни»*

Із тексту довідки військомату:

«7 липня 2015 року під час виконання бойового завдання в зоні проведення антитерористичної операції (м. Артемівськ) загинув стрілець – помічник гранатометника 2-го механізованого відділення 2-го механізованого взводу 3-ї механізованої роти 1-го механізованого батальйону, 30-ї бригади солдат Кваша Олексій Дмитрович. Він віддав своє життя, захищаючи життя побратима, суверенітет і територіальну цілісність України».

Безушко Елизавета. Родилась в 1998 г. в Николаеве. Окончила гуманитарную гимназию №41. Увлекается литературой, живописью, музыкой, историей кино; изучает английский, немецкий, французский, итальянский языки. Неоднократно занимала призовые места в областных и городских литературных конкурсах. Публиковалась в областной педагогической газете, в 2014 году новеллу «Закат над крышами» напечатал литературный журнал «Юность» (Москва, №10). Ещё две новеллы приняты журналом «Голос Эпохи» (Москва). Публиковалась в интернет-журнале «Николаев Литературный». Участница международного конкурса художественного перевода с французского на русский язык «Inalco Russe Open Kids», II Международного литературного конкурса «Верлибр».

Елизавета БЕЗУШКО

БАБОЧКА И ЛУННЫЙ СВЕТ

Послышался тревожный и настойчивый стук крыльев бабочки о стекло керосиновой лампы. Арчибальд поднял свои очки в прочной тёмной оправе от книги, оторвавшись от множество раз прочитанной, но не менее любимой главы, и прислушался. Что-то в этом звуке заставило его озадаченно нахмуриться и оглянуться. Недогадливая пепельная буроглазка с большими чёрными пятнами на маленьких крыльях, похожих на два любопытных глаза, не находила себе места. Арчибальд захлопнул книгу и, продолжая держать её в правой руке, поспешно встал, чтобы поскорее открыть окно. На секунду он покачнулся и, затаив дыхание от неожиданности, протянул руку к стоящему сзади креслу. Попрекнув себя за порывистость, не свойственную его возрасту, он спокойными, но решительными шагами направился к окну. Апрельская тихая прохлада смешалась с запахом перелистанных страниц и сладкого табака. Тихо нагнувшись над присевшей на столе бабочкой, Арчибальд накрыл её стеклянным стаканом, перекрыв ей пути к отступлению морщинистой рукой, и, боясь повредить её и лишиться воздуха, позабыл о данном себе обещании и почти побежал по направлению к потрескавшейся оконной раме. Счастливица взмахнула свободными крыльями и скрылась в лунных лучах. Горящая полоса в ночном небе привлекла внимание Арчибальда, отражаясь в стёклах его очков. Она ослепляла холодным светом, который был не многим бледнее Луны, и, почти не двигаясь с места, пульсировала и переливалась, словно вся была из перламутровой крошки.

«Это комета Галлея пролетает. Интересно, она и в прошлый раз была такой яркой?», – подумал он. Не надо было быть астрономом, чтобы узнать её. Об этой комете писали в газетах весь последний месяц, ожидая конца света, который она, по мнению многих суеверных и далёких от науки людей, предвещала. Учёные пытались доказать наличие ядовитого циана и угарного газа в её хвосте, через который в назначенный день должна была пройти планета Земля.

Используя вечный общечеловеческий страх смерти в корыстных целях, многие псевдоизобретатели стали продавать таблетки от отравления газом, противогазы и даже зонты для защиты от комет, уверяя покупателей (и, наверное, скрывая улыбку) в их надёжности, ни минуты не сомневаясь, что вырученные деньги всегда пригодятся, даже после конца света.

«Забавно, – думал Арчибальд, – как выглядит зонт, который может уберечь от падения кометы? Неужели люди, покупающие их, действительно в это верят? Надеюсь. Мы

всегда цепляемся за любую возможность самоуспокоения, даже самую неправдоподобную. В отличие от разума, сердце никогда не потеряет надежду».

Когда-то давно он уже встречался с кометой Галлея. Семьдесят пять лет назад, в день, когда он родился, комета пролетала над землёй, так же, как и сейчас, освещая своим слепящим светом ночной город, и заглядывала в окно, за которым маленький Арчибальд тихонько сопел на груди у матери, наслаждаясь первым днём жизни.

Арчибальд думал о том, что, возможно, он и комета как-то связаны между собой. Они появились на этой земле вместе, и кто знает, может быть, в этот раз вместе и уйдут. Он размышлял об этом без сожаления, даже с особым удовольствием. Аккуратно взяв пальцами за оба конца воображаемой киноленты своей жизни, он стал разглядывать отдельные кадры, силясь вспомнить детали: слова, цвета, запахи, звуки.

Всю свою жизнь проработал он на почте и дело своё любил. Какую-то особую прелесть выполнения ритуала находил он, когда наклеивал марки, ставил франкотипы или перематывал бечёвкой посылки. Жена его скончалась ещё в молодости, детей у него не было, только племянник, изредка присылающий пропитанные тягостным обязательством поздравительные открытки на Рождество.

«В молодости мне всегда казалось, что в старости меня повсюду будет сопровождать Сожаление. О том, что многое не сделано, не открыто, не сказано, не прочитано, не увидено. Но нет, сожаления нет. Ему не удалось отравить мои самые дорогие воспоминания. Есть только чувство какого-то странного успокоения. Такое чувство, будто ты бежал долгий кросс, потратил много сил, но вдруг увидел финишную черту. И ты подсознательно сбавляешь скорость, пытаясь с гордостью успеть оглянуться назад, на весь тот путь, что ты пробежал. Хотя...

Подумать только, а вдруг учёные ошиблись, а шарлатаны, продающие зонты от комет, оказались правы? Вдруг завтра, как говорил мой старый друг Грегори, будет конец света? Нет, всё-таки, безусловно, жаль нашу планету и всех её обитателей. Столько талантливых людей, столько прекрасных вещей, столько открытых истин! И ведь я уже завершаю свой путь, а некоторые его ещё даже не начали. Неужели они никогда не узнают, как хорошо и просто жить?»

В подобных размышлениях Арчибальд провёл всю ночь и очнулся лишь тогда, когда послышались шаги юного газетчика. Первая полоса пестрила неутешительными заголовками. И в какой-то момент вдруг стало ужасно грустно оттого, что жизнь, как это ни предсказуемо, конечна.

Он вдруг осознал и остро почувствовал весь ужас и неожиданность того события, которое в прямом смысле слова приближалось и было с каждой минутой всё ближе. Тут возвышенные размышления уступили земной реальности, и накатилась огромная волна сожаления.

Ему вдруг захотелось пойти на улицу, встретиться с Грегори, поговорить о погоде, намеренно затронуть тему политики и поссориться с удовольствием, а затем тут же великодушно его простить и помириться. Захотелось ещё раз попробовать любимый пудинг, понаблюдать за тем, как тают снежинки в тёплой ладони, увидеть, как живёт бабочка, которую он недавно отпустил. А ещё Арчибальду непреодолимо хотелось пойти в музыкальный магазин и купить пластинку с музыкой Клода Дебюсси, которую он уже несколько месяцев уговаривал себя не покупать.

Послышались печальные и вместе с тем такие близкие сердцу звуки. На город будто в один миг снизошла тишина, и отчётливо было слышно, как соседка Арчибальда наигрывала на пианино «Лунный свет». Он выглянул в окно. Ноты мягким потоком стекали с клавиш, выплывали из окна и застывали в туманном воздухе. Вставало солнце, согревая утренних прохожих своим теплом и точно пронизывая туман светлыми лучами.

Арчибальд ещё больше высунулся из окна, желая понять, не померещилась ли ему игра соседки. Но она продолжала играть, переговариваясь с кем-то мягким, весёлым голосом.

«Вряд ли конец света настанет в такой чудесный солнечный день, тем более под музыку Дебюсси!» – решил Арчибальд и пошёл искать свою шляпу, чтобы отправиться в музыкальный магазин.

Романенко Виктория Геннадиевна. Родилась в Николаеве 18 августа 1994 года. Писать пробовала ещё в детстве. На долгое время забросила, опять начала писать стихотворения и рассказы лишь после поступления в Николаевский национальный университет имени В. Сухомлинского. Заканчивает 4-й курс факультета иностранной филологии, готовится поступать в магистратуру. Круг чтения: Анна Ахматова, Джордж Оруэлл, Чарльз Перси Сноу, Джон Осборн, Уильям Сомерсет Моэм, Джон Пристли. Данная публикация – первая.

Виктория РОМАНЕНКО

ВЫБРОШЕННЫЕ

Серый осенний день. Деревья уже успели сбросить листву. Здесь, на окраине города, обычно кипит жизнь: люди спешат на работу, дети играют во дворах, школьники бегут с занятий.

Но в этот день всё было иначе. Улицы окутаны густым туманом, жители как будто вымерли. Стояла напряжённая тишина...

В старом ржавом контейнере для мусора лежала кукла. Открытая крышка контейнера позволяла рассматривать верхний слой содержимого. Изрядно потрёпанная кукла сразу бросалась в глаза. Её длинные каштановые волосы были спутаны, выгоревшее на солнце платье, некогда ярко-синее, испачкано и порвано. Механические голубые глаза больше не закрывались. Губы, когда-то сочного алого цвета, побледнели, румянец стёрся. Вместо румянца на щеках были видны следы от шариковой ручки. Дети. Они с самого детства учатся небрежному потребительскому отношению к вещам. Кто теперь вспомнит, как эту куклу называла девочка-хозяйка? У неё больше нет имени, как, в принципе, и дома больше нет. Она смиренно ждёт дежурную машину, которая вывезет её на городскую свалку. Туда, где находятся сотни, тысячи таких же, как она, – обездоленных, выброшенных на произвол судьбы игрушек.

Каждый ребёнок в детстве мечтает иметь много игрушек. Разных – мягких или пластиковых – не имеет значения. Дети ждут момента покупки новой желанной потехи с огромным нетерпением. Вот только чаще всего через пару дней, получив желаемое, забрасывают игрушку в угол пылиться. А вскоре опять видят в магазине новую манящую цапку и начинают изводить своих родителей слёзными просьбами о покупке. Те, не выдержав морального террора, идут на поводу у своих чад, снова и снова ведут их за руку в «Детский мир»... И этот процесс неостановим, пока ребёнок не вырастет. Потом послушное чадо складывает свои когда-то любимые игрушки в большую коробку и выносит на чердак. Жаль пока что выкидывать их, ведь когда-то они были так важны и желанны: видели его первые шаги, слышали первый звонкий смех, первые ссоры с мамой... Они видели первые слёзы от неразделённой любви и первое счастье сбывшихся надежд. Игрушки проживали жизнь вместе с их обладателем, год за годом шли плечом к плечу. И вот они оказались не нужны – ребёнок вырос. Друзья – реальные и живые – заменили друзей игрушечных. Да вот только одного чадо не понимало – люди являются переменчивыми созданиями, сегодня они любят, а завтра ненавидят. Игрушки же вечны, они служат до тех пор, пока их не предадут и не выкинут.

Дежурная машина вобрала в себя содержимое контейнера, в котором лежала кукла. Взревела мотором и увезла её далеко-далеко за город, где оставила наедине с такими же несчастными, как и она. Вперемешку со всяким хламом: старой одеждой, банками из-под консервов, старыми электроприборами, пакетами, сумками. Теперь это новый дом для игрушек – старая городская свалка...

Как же хорошо, что у них нет души, и они не понимают, что их предали и выкинули! Как хорошо, что они не могут увидеть и осознать всего ужаса их положения!

Свалка была похожа на огромное поле боя, на котором хаотично лежали остатки человеческой жизни. Мусор не просто валялся на холодной земле – его кучи со временем превратились в горы. Утилизировать весь этот мусор никто не спешил, людей всё устраивало. Они спрятали подальше от глаз неприглядные осколки и ошметки прожитой жизни. И дальнейшая судьба этих отходов жителей большого города попросту не интересовала.

Кукла оказалась на самой середине склона мусорной кучи, которую оставила дежурная машина. Игрушку сверху наполовину привалило старым утюгом.

Временами по свалке пробегали стаи собак в поисках поживы.

И они тоже жертвы потребительского отношения человека. Скорее всего, их когда-то тоже, подобно игрушкам, любили, но потом, в силу казавшихся важными обстоятельств, выгнали. И теперь они выживают, как могут. Не все, конечно, многие умирают от болезней и голода. Но человеку всё равно, ведь в своём жилище ему хорошо. Там нет ненужных игрушек, вредных животных – и куча пространства для самих себя. Да только человек не понимает, что предавая других, он лишается последнего, что отличает его от животного! Более того, не каждое животное бросит своего собрата.

Внезапный шум крыльев вороны нарушил печальные раздумья куклы. Она присмотрелась. На вершине мусорной кучи лежал большой игрушечный лев. У него была оторвана одна лапа. Видимо, из-за этого его маленький хозяин решил избавиться от деформированной цапки.

Таких дефектных игрушек, как он, на свалке было предостаточно. И у каждой – своя история беззаботной жизни в доме с детьми, которые их любили, но в итоге предали.

Несчастливые обитатели мусорного городка разнились до жути: мягкая собака без одного глаза, пластиковая кошка с дыркой в груди, кукла Барби без волос и одной руки, безколёсая машина, вертолёт с поломанным радиоуправлением. Порочная человеческая природа – отвергать всё иное, не то, что они привыкли видеть, что-то необычное, требующее жалости, сочувствия и любви. Почему до них не доходит, что однажды они могут оказаться на месте старого льва без задней лапы, потрёпанной куклы, бездомной собаки и других обитателей свалки? Игрушки могли бы подарить счастье другим детям. Но, похоже, прошлые хозяева в силу своего эгоизма решили попросту умертвить всё, что было им дорого.

Жизнь подобна суровой игре в покер, а судьба – строгий крупье, раздающий карты. Он не допустит мухлежа, пристально следя за всеми игроками. Карты раздаются по мере грехов человеческих, и каждый проигрыш – ответ за тот или иной поступок. Впрочем, как и выигрыш. Ход игры зависит от самого человека, его действий, решений проблем бытия. Чаще всего деяния человека – безоглядный пир, после которого наступает сильнейшее похмелье: уже совершено то, что невозможно исправить, и теперь остаётся мучиться от головной боли, сжимающей голову как тисками.

Темнело. Солнце медленно уползло за горизонт, озаряя последними ярко-красными лучами горы мусора, будто пыталось обнять и успокоить бедных жителей свалки. Голые деревья колыхались от пронизывающего холодного ветра, они тихо сочувствовали игрушкам. Но, к сожалению, ничего не могли поделать. Всё так же рыскали в поисках еды собаки, тихо поскуливая. С каждой минутой становилось всё темнее и темнее. Заметно похолодало.

Наступила ночь.

Завтра будет новое утро. И кто-то из людей вновь выкинет игрушку, и за ней приедет дежурная машина. И семье выброшенных прибудет. Горы мусора будут неумолимо расти, а человеку по-прежнему будет всё равно.

Завтра настанет новый день.

Елена ПОНОМАРЁВА
Игорь ГАВРИЛОВ

НОВЫЕ ВРЕМЕНА – НОВЫЕ СИМВОЛЫ

*В городе сотни дорог,
Вечность в себе таящих.
Город – всегда диалог
Прошлого с настоящим.*
Р. Рождественский

Сегодня мы выбираем новые модели бытия, спорим о национальном, страшимся стандартизации, технократического образа жизни, за которыми хорошо проглядывают военизированные колонны и психология тоталитарных режимов. Пророки украинской культуры – Григорий Тютюнник, Пантелеймон Кулиш, Николай Зеров – символический смысл украинского Дома вкладывали в понятие «курень» и призывали в «Європі ставити курінь», ибо он «всегда обитаемый, никогда не перестающий жить ни для себя, ни для других, – а ещё и поставленный на «розе» культурно-исторических «ветров», на перекрёстке четырёх сторон света... исторического продвижения на Запад и возвращения к себе, домой». Украинский Дом ещё и центр Великой Степи, в ней присутствует священная история, она – Великий Перекрёсток. Здесь зарождалась славянская государственность, сосуществовали культуры оседлые и кочевые, земледельческие и скотоводческие, «держав» и «родовых демократий». Как мы усвоили уроки истории, научились ли сохранять преемственность культур и традиций отцов и пращуров?

Вспомним ощущение после возвращения в знакомую с детства местность. Это ощущение счастья. Именно так воспринимал землю своего рождения – Ингульскую слободку города Николаева – мастер поэтического слова, лауреат Шевченковской премии Леонид Вышеславский. Он создал художественный образ родной земли, она и определила судьбу поэта. Вышеславский писал:

*Стою над тихой, медленной водою
На глинистом изрытом берегу
И от картин, встающих предо мною,
Глаз отвести, как в детстве, не могу.
.....
Мой долгий путь отныне стал уроком
Того, что, как земля ни велика,
Нужна мне в мире буйном и широком
Вот эта неширокая река.*

«Николаевская колыбель»

Как же отразилась в этом образе воплощённая геокультура, историческая память, переданная новым поколениям жителей через географические, топонимические свидетельства?

Первый этап географических наименований Побужья закрепил скифско-сарматские и древнегреческие лексические представления. Однако чаще всего это казацко-украинские, русские, турецкие топонимы населённых пунктов, рек и лиманов. История названий николаевской ойкумены связана, разумеется, с морской историей, колонизацией, завоеванием и освоением Северного Причерноморья, на карте нашей местности множество военных, флотских наименований. Свообразие в развитии культуры региона определялось соединением двух главных историко-культурных традиций – украинской и русской.

Ю. С. Крючков, посвятивший истории южного края множество работ, так пишет о городской топонимике: «В дореволюционном Николаеве, сформировавшемся как центр судостроения и флота в XIX веке, при номинации улиц, площадей, скверов и других городских объектов использовались

традиционные нормы топонимики. Улицы назывались по принципу: откуда, куда или мимо чего они проходили. При этом в качестве определяющих признаков принимались более характерные, важные или примечательные объекты... Улица, таким образом, служила своеобразной памятной страницей в книге истории города».

Следует сказать, что научные принципы топонимических наименований и сегодня сохраняют и закрепляют историческую наследственность ландшафтных объектов. Они заключают в себе историческую память, являются неотъемлемой частью современной цивилизации и представляют уникальную среду, без которой невозможно существование человечества. Названия наших городов, улиц, парков и площадей имеют ценностную символику, являются национальными памятниками духовной культуры, служат ориентирами во времени и пространстве и создают историко-культурный облик региона. Без всякого преувеличения можно считать местные географические названия (топонимы) коллективным произведением народного гения. Вот почему краеведы, историки, лингвисты, столь внимательны к наименованиям объектов местной инфраструктуры, предлагают вернуть старые названия Соборной, Рождественской, Черниговской, Столярной, Кузнечной, Экипажеской улице, примыкающей к Адмиралтейству; Слободским и Военным улицам; вернуть Сенную, Привозную, Пограничную, «Серебряный док» – так называлась верфь на левом берегу реки Ингул, она строила суда для Черноморского флота с 1818 по 1831 гг., сохраняла своё название ещё в довоенные годы. Именно эти топонимы и определяют своеобразие исторического центра города над Бугом.

Считаем оправданным и предложение вернуть историческое наименование нынешней площади у судостроительного завода – Адмиралтейская (ныне им. 61 Коммунара). Как никакая иная в Николаеве, она хранит региональную историю, связана с зарождением города-порта, судостроительной верфи на левом берегу реки Ингул при слиянии с Южным Бугом, Адмиралтейства; на её древней территории археологи обнаружили некрополь, датируемый IV веком до н.э., а ещё ранее укреплённое поселение XIII–X веков до н.э., названное журналистами Степной Тройей Николаевщины.

Вспомним двухвековое прошлое города Николаева. В первом проекте наименований улиц 1822 г. появляется красивое название Таврическая, будущая Херсонская дорога, ведущая к губернскому центру края – Херсону. Кстати, это название мы находим в повести И. Тургенева «История лейтенанта Ергунова», главного героя литературного произведения, флотского лейтенанта, после необычного происшествия обнаруживают на обочине Херсонской дороги...

В Николаеве существовали улицы-дороги: Черниговская, Севастопольская, Елисаветградская. Никакой иной аргументации, кроме той, что выводили они к городским заставам, не существовало. По отношению ко многим старым номинациям можно отнестись скептически, но они прочно вошли в хронику города, упоминаются в исторических документах, фольклорных источниках, мемуарных, литературных произведениях. «Пошёл по Соборной», – сообщал в письме из Николаева в 1913 г. инженер-судостроитель, европейски знаменитый писатель Евгений Замятин. В автобиографии он писал: «Построил там (в Николаеве. – *Авт.*) несколько землечерпалок, несколько рассказов и повесть «На куличках». Наш город стал частью его литературной судьбы.

Во время общественных слушаний, где раздавались совершенно противоположные предложения переименования, возникла дискуссия вокруг современного проспекта Ленина. Широко обсуждались несколько вариантов нового названия исторического тракта: Херсонский, Таврический, имени основателя «Просвиты» Н. Аркаса. В последний момент от инициативных пользователей Интернета последовали ещё два варианта: Свободы и гетмана Пилипа Орлика. Заметим, что на плане города с 1890 года существует Аркасовский сквер, это первый сквер Николаева.

Каждое из заключений экспертов, членов топонимической комиссии, сопровождается серьёзным протокольным обоснованием. Вот текст справки о проспекте Ленина: «Название обусловлено топонимической традицией, которой отмечается наименование географического объекта. В XIX веке эта широкая дорожная магистраль брала начало от современной ул. Рюмина и имела название «Херсонская улица». В 50–60 годах XX ст. часть проспекта от ул. Рюмина до ул. Спортивной в разные годы называлась «Новохерсонской», «Первомайской». Наименования были связаны с обозначением направления движения – до Херсонской заставы. В связи с тем, что в городе появилось Херсонское шоссе, которое практически берёт начало с конца проспекта Ленина, с целью избежания повторных обозначений рекомендуется название «Таврический» как дорога на Таврию (направление на Херсон, Крым)». Этот топоним несёт историческую нагрузку и возвращает нас к эпохе стремительного развития причерноморского края.

Имя улицы

Свою сопричастность с прошлым и настоящим мы проявляем и через имя улицы, она индикатор территории, носитель смыслов культурно-географической реальности. Любопытна топонимическая история ещё одной центральной улицы города – Потёмкинской. По проекту 1835 г. её предложили назвать Купеческой: один из старейших в Николаеве соборов – Рождество-Богородичный (заложен в 1799 г., освящён в 1800 г.) – был построен за счёт николаевских купцов, поэтому неофициально храм называли Купеческим. Соседнюю продольную улицу нарекли Рождественской. С 1828 г. храм был утверждён городским епархиальным собором, все торжественные события начинались с молебна в нём. На основании существующих методологических положений специалисты склонились к тому, что улице следует вернуть историческое название – Рождественская, точно так же как Соборной (ныне ул. Советская). Они естественно занимают центральное место в пространстве старого Николаева, несут мифопоэтическую нагрузку.

Вот фрагменты истории Николаева, которая включает не только события и факты, но и деятельность ярких личностей, оставивших о себе добрую память и желание земляков каким-либо образом увековечить их имена. В традициях начала XIX в. не существовало правила давать «именных» названий городским улицам. По архивным документам можно узнать, с каким трудом проходило переименование ул. Бульварной в Пушкинскую – к 100-летию рождения великого поэта – «при огромном сопротивлении гласных и большом количестве гневных филиппик». 28 сентября 1882 г. состоялось заседание Николаевской думы, на которой обсуждался вопрос о новых названиях городских объектов. В результате обсуждения было принято постановление о присвоении некоторым улицам и скверам новых названий – «в память лиц, принесших своей деятельностью пользу городу или прославивших отечество». Более десятка именных дорог поторопились нанести на географические карты и внести в «Календарь и справочную книгу города Николаева на 1883 год». Но вышло так, что к столь радикальным изменениям оказались не готовы ни гласные Городской думы, ни столичное начальство (хороший урок для современников).

Только в 1890 году к 100-летию г. Николаева появились первые именные названия улиц. Потёмкинская, в память об основателе города, Фалеевская, в честь первого строителя Николаева, Глазенаповская, в память о главном командире Черноморского флота и военном губернаторе Б. А. фон Глазенапе. Последующие попытки таких переименований решительно пресекались. В 1909 году к пятилетию гибели вице-адмирала С. О. Макарова гласный А. Н. Лазарев при поддержке городского головы Н. П. Леонтовича предложил переименовать николаевскую улицу (Одесскую) в честь прославленного флотоводца. Такую инициативу представители николаевской общины приняли спокойно. Скверы также стали «губернаторскими» – Аркасовский, Манганариевский, Копытовский.

К сожалению, на современной карте города «не нашлось» улицы для А. С. Грейга, главного командира ЧФ и военного губернатора Николаева. Он усовершенствовал и расширил главное Адмиралтейство, построил новое – Спасское, астрономическую обсерваторию, открыл училища для мальчиков и дочерей нижних морских чинов, проводил работы по благоустройству города, построил первый водопровод, открыл первый городской банк. С 1873 г. на пересечении улиц Соборной и Адмиральской стоял памятник адмиралу по проекту знаменитых скульпторов М. О. Микешина, А. М. Опекушина и архитектора А. А. Авдеева, воздвигнутый на средства, собранные жителями Николаева и моряками Черноморского флота. Краеведы считают, что следует восстановить историческую справедливость, именовать безымянный спуск, часть ул. Набережной, ведущей к Ингульскому мосту, – Грейговским спуском.

Приметы прошлого в современном облике Николаева обнаруживаются повсюду. Базарная площадь бурно развивающегося коммерческого города занимала более шести кварталов, расположенных между Херсонской, Соборной и Глазенаповской. Вот описание этого примечательного места: «Прямо посредине Херсонской улицы были построены большие мясные лавки с ледниками в подвалах для хранения мяса, затем шли рыбные и другие лавки, щепной ряд и прочие, всего более 15 одноэтажных зданий (магазины, лавки и др.), а между Привозной и Рыбной улицами находился обширный Привоз – площадь, где торговали с возов». Старые улицы многое могут поведать. Например, улица Рыбная. В 1905 году на ней жил будущий писатель Исаак Бабель. В сюжете его рассказа «История моей голубятни» на этой улице во время еврейского погрома убивали деда юного Бабеля – Шойла.

Первые «советские» переименования в Николаеве совпали с приходом к власти большевиков в 1919 г. Новые названия получили несколько улиц в центральной части города: Советская, Свердлова, Розы Люксембург. Следующий, уже массовый, этап переименований был связан с новой нумерацией всех строений и зданий в городе в 1927–1928 гг. На карте города появились именные улицы большевистских вождей, советских и зарубежных общественных, политических деятелей, военачальников гражданской войны: Мархлевского, Воровского, Калинина, Крупской, Подвойского, Петровского, Ярославского, Куйбышева, Карла Маркса, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Шкапина, Коллонтай, Артёма, Бондаренко, Железняк, Петрова, Сафронова, Володарского, Акима, Чигрина, Мартовского восстания, Кирова, им. Парижской Коммуны, 8 Марта, Красногвардейская, Котовского, Лазо, Уборевича, Бела Куна, Блюхера, Косиора, Пархоменко, Щорса, Подвойского, Дыбенко, Скороходова, Фрунзе, Чапаева, Будённого, Ворошилова. Эти улицы знают и иного рода метаморфозы: после 1919 г. бывшую Наваринскую переименовали в им. Л. Д. Троцкого, потом она стала Крестинтерновской, потом В. Маяковского. К 200-летию города ей вернули первоначальное название.

К началу 30-х годов в Николаеве образовалось несколько десятков городских улиц, переулков, площадей, парков, посёлков имени В. И. Ленина, Ильича, М. Ульяновой, Д. Ульянова, Ульяновых, Ленинского комсомола, Юных ленинцев. Один из трёх районов города получил название Ленинский. Существовало столько же улиц, в названии которых в разных вариантах повторялись Октябрьская революция, Октябрь, Октябрьский, съезды Советов, партсъезды, что, естественно, создавало коммуникативные сложности для хозяйственной службы города.

Известны просто-таки курьёзные ситуации. В XIX в. на юго-западе города, где селились рабочие, мастеровые, мелкие торговцы, возникла улица Малая Мещанская (Мещанская уже существовала, современное её название – Гражданская). Когда началось тотальное упразднение старой топонимики, она получила название – Леккерта. Но что представляет собой эта личность? С трудом, но можно найти ответ. Имя Леккерта присутствует в примечаниях к одному из томов Полного собрания сочинений В. И. Ульянова-Ленина. Оказалось, что это псевдоним сапожника Г. Д. Лепухи, члена рабочего союза, террориста, казнённого за покушение на виленского губернатора (И. Гаврилов). А вот ещё один характерный пример советского прошлого. В 1928 г. президиум Николаевского городского совета депутатов трудящихся с целью увековечения скончавшегося Ф. П. Ярового решил назвать его именем улицу Сенную. Кто сегодня сможет ответить на вопрос, кем был Яровой? Архивная справка свидетельствует: Яровой Фёдор Петрович, из семьи чернорабочего, родился и вырос в Николаеве. В 1926–1928 гг. был председателем Новобугского райисполкома. Умер 8 июля 1928 г. на кавказском курорте Тиберда в возрасте 31 года. Но недолго николаевская улица носила фамилию «знатного земляка». Современникам стало известно о каких-то компрометирующих фактах его курортной биографии – уже к концу 1928 г. улице вернули старое название.

В 1986 г. с планов города исчезло имя Леккерта, появилась улица Владимира Даля. Вся юность знаменитого лингвиста, писателя и моряка прошла в Николаеве. В августе 1815 года он стал кадетом, а спустя год – гардемаринном Петербургского морского корпуса. В «Автобиографической заметке» сообщал: «3 марта 1819 года... мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Чёрное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле слышал». Даль любил город над Бугом, широкий лиман с белыми парусами яхт и фрегатов, буйное цветенье майской акации. О герое своей повести «Мичман Поцелуев» он писал так: «Мичман ходил по богохранимому граду Николаеву, распахнувши врата сердца своего настезь...»

Город – всегда диалог прошлого с настоящим

В отличие от других городов, к примеру, Одессы, где возвращение к старым названиям улиц происходило на протяжении двух десятилетий украинской независимости, николаевские депутаты горсовета оказались менее самостоятельными, игнорируя мнение историков и общественности. В наши дни Николаев принимает иной облик, необходимо решить судьбу более 130 названий улиц, переулков, парков и целого городского района (Ленинского). Сохранит ли город своё неповторимое лицо, или его земляки, вернувшись на родину, станут искать своё жилище с навигатором? Остроумные одесситы сегодня рассказывают анекдот 20-х годов, когда новая власть нарекла популярный городской Николаевский бульвар фамилией революционера Фельдмана. Приезжий, который нанял у вокзала старого извозчика, скомандовал: «На бульвар Фельдмана». «Куды?» – спрашивает извозчик, и пассажир шёпотом поясняет: «На Николаевский бульвар». «Это ж надо, – недоумевал старик, – тридцать лет ездю по Одессе и не знал, что Николаю была фамилия Фельдман!»

Одесситы всегда сохраняли Дерибасовскую и Ришельевскую, Старопортофранковскую и Еврейскую, менее повезло писателям, музыкантам, деятелям культуры, кто создал певучую славу Одессы, литературный миф города – «жемчужины у моря». Замечание такого рода можно адресовать и Николаеву. По причине своей специфики – военно-корабельной истории – он всегда был закрытым, но многонациональным, где бытовали русские и украинские народные традиции, обычаи евреев, болгар, молдаван, поляков, греков, армян. Составляя свои рекомендации, эксперты стремились уйти от имперской идеологии, сохранить живые символы памяти нового и старого, содействовать тому, чтобы названия улиц и скверов не вызывали иронических вопросов, действительно были говорящими страницами истории городской общины и самого города. Сверхзадача заключается в том, чтобы остались родными, как для Вышеславского, и Ингульская слобода, и Зелёная горка, Сухой Фонтан, Старый Водопой, Терновская Балка, Большая Морская и Адмиральская, улицы Черешневая, Весенняя (историческое название, настоящее – Латышских Стрелков).

Публикация списка топонимических объектов на сайте вызвала новую волну коллективной дискуссии, общественных слушаний. Характерен в этом отношении молодёжный интернетовский форум «Скамейка». Его авторы, проявляя понятное беспокойство за судьбу будущего, резонно ставят вопрос: следует ли называть улицы города именами общенациональных героев, если их жизнь и деятельность не связаны с историей Николаева? «Очевидно, в любом другом областном или районном центре будут такие улицы, – пишет Н. Пономаренко. – Чем же Николаев будет отличаться от других городов?» Давайте определимся, призывает автор, чего же мы хотим.

В Херсоне помнят адмиралов **Ушакова** и **Сенявина**, а кого помнят у нас? Мы забыли адмирала **Грейга**, который, собственно, и сделал Николаев городом, забыли открывших целый материк адмиралов **Лазарева** и **Беллинсгаузена** и ещё многих других забыли... А ведь для того, чтобы увековечить память о человеке, не обязательно называть его именем улицу. Уместнее именовать библиотеку, гимназию... Так чего же мы хотим иметь в конечном итоге? Николаев, хватит ли у тебя сил сохранить лицо, или тебя ждёт рецидив переименований каждые пять лет?»

Озабоченность автора молодёжного форума можно понять. Впрочем, в сетевых комментариях, как это обычно бывает, можно встретить и категоричное отрицание необходимости изменений названий городских улиц, сомнения в компетентности экспертов, взявшихся давать по этому поводу советы. Есть предложение присвоить центральной улице города имя египетской царицы Клеопатры, а любимый переулок, место молодёжных тусовок, назвать именем Джона Леннона.

В продолжение темы хочется поделиться наблюдениями, которые родились у одного из авторов этой статьи во время зарубежных поездок. Они касаются принципов сохранения национальной памяти. Николаев со своей 226-летней биографией, конечно, не может сравниться с Парижем, там не спешат менять средневековый облик улиц, у многих из них есть свой культ или своя душа, как пишет французский автор 27-томного романа Жюль Ромен. Улицу Ферронри, к примеру, когда-то облюбовали кузнецы, она знаменита ещё тем, что на ней было совершено покушение на Генриха IV (он умер в Лувре), о чём напоминает памятная плита. На улице Верри (ru de la Verrierie), вероятно, обосновались стеклодувы, мастеров давно нет, а название сохранилось. Есть улица, носящая наименование тюрьмы Санте, неподалёку полуразрушенный замок Бастилии. И по сей день он выполняет важную символическую функцию. В сквере на бульваре Сен-Жермен вы неожиданно наткнётесь на бюст-памятник Т. Шевченко, он был открыт в 1978 г. По улицам Парижа ходишь, словно по музейным залам, он дарит неизгладимые впечатления.

В Цюрихе (Швейцария) на одном из зданий есть мемориальная табличка, в тексте которой значится, что в местном патентном бюро некоторое время работал Альберт Эйнштейн, именно здесь родилась его гениальная теория относительности, ставшая основой развития современной физики. На табличке даже не было профиля Нобелевского лауреата. Впрочем, в Цюрихе есть гимназия имени А. Эйнштейна, памятник знаменитому физическому воздвигнут на его родине, в Германии. Ещё скупее раздают именны почести своим землякам американцы. В Сан-Франциско тоже есть мемориальная доска, посвящённая Айседоре Дункан, знаменитой танцовщице, положившей начало американской балетной школе. Но в той же Америке можно встретить множество уличных табличек, парковых скамеек, памятных знаков с указанием фамилии мецената, внёсшего значительную сумму на развитие университета, иного лица, совершившего доброе дело. Возможно, и нам следует заимствовать этот опыт? Обозначить своё существование на земле можно по-разному. Линия раздела между прошлым, настоящим и будущим только иллюзия, любил повторять тот же Эйнштейн. Лишь время, история подтверждает величие наших помыслов и поступков.

Хорошо известны имена замечательных горожан, учёных, деятелей культуры (можно заглянуть в энциклопедический словарь-справочник «Николаевцы»), героев-освободителей от фашистской оккупации, тех, кто отдал жизнь за новую Украину. Эксперты предлагают внести в реестр топонимов города, его переулков и парков, магистралей имена прославленных в народных песнях героев Бугского казачества. На новой карте Николаева должен быть городской район Ингульский, улица Античная, Театральная, Кирилло-Мефодиевская в честь первоучителей всех славян, Гвардейская, Мичманская, Черноморцев, улицы, сохраняющие память о мостостроителе Льве Карели, легендарном враче Николае Калиниченко, Тодоре Минкове, активном деятеле болгарского национального возрождения, директоре Южнославянского пансиона в Николаеве. Следуя ходатайству жителей болгарской Терновки, следует увековечить имена академика В. Станко, крупнейшего специалиста-исследователя эпохи каменного века, чьё имя с почтением называют в Национальном университете Одессы (9 лет был деканом истфака); Г. Н. Ге, журналиста и драматурга, основателя первой общественной библиотеки в крае; классика болгарской литературы Алеко Константинова, окончившего Александровскую гимназию в Николаеве.

В региональном пантеоне выдающихся земляков было бы справедливым шире представить имена тех, чей вклад в национальную и мировую культуру не вызывает сомнений. Это художники Р. Судковский, А. Ждаха, археолог и поэт Б. Мозолевский, обнаруживший золотую скифскую пектораль, ботаник А. Яната, прозаики и поэты Днепра Чайка (Василевская), Л. Вышеславский, М. Винграновский, Э. Январёв, А. Поперечный, В. Бойченко, возродивший николаевскую «Провситу». Они запечатлели в своих живописных работах, на страницах литературных произведений яркие мгновения истории города, его трудовую, культурную жизнь, традиции и обычаи – всё то, что формирует самодостаточный образ Степного Причерноморья.

Людмила СТАРОВОЙТ

«КРИЗЬ НАШЕ СЕРЦЕ ЙШЛА ІСТОРІЯ...»

Уроки від Степана Крижанівського

Віхи життєвої долі

8 січня 2016 року минуло 105 років від дня народження відомого поета, літературознавця, критика, перекладача, публіциста, доктора філологічних наук, професора Степана Андрійовича Крижанівського. Він народився у родині шевця в містечку Новий Буг Херсонської губернії. Мав старшого брата Архипа і двох молодших сестер – Євгенію і Єлизавету. Батько був учасником Першої світової війни. Повернувся тричі пораненим, двічі контуженим, але «кавалером усіх чотирьох ступенів Георгія». Родина жила дуже бідно. І хоч батько дуже хотів прищепити синові любов до свого ремесла, його вабило інше – книжки. Після закінчення семирічки 14-літній хлопчина вступив до Одеської торговельно-промислової школи, яку пізніше перейменували в кооперативну. Тут серед його однокурсників був відомий у майбутньому гуморист Степан Олійник. Своїм першим хрещеним батьком у літературі С. Крижанівський називає В. Гадзинського, саме за його сприяння у журналі «Блиски» з'явилася дебютна публікація – вірш «Забуду пройдені шляхи».

У 1928 році юнак став студентом Миколаївського інституту народної освіти (нині Миколаївський національний університет імені В. О. Сухомлинського). Але провчився тут лише один рік. Разом із товаришем Дмитром Надієним брав активну участь у літературному житті міста. Друкував свої вірші в газеті «Красный Николаев». Очолював миколаївське відділення літературного угруповання «Молодняк». Саме в цей час у Миколаєві побувала група українських письменників. В. Сосюра, І. Микитенко, П. Усенко, В. Чечвянський виступали перед студентами, робітниками, школярами. С. Крижанівський близько познайомився з молодняківцем П. Усенком, у журналі «Молодняк» (1929 рік, № 3) опублікував про ці зустрічі розлогий репортаж. Приїхавши до Харкова на другий з'їзд поетів-початківців, юнак був вражений масштабами столичного культурного життя, тому й поставив собі за мету перевестися на навчання до столичного вишу.

У 1929 році С. Крижанівський почав навчатися в Харківському інституті професійної освіти (таку назву в той час мав Харківський національний університет імені В. Каразіна), хоча й з першого курсу. Його він закінчив у 1933 році. 1937 рік став початком наукової кар'єри С. Крижанівського: в аспірантурі він навчався у таких відомих діячів філологічної науки, як О. Білецький, Л. Булаховський, яких він із гордістю називав своїми учителями. У 1940 році випускник аспірантури встиг захистити кандидатську дисертацію, присвячену новелістиці Василя Стефаника. О. Білецький запросив його на роботу до Інституту літератури імені Т. Шевченка АН УРСР на посаду наукового співробітника. Він уже був одружений, мав двох синів, старший із яких, Андрій, стане відомим письменником-сатириком.

У 1941 році молодий учений, як і багато інших, добровольцем пішов на фронт. Як військовий кореспондент, редактор газети 18-ї армії «Знамя Родины», воював на Південному фронті. З гіркою згадував, як довелося відступати через рідні місця – Новий Буг, Володимирівку. Пройшов фронтовими дорогами Донбасу, воював на Кавказі, але вже займаючи посаду кореспондента газети 47-ї армії «Фронтвик». Коли почався наступ радянських військ, у вересні 1943 року брав участь у форсуванні Дніпра якраз біля могили Т. Шевченка у Каневі, за що був нагороджений орденом Червоної Зірки. Невдовзі після цього разом із групою журналістів і письменників був відкликаний із фронту для відновлення роботи преси на звільненій території.

Повернувшись до Києва, С. Крижанівський деякий час працював завідуючим відділом літератури і мистецтва газети «Правда України», відповідальним секретарем журналу «Дніпро», а з 1946 року продовжив працювати в Інституті літератури імені Т. Шевченка АН УРСР, у 1949–1973 роках завідував відділом української радянської літератури, у 1973–1976 роках був завідувачем сектору, до 1987 – професором-консультантом.

Степан Крижанівський

Знаходячись на пенсії, не припиняв літературознавчих досліджень. В останній рік його життя побачила світ книга «Спогад і сповідь з ХХ століття» (К.: Стило, 2002). А от роботу над книгою про долю українського романтизму ХІХ століття вчений завершити не встиг...

З Божої ласки таланти С. Крижанівського уродили рясно. Інтелігент у першому поколінні, не столичний естет, а син шевця, він повинен був працювати багато й напружено, щоб досягти таких вагомих результатів. А він зумів заявити про себе як про одного з найактивніших літературних критиків, видав два десятки поетичних збірок, мав вагомий перекладацький доробок. С. Крижанівський є автором значної кількості наукових праць з історії української літератури. Докторська дисертація вченого була присвячена творчості М. Рильського. Її він захистив у 1961 році, а в 1963 – одержав учене звання професора.

Окремими книгами вийшли літературно-критичні нариси про творчість В. Стефаніка (1946), А. Малишка (1948, 1951), А. Тесленка (1949), М. Бажана (1954), В. Кобилянського (1959), В. Чумака (1990), М. Рильського (1955, 1960, 1985). С. Крижанівський одним із перших створив літературні портрети письменників «розстріляного відродження» Май-

ка Йогансена та Валер'яна Поліщука. Ряд монографій наш земляк присвятив проблемам теорії літератури.

Прикметно, що жодне з видань історії української літератури, що виходили в 50–80-х роках, не з'являлося без його участі. Він є одним із авторів і редакторів «Історії української літератури» 1954, 1957, 1964, 1965 років видання, трьох останніх томів «Історії української літератури» у 8 т. (1967–1971 рр.). Окремі розділи підготовлені ним і для «Історії української літератури ХХ століття», що видавалася за редакцією В. Дончика в 1993, 1998 роках.

А ще Степан Андрійович змушений був багато часу віддавати організаційній роботі. В його обов'язки входило рецензування наукових праць, вичитування дисертацій, опонування їх. Багато молодих науковців можуть назвати його своїм учителем.

За участю С. Крижанівського вийшло близько півсотні книг української «Бібліотеки поета», ці збірки він упорядковував, редагував, як член редколегії консультував авторів. Часто писав до збірок передмови. Приємно, що саме він був одним із тих, хто схвально оцінив першу поетичну збірку Василя Симоненка «Тиша і грім», вмістивши післямову «Радість першовідкриття». Саме С. Крижанівський написав і вмістив у «Радянському літературознавстві» статтю «Буянність молодих сил» про творчі дебюти М. Вінграновського, І. Драча, І. Коротича, М. Сингаївського, згадавши добрим словом і Ліну Костенко, й Тамару Коломієць, і Миколу Сома.

Потужну духовну енергію випромінюють його спогади «Ми пізнавали неповторний час» (1986), «Перегортаючи сторінки» (1991), «Спогад і сповідь з ХХ століття» (2002). Спонукала вченого до написання мемуарів, за його словами, та обставина, що про багатьох друзів-письменників він «міг розповісти те, чого не знає ніхто». Наприклад, згадуючи фронтових побратимів М. Трублаїні, К. Герасименка, О. Десняка, П. Воронька, В. Собка, Д. Надіїна, він подає важливі штрихи до їхніх життєписів, заповнює окремі лакуни їхніх творчих біографій.

Не можна без особливого душевного трепету читати про зустріч дослідника з Ольгою Кобилянською за декілька тижнів до початку війни. А якими виразними й колоритними вийшли у нього портрети всіх трьох Стефанікових синів – Семена, Кирила і Юрія! Наче ожили на сторінках його книжок світлі особистості Тичини, Рильського, Остапа Вишні і багатьох інших.

Голос – не позичений, а свій

Плідною була і поетична діяльність С. Крижанівського. Він – автор двох десятків збірок поезій. Серед них: «Енергія» (1930), «Моїм ровесникам», «Країна майстрів» (1932), «Південь» (1937), «Золоті ключі» (1938), «Калиновий міст» (1940), «Гори і долини» (1946), «Під зорями радянськими» (1950), «Весна людства» (1951), «Срібне весілля» (1957), «Ще не вечір» (1961), «Вічнозелене дерево життя»

(1967), «Формула щастя» (1970), «Берізка» (1971), «Виднокруги» (1980), «Хвала життю» (1981). Для нього поезія – це «звучання слів /на клавішах нервів, //карбування думок /на скрижалах вітру, //музика сфер /у космічній оркестрі //».

Рання творчість Крижанівського витримана в душі комсомольської, молодняківської поезії, насичена пафосом будівництва нового життя. Хоча траплялися й елементи риторики, декларативності, проте вони не ставали визначальними. Післявоєнна лірика поета позначена медитативними, розмисловими нотами, філософсько-естетичним осмисленням змін у суспільстві й природі в добу науково-технічної революції. Поет випробовував себе в найрізноманітніших жанрах: крім ліричних віршів, у його доробку зустрічаємо елегії, оди, поеми, легенди, притчі, байки, пісні, поетичні оповіді. А в його сонетарії можна знайти і кульгавий сонет, і безголовий, і сонет із хвостом та інші рідко вживані поетами різновиди.

Ряд поетичних творів С. Крижанівського покладені на музику П. Майбородою, П. Козицьким. Нікого і ніколи не залишає байдужим пісня «Берізка», музику до якої створив С. Козак, пройнята особливою ширістю й сердечним щемом. Сам автор вважав її своїм найкращим поетичним витвором і дуже тішився з того, що її часто виконували як народну пісню.

Має С. Крижанівський і вагомий перекладацький доробок. Це твори О. Пушкіна, М. Некрасова, В. Маяковського, М. Тихонова, Янки Купали, Якуба Коласа, Пятруся Бровки, К. Хетагурова. Перекладалися і його твори російською, білоруською, болгарською та іншими мовами.

Ніколи не забував С. Крижанівський землі свого дитинства і юності.

Часто приїздив до Миколаєва та Нового Бугу, був учасником ряду наукових конференцій, що проводилися кафедрою української літератури МДПІ (1974, 1977), організатором яких виступав доктор філологічних наук, професор І. А. Луценко, котрий на той час завідував кафедрою. Степан Андрійович часто виступав опонентом під час захисту ряду дисертаційних досліджень науковців із Миколаєва. Був вагомим консультантом для О. С. Кухар-Онишка під час підготовки розділів його дисертаційного дослідження, присвяченого діяльності молодняківців. Саме на прохання завідувача кафедри української літератури МДПІ О. С. Кухар-Онишка він радо зголосився бути першим опонентом при захисті дисертаційного дослідження автора цих рядків. І хоч стан здоров'я Степана Андрійовича у 1986 році був не блискучий, він надзвичайно уважно ознайомився з моєю дисертацією, присвяченою вивченню зв'язків М. Рильського з білоруською поезією. Дуже цінними були його зауваження щодо перекладацького доробку М. Рильського, бо твори Янки Купали, Якуба Коласа й Пятруся Бровки, про які йшлося в одному з розділів, він і сам перекладав. А вивченню творчості М. Рильського присвятив багато своїх наукових досліджень. Я щиро вдячна йому за підтримку і співпрацю. Мені особливо запам'ятався день, коли шановний опонент знайомився зі змістом автореферату мого дисертаційного дослідження. Оскільки зір у нього був не найкращий, він просив читати реферат вслух. Але завершити цей процес було надзвичайно складно, бо, знаючи, що професор-консультант на робочому місці, до нього потягнулися молодші колеги з найрізноманітнішими питаннями. І нікому з них він не відмовив у консультації, тому читання автореферату доводилося переривати декілька разів, і кожного разу професор довго вибачався переді мною за незручності.

Коли Миколаївський державний університет готувався до відзначення 90-річчя своєї діяльності (2003 рік), ми, викладачі кафедри української літератури (ініціатором виступила доцент І. Ю. Береза), задалегідь звернулися до С. А. Крижанівського з проханням поділитися спогадами про своє навчання в МІНО, про студентів і викладачів, які йому запам'яталися. І навесні 2001 року одержали листа, в якому він описував своє недовге навчання в нашому закладі. Степан Андрійович дав нам дозвіл на публікацію свого спогаду. Його було вміщено в книзі «З історії становлення і розвитку кафедри української літератури (До 90-річчя утворення Миколаївського державного університету)» (автори Старовойт Л. В., Водяна П. М., Миколаїв, 2003). Майже без змін Степан Андрійович включив цей матеріал у свою книгу «Спогад і сповідь з ХХ століття» (К.: Стило, 2002, с. 31–33). У ньому йдеться про викладача МІНО М. Д. Лагуту, змальовано його відносини зі студентами, висловлене захоплення професіоналізмом викладача та науковою ерудицією. Особливо високо оцінив С. Крижанівський роботу М. Лагута про видатного художника-мариніста Р. Г. Судковського. Тепло згадав він і свого друга поета Дмитра Надійна.

З відстані прожитих років Степан Крижанівський, мабуть, міг би повторити слова свого улюбленого поета М. Рильського: «Життєву путь свою нерівно і хитаючись верстав я, і чашу мук за те належно п'ю». Як і кожна тверезо мисляча людина.

Степан Крижанівський (другий праворуч) серед друзів. Київ, травень 1968 р.

Віталій Дончик слушно зауважував, що сили для виживання С. Крижанівський черпав у життєстійкості, налаштованості на чорнову, буденну, позитивну роботу і вірі в непроминальне у житті. В останній книзі спогадів він написав про свої життєві принципи так: «Я прагнув робити добро і користь у тій сфері, де працював. Мої численні учні, що стали кандидатами й докторами наук, не дадуть збрехати, тим більше, що жодних відзнак чи нагород від влади не одержав, не те, що орденів, навіть простої грамоти, – всі нагороди одержано на фронті».

Можна зрозуміти, чому тоталітарна влада не жалувала відзнаками науковця. Адже кожне з видань історії літератури, де він був редактором, партійні функціонери піддавали ревізії. А особлива увага приділялася восьмитомному виданню. І хоч спочатку в пресі ця фундаментальна праця оцінювалася позитивно, у часи духовного застою на неї, за висловом М. Наєнка, «кинуто тінь ідеологічної неповноцінності», висувалися претензії методологічного характеру. Найбільше безпідставно «шпетили» авторів 6–8 томів за недостатньо критичний підхід до оцінки творів К. Косинки, В. Підмогильного, Б. Антоненка-Давидовича, за перебільшення ролі молодих поетів-«шістдесятників» і т.п.

Та й опозиційний дисидентський рух «шістдесятників» розвивався активно і в Інституті літератури. Василь Стус, Юрій Бадзьо, Михайлина Коцюбинська – аспіранти, Світлана Кириченко – лаборант відділу, який очолював С. Крижанівський. Іван Дзюба та Іван Світличний – працівники редакції «Радянського літературознавства». А С. Крижанівський так близько співпрацював з інакомислячими! І не намагався їх «приборкувати», докоряти їм ідеологічними «збоченнями». Тому, коли в Інституті літератури з'явився новий директор М. З. Шамота, занадто ліберальних завідувачів відділів О. Засенка і С. Крижанівського було усунуто від керівництва через штучну реорганізацію. І це був, мабуть, найлояльніший спосіб покарання. Ученому запропонували очолити сектор, який виконував наукову тему, розраховану на три роки. Після її завершення довелося перейти в наукові консультанти.

Але С. Крижанівському завжди була притаманна наполегливість у шуканнях, невтомність у праці, уміння об'єктивно переглянути й переоцінити свої позиції. Цим він і близький нащадкам.

Старовойт Людмила Василівна. Кандидат філологічних наук, доцент кафедри української літератури та методики навчання. Лауреат обласної премії ім. Миколи Аркаса в номінації «Просвітницька діяльність» (1996).

Наталья ЯБЛОНОВСКАЯ

ПИСАТЕЛИ И МЕДИЙЩИКИ: МЕРА СБЛИЖЕНИЯ

(Художественная литература и масс-медиа в системе социальных коммуникаций)

Лучше один раз увидеть...

Сущность феномена «художественная литература» сегодня уже невозможно раскрыть без учёта социокоммуникационных факторов и новейших коммуникативных технологий.

Разрыв журналистского слова и филологической науки становится всё более заметным и закономерным, поскольку, например, в такой популярной подсистеме журналистики, как телевидение, определяющим фактором изначально являлось не слово, а картинка: ряд визуальный на телевидении всегда побеждает в любых спорах с вербальным. Пословица «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» совершенно справедлива. Тончайшие манипуляции на сегодняшнем телевидении совершаются не словом, а, наоборот, при полном отсутствии закадрового текста, с помощью искусно смонтированных лайфов, когда зрителя «подводят» к определённому выводу, но сам он этой манипуляции не улавливает, ему кажется, что он «всё видел своими глазами».

Вполне логично теперь попытаться рассмотреть в системе социальных коммуникаций и художественную литературу, которая, как и любое искусство вообще, является передачей во времени и пространстве социально значимых смыслов. Так, осуществляя социальную коммуникацию в диахронии, любимые книги, образы, сюжеты обеспечивают непрерывность художественной традиции, связывают в единое целое разные поколения одной нации. В синхронии такая передача символов является залогом общественного диалога и единства страны, объединяя различные социальные, возрастные, профессиональные и территориальные группы и снимая противоречия, которые неизбежно возникают при отсутствии единого ценностного пространства.

В интернет-пространстве время от времени возникают оживлённые обсуждения книг, на которых мы выросли. Пользователи с восторгом делятся не только впечатлениями своего детства, но и фотографиями обложек книг, иллюстрациями. В таком контексте ни одна деталь не является лишней, важны не только содержание книг, но и чувственные воспоминания о знакомстве с ним: запах бумаги и её шероховатость, вид и фактура обложки. Эти воспоминания бережно хранятся «посвящёнными» на протяжении всей жизни. Вот почему круг чтения, общие впечатления от него объединяют незнакомых людей не меньше, чем общее прошлое – людей знакомых.

Эта же коммуникативная функция является одной из важнейших (если не самой важной) и для журналистики, призванной налаживать социальный контакт. Не случайно средства массовой информации называют ещё «медиа», то есть посредником: и они в лучших своих проявлениях действительно выполняют функцию посредничества между обществом и властью, между богатыми и бедными, между титульной нацией и национальными меньшинствами, между консерваторами и реформаторами, стариками и молодёжью, помогают понять не только себя и своих единомышленников, но и людей противоположных взглядов, сочувствовать, сосредотачиваться на общем, а не на различиях.

Там, где журналистика и художественная литература эффективно осуществляют коммуникативную функцию, становятся невозможными гражданские войны: общие ценности, наработанные литературой и масс-медиа, скрепляют различные сегменты общества, не дают противоречиям перейти во вражду. Воспитанные литературой и качественной журналистикой аналитизм и критическое мышление не позволяют перейти на уровень чёрно-белого видения мира с его непримиримым разделением на свой-чужой.

Известный российский журналист Д. Соколов-Митрич так поясняет важность выполнения журналистами коммуникативной функции: «Любое государство начинается с прекращённой гражданской войны. И нормальная, обыкновенная журналистика с маленькой буквы «ж» – это такие бесконечно затянувшиеся мирные переговоры. Люди не смогли решить свои задачи силой оружия,

поэтому теперь они вынуждены друг про друга что-то понять. И журналисты – это те зануды, которые десятилетиями эти мирные переговоры ведут. Пока сограждане переговариваются друг с другом, пока они повязаны взаимной коммуникацией – они живут в мире. Как только журналисты слагают с себя полномочия и капитулируют в агитаторы, война – вопрос времени. Именно так, а никак не иначе выглядит наше журналистское предательство – профессиональное и гражданское».

Одна из главных функций масс-медиа – информационная. Но и она с успехом выполняется художественной литературой. Через вымышленных персонажей (с которыми мы обычно себя отождествляем) и вымышленные обстоятельства мы, тем не менее, узнаём о реальных закономерностях жизни и мироустройства, приобретаем жизненный опыт и усваиваем социальный опыт, «отрабатываем» в своём воображении новые модели поведения.

Журналистика имеет дело не с вымышленными, а с реальными людьми и обстоятельствами. Но закономерности привлечения к ним интереса аудитории те же, как и в случае с художественной литературой: люди наблюдают за незнакомцами для того, чтобы узнать что-то новое о себе; и события на другом конце света для них становятся актуальными из-за возможности оказать влияние на их жизнь (журналисты знают эту закономерность как «правило приближения интересов» – по хронологическому, географическому, профессиональному, аффективному признакам и т.п.).

Как и другие подсистемы социальных коммуникаций, художественная литература не только отражает окружающий мир, но и активно его меняет, влияя на массовое сознание. Мощное, непосредственное влияние, оказываемое художественной литературой на умы читателей и через них на реальность, можно сравнить разве что с эффектом лучших образцов публицистики или так называемым «эффектом CNN», когда коммуникативный канал диктует условия людям, принимающим решения.

Сегодня на Западе создана целая теория мягкого подталкивания массового сознания к нужному выбору, а значит, изменения реальности через информационные операции. Авторами этой теории выступили американские исследователи Талер и Санстейн. Если старые советские и китайские теории «промывки мозгов» меняли поведение путём давления коллектива на индивида, то теперь, по мнению украинского исследователя Георгия Почепцова, поведенческие изменения не имеют признаков агрессии, они проходят не только незаметно, но даже приятно для объекта воздействия. Американская модель строится на переводе принятия решения с рефлекторной формы, когда человек думает и взвешивает, на автоматическую, когда решение приходит вне его сознания.

Активная работа с массовым сознанием с целью конструирования реальности сегодня целенаправленно ведётся через массовую коммуникацию: помимо различных форм открытой и скрытой пропаганды, также очень активно используется визуальная коммуникация. Влияние на массовое сознание совершается и посредством искусства: фильмов (меньше) и сериалов (очень активно). Как раньше, так и сейчас, трансформация сознания происходит и благодаря художественной литературе: достаточно вспомнить, что Татьяну Ларину к «революционному» для русской провинциальной барышни XIX в. решению сказать о своих чувствах к мужчине в письме подтолкнули романы Ричардсона и Руссо, героини которых (Памела и Кларисса Ричардсона и Юлия Руссо) активно выражают свои чувства именно в письмах. Можно привести целый ряд примеров, когда произведения литературы не следовали за реальностью, а сами создавали новую реальность. Это и «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, «маленькой женщины, которая развязала эту большую войну» (Авраам Линкольн), и неоднозначные примеры, найденные Оскаром Уайльдом: о пессимизме, который был «придуман» Гамлетом, о русских нигилистах, которых «создал» Тургенев, и Робеспьер, который «прямо сошёл со страниц Руссо». Эту функцию литературы можно назвать функцией конструирования новой социальной реальности.

Живой Интернет

Общественно важные воспитательная, культурно-просветительская и рекреативная функции присущи и художественной литературе, и журналистике. И на этом поле и литература, и масс-медиа сегодня страдают от общих недостатков духовного производства: зависимости от массовой культуры, ориентации на рядового (и даже очень усреднённого) читателя/зрителя, гедонистической направленности контента, который демобилизует сопротивление аудитории, подчиняет её кратковременным интересам потребления.

Существование системы социальных коммуникаций в новую эпоху ставит проблемы и перед масс-медиа, и перед художественной литературой. Термин Web 2.0 был предложен американским издателем О'Рейли и зафиксировал далеко идущие изменения Интернета: Web 2.0 – это методика проектирования систем, которые путём учёта сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются. Есть много других названий нового Интернета, которые отражают оптимизм исследователей: живой Интернет, Гипернет, Веб «делай вместе», Веб «пиши и читай».

Такие особенности Web 2.0, как «коллективный разум», открытость, высокий уровень доверия, давно взяли на вооружение масс-медиа. В последние годы получила распространение практика обращения к онлайн-медиа через соцсети. В условиях нехватки времени пользователи решают одновременно три задачи: узнают самые важные новости, знакомятся с повесткой дня своих друзей и получают тему для обсуждения в своём социальном кругу. SMM-технологии сегодня начали использовать и писатели, продвигающие свои книги в соцсетях. Популярный российский автор Дмитрий Глуховский, автор бестселлера «Метро 2033», организовал экспериментальную презентацию своего нового романа «Метро 2035» в социальной сети «ВКонтакте» с возможностью бесплатного скачивания отдельных глав в удобном для чтения на ридерах формате pdf. Очень скоро количество подписчиков его страницы «Метро 2035» достигло 137069 человек.

Тем не менее, новая экранная коммуникация, безгранично расширившая возможности писателей и медийщиков, всё более раскрывает и свои недостатки. Тот же Дмитрий Глуховский, например, с горечью констатирует: «Телефоны определили и создали новый этикет общения. В них – социальные сети, удовлетворяющие наши потребности механистичней, но быстрее и эффективней: улыбка ускользает, а лайк – фиксируется. В них – новости, изматывающий и навязчивый наркотик... Мы без телефонов – неполноценные. Мы не можем без них осуществлять нормальную жизнедеятельность. Было бы легко сказать, что телефон – это электрический протез мозга. Но если бы это была функционально полезная вещь, но эмоционально не важная, не стали бы мы таскать его всюду с собой, брать в ванную и в постель, украшать чехлами с котиком и готикой и относиться к ним как к тамагочи. Нет, телефон – это протез сердца».

Российский нейролингвист и экспериментальный психолог Татьяна Черниговская утверждает, что у людей, предпочитающих социальному общению экранную коммуникацию, отсутствует способность строить модель психики другого человека (theory of mind), способность посмотреть на ситуацию с точки зрения другого человека, являющаяся основой коммуникации, постижения внутреннего мира человека и основой обучения.

Украинские профессора Т. Иванова и Г. Почепцов обращают внимание на несовершенство новой гаджет-коммуникации с точки зрения психологии и физиологии человека. Традиционно в процессе коммуникации восприятие информации происходит при привлечении пяти базовых ощущений, таких как зрение, слух, осязание, обоняние и даже вкус: чем полнее задействованы эти пять чувств, тем более ёмко и содержательно воспринимается информация. Экранная коммуникация базируется, в основном, на зрительном мировосприятии. Человек экранного мышления более поверхностно воспринимает информацию, не погружаясь в её содержание, он с готовностью даёт ей оценку, причём быстро, категорично и порой нетолерантно.

Состояние человека, который привык к экранной коммуникации, при возвращении к старой доброй книге удачно передаёт Николас Карр в книге с символическим названием «Пустышка»: «Раньше мне не составляло труда погрузиться в книгу или в длинную статью. Мой мозг увлекался поворотами сюжета или интересными аргументами, и я мог проводить часы за чтением сотен страниц текста. Теперь это случается крайне редко. В условиях сегодняшнего дня моё мышление начинает блуждать после одной-двух страниц. Я чувствую, что постоянно заставляю свой капризный мозг возвращаться к тексту. Увлечённое чтение, прежде бывшее естественным навыком, превратилось для меня в борьбу».

К тем же выводам приходит Г. Почепцов: «Интернет создал сверхбыстротекущие потоки информации. Человек же как биологическое существо не меняет своих параметров входа/ выхода информации. Когда потоки резко ускорились, объёмным текстам пришлось уступить место текстам коротким. И это повлияло не только на объёмы, но и на содержание. Мы стали людьми как коротких текстов, так и простых содержаний».

Таким образом, текст на бумажном носителе не может быть полностью заменён экранным текстом, а низкие отечественные тиражи бумажных книг, газет и толстых журналов не могут быть

проигнорированы из-за того, что аудитория знакомится с ними в электронном варианте: чтение с экрана, к сожалению, не является аналогом чтения с бумажного носителя. И высокие тиражи западных издателей книг и газет лишь подчёркивают этот факт. Тот же Николас Карр в одной из последних статей отмечает, что «печатные книги всё ещё составляют три четверти всех книжных покупок в США, а если принять во внимание продажи букинистических книг, которые выросли, то цифра станет ещё выше. Последние исследования показали, что даже наибольшие любители электронной книги продолжают покупать много печатной продукции». К тем же выводам пришёл и Дмитрий Глуховский, отметивший, что количество подписчиков страницы его романа «Вконтакте» было заметно бóльшим, чем количество скачиваний: вероятно, люди подписались на страницу, чтобы не пропустить выхода книги в издательстве.

Распространение Интернета и электронных книг предоставило пользователям неограниченный доступ к архивам научной и художественной литературы, возможность знакомиться с ними в режиме гипертекста и интерактивных возможностей, составляя из имеющихся текстов свой собственный. Это особенно важно в условиях ежегодного сокращения количества отечественных библиотек и книжных магазинов: за три года в Украине упразднено почти 2000 муниципальных библиотек, для многих населённых пунктов, куда не доходит бумажная книга, Интернет является единственной возможностью приобщения к знаниям.

Американская исследовательница Наоми Бэрон, ссылаясь на данные центра Pew, отмечает, среди тех, кто читает длинные тексты (возрастом от 16 до 29 лет), 40% сказали, что стали читать больше, получив доступ к материалам на экране. Кроме того, студенты США, Германии, Японии и Словакии постоянно упоминали о таких удобствах пользования гаджет-текстами, как легкость при транспортировке, компактность. Таким образом, современный медиапотребитель получает уже не массовую, а индивидуализированную информацию и имеет несравненно бóльшую возможность выбора контента и саморазвития, чем его предшественники.

Но этот положительный процесс имеет и существенную отрицательную сторону: неструктурированные, хаотические потоки информации дают меньше условий для её проверки, открывают широкий простор для манипуляций, нарушений этических и правовых норм.

Влияние демассификации на общество также остаётся неоднозначным. С одной стороны, наличие принципиально разных источников и каналов как инструмент гражданского общества блокирует саму возможность тоталитаризма с присущими ему табу на несогласованную и неконтролируемую информацию. С другой стороны, сейчас мы наблюдаем существенное социальное расслоение по информационному принципу и иногда уже ностальгируем по тем временам, когда выход новой книги или резонансного произведения в толстом журнале объединял вокруг этого культурного события.

Яблоновская Наталья Всеволодовна. Филолог, историк литературы, национальной прессы. Родилась 29 января 1973 г. в Симферополе. В 1995 г. окончила Симферопольский государственный университет. Защитила кандидатскую диссертацию «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина и традиции автобиографического повествования в русской литературе» (1999), докторскую диссертацию по теме «Пресса этносов Крыма: проблема национального возрождения и диалог культур» (2007). Автор монографий, более 100 научных статей; пишет на русском и украинском языках. Член Национального союза журналистов Украины, Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар», редколлегии научных изданий, редсовета крымскотатарского женского журнала «Арзы».

Евгений МИРОШНИЧЕНКО

СКИФСКИЕ ЗОРИ БОРИСА МОЗОЛЕВСКОГО

*Ще б книгу книг створити у безсонні,
Іще б одну відкрити пектораль.*

«І мить як вік...», 1986

Поединок с вечностью

На любительской, но весьма удачной, почти репортёрской фотографии, которую жена археолога Вера Павловна опубликовала в газете «Літературна Україна» к 70-летию Б. Н. Мозолевского, он изображён в звёздный час: весна 1971 года, на переднем плане шахтёрские каски проходчиков и выше – крупно лицо археолога; руки, держащие обруч пекторали, – более килограмма золота; руки, как будто желающие примерить невиданное украшение скифской царицы. Только Вера Павловна знает цену этой фотографии. Мозолевский стоял посреди степи в фуфайке, напряжённый и замёрзший. «Когда я смотрю на этот снимок, – вспоминает она, – у меня наворачиваются слёзы».

Начало 70-х – сложное и счастливое время его биографии.

Сегодня есть повод ещё раз пересказать, как произошло это событие, оно до сих пор воспринимается современниками в восторженных, а зачастую и мистических выражениях. Конечно, самые ценные впечатления от свидетеля счастливого – самого Б. Мозолевского, сумевшего не только восстановить «дорожную карту», но и передать чувства, психологию первооткрывателя, драматизм события, совершавшегося во время восхода солнца 30 марта в 10 км от знаменитого Чертомлыка (Днепропетровская обл.). В ту пору все его мысли, внимание были сосредоточены на огромном кургане (высота 9, диаметр 70 м), который местные жители называли Толстой могилой. Интенсивное строительство жилого комплекса вокруг Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината грозило уничтожением кургана.

Ещё ранее, следуя принятой в археологии методике, Мозолевский пробурил здесь две скважины. Он искал следы глины. Ещё одна скважина обнаружила на глубине 7 метров материковый глиняный выброс. Сомнений не оставалось: Толстая могила – скифский курган. Немногочисленная экспедиция была готова к привычному труду. К счастью археологов, на помощь пришли энтузиасты из местного народного музея, неоценимую услугу оказал уже знакомый Мозолевскому по прежним экспедициям директор горно-обогатительного комбината Г. Л. Серeda. Он направил в распоряжение археологов бригаду скреперистов и опытных проходчиков. И далее началось такое, во что праздному читателю трудно поверить. В это не мог поверить и сам Мозолевский. «Передо мной стояла гора, которая 23 столетия немо берегла свои тайны», – вспоминал он. А возле подножия степного великана уже ревели стальная армада механизмов, и от его команды зависело, либо воскресить эту тайну, либо навечно оставить в земле. Так начался этот поединок с вечностью. Предстояло осторожно снять 13 тысяч кубометров спрессованной тысячелетиями земли («Скіфський степ», 1983, 2005).

Сначала они разрезали курган наполовину, чтобы понять его конструктивные особенности. Не всем археологам дано увидеть величественное зрелище девятиметровой земляной стены. Каждый день он с напряжением всматривался в отвалы, стараясь прочитать любой комочек глины, бегал от скрепера к скреперу, чистил и замерял, хватался за лопату, чертил и фиксировал. В один из апрельских дней к вечеру под ножом скрепера сверкнула пластина бронзового оснащения повозки, колёса захороненной упряжки. Прошли ещё две недели напряжённого труда, и восточная половина кургана стала проваливаться, ещё через несколько дней выяснилось, что насыпь проседала под древними могилами. Вскоре открылись глубокие катакомбы. Курган был окружён широким рвом и уже частично расчищен, когда участники раскопок как-то сразу увидели нечто немыслимое: огромное количество костей животных – лошадей, оленей, диких свиней, десятки разбитых винных амфор. Натренированному воображению Мозолевского предстала фантастическая картина грандиозной тризны. Ему слышались возгласы людей, скрип сотен повозок. Произведя подсчёты, по фактическим останкам он

установил, что в исследованную часть рва было сброшено примерно 13 тонн жертвенной пищи, её могло хватить для поминального пира примерно трём тысячам человек.

А потом начались исследования погребений, обнаружился заполненный чернозёмом вход в гробницу. Полевой опыт и чутьё подсказывали: он стоял на пороге открытия. Теперь археологам понадобились ещё навыки шахтёров, приходилось крепить стенки проходов, чтобы проникнуть в склеп. Все терзались вопросом: ограблена ли могила? Вооружившись ножом, Мозолевский прошупывал стены, пока не попал на хозяйственную нишу и не нашёл совершенно не потревоженную могилу. На следующий день он поднял с её дна горсть золотых пластинок и увидел алебастровый саркофаг с останками молодой царевны-скифянки. Все украшения женщины были золотыми. Её наряд оказался самым богатым из всех, когда-либо встречавшихся в скифских могилах. На шее скифянки лежала массивная золотая гривна (478,5 граммов) с четырнадцатью фигурками львов. Виски украшали подвески с изображением сидящей с поднятыми руками богини. Головной убор расшит крупными золотыми пластинами, золотые аппликативные бляшки покрывали одежду, башмачки. Запястья охватывали три широких браслета, пальцы унизаны одиннадцатью перстнями.

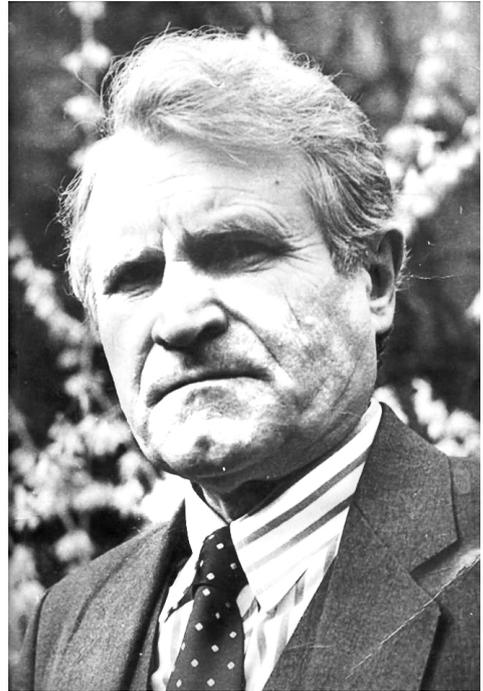
Царских особ в мир мёртвых сопровождали четверо убитых слуг. Потрясал вид их костяков: неестественно вывернутые руки, раскинутые ноги. Пальцы одного воина судорожно сжимали землю, очевидно, он был ещё жив, когда оказался в могиле. Рядом с царицей в отдельном саркофаге был погребён ребёнок. Судя по золотой гривне, золотому браслету на руке, серебряным сосудам, это был малолетний наследник престола.

Между тем в потревоженной раскопками центральной гробнице начались обвалы грунта, в склеп просачивалась вода. Археологи продолжали делать своё дело и обнаружили лаз, где уже успели побывать любители лёгкой наживы. Но именно в этом месте были сделаны самые сенсационные находки из всех известных скифских царских курганов. В десяти сантиметрах от того места, где орудовали грабители, остались незамеченными самые дорогие церемониальные предметы покойного: у входа в погребальную камеру лежал меч с обложенной золотом рукоятью, золотые детали истлевшей нагайки и большое нагрудное украшение – золотая царская пектораль. Это случилось, как свидетельствует Б. Мозолевский, 21 июня в 14 часов 30 минут. Толстая могила подарила Украине и миру в общем исчислении 4,5 килограммов золота, шедевров скифско-античного искусства.

...К концу 60-х ему уже было что вспомнить. В 15 лет Б. Мозолевский был зачислен курсантом специальной школы Военно-воздушных сил, где нашёл верных товарищей; учился в Ейском военном училище, мечтал о небе, его одноклассниками были будущие космонавты Георгий Шонин и Георгий Добровольский. Позже он встретился с Добровольским, стоял перед его памятником в Одессе. Тогда отложилось в сознании:

*Ось і знов перед власною пам'яттю,
Як на лобному місці, стою.
Вбити, потім поставити пам'ятник, –
В цім ознаку часу пізнаю.*

С 1956-го – чёрная полоса биографии, он попал в первую волну сокращения армии. Полетело иное время – десять лет кочегарки, работы на заводе железобетонных конструкций, заочная учёба на историко-философском факультете Киевского университета, три года в редакции издательства «Наукова думка». До 30 лет он и не помышлял об археологии. Экспедиции, раскопки, история культуры, надежда на профессиональную удачу делали его одержимым. Напряжённое состояние поиска дарило и то, без чего уже не мог жить, – вдохновенное слово, художественные впечатления. Его не печатали в «Новом мире», критики из ЦК ЛКСМУ чинили издательские препятствия, а он упрямо верил в своё назначение. «Сострадание к государству, отрицающему слово, – общественный путь

Борис Мозолевский

Пектораль

исторических наук, – по решению парторганизации был исключён из членов КПСС (позже восстановлен) за содействие лицам, занимавшимся антисоветской пропагандой, и «попытку привлечь в Институт враждебных марксистско-ленинским взглядам людей». Таким был он – Борис Мозолевский, приятель опального поэта-диссидента Василия Стуса, с которым иногда вместе читал стихи в общественных аудиториях. Мог ли быть «враждебным» для своей родины он, сын погибшего фронтовика, колхозник с десяти лет из села Николаевка? Причерноморье осталось в памяти распаханном полем, уходящей к горизонту дорогой, щедрым арбузным полем и необозримой степью, усеянной по весне цветущей лободой и золотыми тюльпанами.

Край детства Борис Николаевич вспоминал с умилением, это, однако, не мешало ему с документальной точностью писать о родословной – прадедах, бабушке, отце, матери. Все они вышли из хаты на краю села, все освятили украинскую степь солёным крестьянским потом. Тон его воспоминаний удивительно доверительный и сердечный. Уже тогда, в 60-х, складывалась автобиографическая повесть, он уже был автором нескольких книг стихов и не мог обойтись без поэтических строф. Родилась «Дума про степ» (1996). «Поэмы гор пишутся вулканами, поэмы полей – колосьями, а поэмы сердец пишутся только воспоминаниями». Его память сердца хранила не только сцены детства, встреч курсантов-побратимов, но и запах степной полыни, картины кочевой жизни древних племён, гортанный звук речи юной скифянки Опии. Тревога за судьбу исторических ландшафтов, украинских степных пирамид не оставляла Мозолевского никогда. «Мы не имеем права уничтожать то, что создано руками наших пращуров, – писал он. – Поэтому наибольшую мою гордость составляет не находка пекторали, а восстановление после исследования насыпи скифского царского кургана поблизости станции Желтокаменка на Апостоловщине».

В литературных садах Украины

*Про скіфів добре згадував Есхіл.
В Гомера є, що скіфи – справедливі.
В цьому краю царів і пастухів
Суворі люди, горді і вродливі.*

Ліна Костенко

Размышляя о судьбе Бориса Мозолевского и его творчестве как художественном феномене украинской литературы XX века, хочется вернуться в не столь отдалённые времена, когда среди университетских филологов обсуждался вопрос о создании факультативного курса истории русской

и подвиг современного поэта», – так определил характер взаимоотношений между художником и властью Осип Манделштам. Украинский поэт вывел свою формулу:

*Поет – немов мембрана!
Він творить не пером.
Поет – відкрита рана
У людства під ребром.*

Б. Мозолевский исследовал более 100 степных курганов, опубликовал труды, готовил докторскую диссертацию «Этническая география Скифии». «Мне повезло так или иначе быть причастным к большинству выдающихся открытий в области скифологии, сделанных в XX веке», – свидетельствовал он.

Навсегда оставалась горечь несправедливости: 14 ноября 1968 года многолетний наставник и научный руководитель Б. Мозолевского – А. И. Тереножкин, основоположник украинского скифологии, доктор

литературы Украины, шли оживлённые споры о том, что считать русской литературой Украины. Актуальная тема получила продолжение на страницах киевского литературно-художественного журнала «Радуга» (№ 9, 2008). Проф. А. Глотов проанализировал существующие гипотезы и предложил несколько вариантов ответов на главный вопрос. Русскоязычные тексты писателей Украины, предположил автор, – это фрагменты истории русской литературы вообще, следовательно, существование литературы русской вне России – эстетическая реальность, и цель историка – внимательно рассмотреть все проявления этнической культуры. «Мозаика русской культуры, пополняясь различными этнокультурными космосами, – писал он, – приобретает всемирный масштаб. И задача исследователей состоит в максимально полном освещении всех возможных версий и вариантов явлений художественной литературы на русском языке, связанных так или иначе с историей и географией Украины».

Ещё один вариант осмысления проблемы включает точку зрения, требующую учитывать исторические обстоятельства создания «параллельных» текстов, написанных в Украине. Примером таких обстоятельств может служить русская проза Т. Г. Шевченко, которая, однако, не делает его представителем русской литературы. В этом ряду стоит и этнический Гоголь, сумевший благодаря своему украинскому мироощущению обогатить художественную реальность. Эту линию в украинской литературе развивали и русскоязычные писатели советской поры, некоторые из них получили широкое читательское и общественное признание.

Наконец, предлагается учитывать и региональный фактор, существование провинциальной литературы, писателей, хорошо известных на малой родине и участвующих в общенациональном художественном процессе. Они тоже присутствуют в литературных садах Украины. Все эти три варианта и дают основания для концептуального подхода к решению вопроса об истории, месте и значении того пласта культуры, которую мы называем русская литература Украины.

В характеристиках культурного наследия участники дискуссии отмечали и тех, кто пишет на двух родных языках – русском и украинском. Например, в сборниках последних лет Л. Вышеславского есть стихи и на украинском языке. Публикация книги «Близкая звезда» (1983), за которую автор был удостоен Государственной премии им. Т. Г. Шевченко, была воспринята как закономерное свидетельство зрелости авторитетного мастера слова. В последующих книгах («Киевские мотивы», «Святыня») тональность творчества поэта меняется, его всё более занимают проблемы национальной культуры, символы древней истории родной земли.

В ту пору я переписывался с поэтом М. Винграновским, прозаиком А. Сизоненко, профессором Института литературы С. Крыжановским. Удалось побеседовать с Леонидом Николаевичем Вышеславским.

– Вы один из самых известных литераторов в республике, пишущих по-русски, – говорил я. – Как относитесь к общественной полемике о судьбе русской культуры в Украине?

– Давайте сначала ответим на другой вопрос, – предложил Вышеславский. – Кому принадлежат культурные достижения великих русских, украинцев – Гоголя, Шевченко, Костомарова, Короленко, Даля, Булгакова, Гаршина? Ответ известен: обоим славянским народам. Думаю, из этой позиции следует исходить, решая вопросы национальной культуры. Размышляя о своём поколении, в том числе и коллегам, пишущим по-русски, хочу сказать, что для меня не существует проблемы языка. Многие из нас опубликовали прекрасные книги об Украине, блестящие переводы, донесли певучее слово И. Франко, Л. Украинки, современников А. Малышко, Л. Первомайского, Н. Нагнибеды до мирового читателя. Этим золотым запасом моё поколение оплатило наше сегодняшнее культурное строительство.

Говоря о существовании русской литературы в двуязычной Украине, следует учитывать новые подходы к изучению исторического пути литературы и её развития в условиях многовекторного диалога культур. Стоит прислушаться к позиции учёных, которые пересматривают традиционное представление о непрерывности нашей духовной истории и её главного продукта – культуры, литературы, фольклора. Будем помнить, что они служат опорой конструкций локальной и национальной идентичности. Такой взгляд помогает понять прошлое и настоящее и смело смотреть в будущее.

Как принимать известное утверждение Марины Цветаевой: «Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь), чтобы не быть французом, русским и т.д., чтобы быть – всем» (письмо к Рильке, 1926). Вероятно, следует рассматривать эти слова Цветаевой как призыв изучать художественное творчество по своим внутренним законам.

Упаковка найденных ценностей

Вряд ли стоит преувеличивать географический фактор в литературе. Поэт – понятие не географическое, а вселенское. Вся великая русская литература обязана маленьким городкам и уголкам, необозримым просторам Центральной России, точно так же как многоликая Украина западных и восточных губерний подарила своим сыновьям жизненные силы и вдохновение для творчества. Однако есть ли смысл противопоставлять региональное (русскоязычное) творчество тому, что формировалось в культуре веками? Например, многонациональное наследие и традиционную культуру Украины.

Русская социокультурная среда в Украине, да ещё в историческом контексте, и сегодня видится далеко не островком. Разрыв с «русским миром» не происходит с движением шлагбаума, а русскоязычное творчество не ограничивается концепцией «могучей ветви культуры», не объяснить его и «земляческими» привязанностями, «степенью родства с Украиной». У нас всё особенное, и всё личное, и это накладывает отпечаток на столь своеобразное явление, каким остаётся русская литература Украины. Рождение мироощущения, общей духовной составляющей в двуязычном диалоге культур определяется не родством крови и принадлежностью к роду-племени, даже не языком, а осознанием общей судьбы народов, населяющих страну.

В заветной папке сохраняю единственное письмо Б. Н. Мозолевого. И ему задавал вопросы, просил помочь приобрести книгу «Скіфський степ». Вот ответ поэта без сокращений.

«Уважаемый Евгений Гордеевич!

Спасибо Вам за добрые слова обо мне и в печати, и в письме. О статье Вашей уже знал – слухом земля полнится.

С 1972 г. русские стихи действительно не печатают, да и не пишу, но сделанное на русском (три сборника плюс много неопубликованного), конечно же, перечёркивать не собираюсь. К каким же (по языку) поэтам меня относить – меня как-то этот вопрос меньше всего волнует, пускай в этом разбираются литературоведы. Что же касается моей принадлежности к Николаевщине, то здесь я Ваш до кончиков волос, и буду рад, если земляки не станут отказываться от меня.

К сожалению, «Скіфський степ» ещё в год издания стал библиографической редкостью, и хоть мне самому стыдно перед Вами, но помочь ничем не могу. Буду рад, если смогу быть полезным в чём-нибудь другом.

*Ещё раз спасибо Вам. Желаю успехов и удач.
19.03.1988. Б. Мозолевский»*

Его книга книг

*...Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встаёт забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребённых, –
Как странно вновь стоять у тёмных их гробниц
И мёртвых заклинать безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!*

В. Брюсов

Доброе слово о стихах Б. Мозолевского сказал его земляк – николаевец Л. Вышеславский. Своё предисловие к книге «Начало марта» (1963) он назвал «Резкость и доброта». Именно так ему открылись строки поэта, впервые опубликованные в издательстве Союза писателей Украины.

Поэт-фронтовик, один из первых редакторов журнала «Радуга», радовался тому, что расстояние от первого напечатанного стихотворения (1957) до первой книги «начинающего свой путь автора» было коротким, писал об умении Мозолевского превратить обычный факт в поэтический образ. В напутствии шла речь и о форме выражения поэтической идеи, и содержательной форме стихотворения, здесь же цитировался Н. Некрасов: «Форме дай щедрую дань!» Отголоски литературоведческих споров о форме и содержании произведения, специфике художественного творчества не помешали мастеру сказать о главном: в книге стихов молодого украинца лучшие, задушевные строки посвящались теме труда, от них шёл «электрический ток» лиризма. Пример такого эмоционального чувства Л. Вышеславский нашёл в стихотворении «Золотая рука скифянки».

Однако на тематическом уровне мы вряд ли поймём творчество Б. Мозолевского, ибо оно не раскрывает своеобразия его поэтической индивидуальности. Как и у И. Бунина, она выражается в

В кругу коллег

живом восприятии движения времени, ощущении пространства, вечности. Это чувство обострялось, когда он оставался в глубине или на вершине кургана под ночными звёздами, разгадывал тайну, спрашивал себя: что же позволило скифам существовать тысячи лет, и что привело их к гибели? Курган как будто говорил ему: «Открой нас, и ты найдёшь наше сердце!» Герою приключенческого романа Жюль Верна «Упрямец Керабан» херсонская степь с её бесчисленными холмами напоминала мрачную картину огромного кладбища. «Любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» у Мозолевского одухотворена субъективным чувством, желанием познать человека прадавней поры, вступить с ним в диалог. Он был поводырём скифов по Вселенной рядом с Гомером, Овидием, Лермонтовым, Пушкиным, Т. Шевченко. Геродот в мифической стране Герри указал на гробницы скифских царей. Мозолевский услышал величественный монолог одного из них:

*Життя і смерті спивши щедрий келих,
Усі літа спаливши на вогні,
Я скіфський цар, лежу в дніпровських Геррах,
І стугонять століття по мені.*

*Колись цю річку звали Бористеном,
А Скіфією – всі оці краї.
Як пахли по степах тоді нестерпно
Кочівками осінні кураї!..*

*Гай-гай!.. Все так. Колись я був тут юним.
Ходив на бій. Поїв коня з ріки.
Мов сон, пройшли сармати, готи, гунни,
Авари, печеніги, кипчаки...*

*... ..
І хай сівач з блакитними очима
Ще тричі вищих обширів сягне –
Це наша з вами спільна Батьківщина,
Бо як ви з неї вирвете мене?*

*Бо хто вам майбуття з минулим зв'яже
І хто навчить любити ці кряжі,
Коли і він зі мною поруч ляже,
Три кроки не дійшовши до межі?*

*А гуси знов телочуть на озерах,
І пахнуть медом плавні навесні!..
Я скіфський цар, похований у Геррах, –
Мій спис, і меч, і кінь мій – при мені.*

В характеристике поэтического творчества удачливого археолога более пронизательным оказался критик Иван Дзюба. Он тоже начинал отсчёт его восхождения на поэтический Олимп с золотой пекторали, но справедливо замечал, что без целеустремлённой, «восторженной» жизни курсанта, кочегара, землекопа Мозолевского, без гражданских, публицистических мотивов его первых книг не было бы современного поэта.

В семидесятые годы Мозолевский утвердился как укряязычный поэт, о чём говорили сборники «Зарево» (1971), «Червоне вітрило» (1976). В эту пору, вспоминает Вера Павловна, на его рабочем столе лежали русские и украинские словари, он активно осваивал народнопоэтическую стихию родной речи, национального песенного фольклора. Об этом говорят «Балада про рідну пісню», «Балада про чорну тугу», «Пісня акина», вобравшие в себя жанровую стилистику украинского и многонационального народного творчества: думы, ироничной шутки, молитвы, поэмы, саги, монолога, сонета, священных гимнов, погребальных элегий – оригинальных образцов лирики. В этом ряду и строки «феерии» «Ночь на Ивана Купала»:

*Кудись пливуть бандури вздовж ріки.
Куди ж бо ви – з єдиною струною?..
І біла тінь коханої руки
На жовте листя падає за мною.*

«Біла тінь коханої руки» стане кодом, заворожуючої інтонацією любовної лірики Мозолевого.

Заметим, что в 1991 году в трёх километрах от Толстой могилы, где была найдена золотая пектораль, во время раскопок Соболевой могилы (это уже был последний полевой сезон Б. Мозолевого) он открыл усыпальницу скифской женщины-жрицы и подтвердил гипотезу о том, что у скифов, как и у всех древних индоевропейских народов, белый цвет точно так же, как и золотой, является признаком сакральности. В могиле среди россыпи серебряного ожерелья лежало и наборное костяное веретено – ритуальный атрибут жрицы. Каково же его культовое назначение? Веретено – символ вечности, отвечает поэт, связи между людьми, временем и пространством («Знак Скифии»).

... ..
Буває, прокинувся: де я?
Каганчик мигтить звіддаля.
І космос – неначе куделя,
І нитку сотає земля.

Одну из лучших своих книг он назвал «Веретено» (1980).

На фоне пафосной «официальной» поэзии 60-х в его стихотворениях отчётливо выделяются мотивы необъяснимого, неосознанного ощущения тотального, в масштабах земли и мироздания, экзистенциального неразделённого чувства. В сборниках 80-х годов «І мить як вік...», «Кохання на початку осені» перед нашими глазами возникают элегические сцены южной степи, миража на берегу моря, звуков пролетающего самолёта, голосов любовников в яблоневом саду. Но чаще всего свободу вдохновения поэт испытывает среди привычных степных просторов, курганных скифских погребений. Здесь он ищет не только артефакты культуры, но и пытается реконструировать древнюю идеологию, основанную на единстве модели мира.

Индивидуальность таланта поэта можно выявить по ключевым словам его лирики. У Мозолевого они регулярно повторяются и становятся образами-символами, связующими воедино отдельные произведения и доказывающими существование цельной системы художественного мышления. К таким словам следует отнести утреннюю и вечернюю зарю, солнце, могильный курган, землю, сон, ночь, тень, огонь, море, скифское золото, дорогу, коня, стрелу, степную мышь, образ матери, юной скифянки, его любимый шиповник. Они блуждают из строфы в строфу и упорно возвращаются, словно перекликаются звуки оркестра, исполняющего симфонию. Симфония Мозолевого – скифская степь в её многообразии авторских ассоциаций. Она клубится «серебрякрылыми» туманами, подаёт вещие голоса, живёт в лоне сияющих на солнце росах, цветущих маков, гладиолусов, фиалок, мальвы, горичвета, чебреца, красного барбариса, античной арацеи, горькой полыни и ковыля, пахнущих мёдом весенних плавней.

Он не ощущал себя на периферии литературной жизни, рядом творили Л. Вышеславский, М. Винграновский, А. Сизоненко, В. Стус, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, им он адресовал свои авторские посвящения. Иногда прямо указывал мотивы – по Б. Филиппову, по М. Цветаевой, из А. Блока, А. Вознесенского, из А. Тарковского, устраивал поэтическую перекличку с В. Симоненко, со словами-раздумьями обращался к Евгению Евтушенко:

Друже добрий і сильний!
В повсякденнім вогні,
Як для тебе Росія –
Україна мені.

«Дорогою стріли», 1991

Неожиданно среди друзей-побратимов встречаем имя английского священника и поэта Джона Донна. В русской и украинской литературе на него обратили внимание в начале 70-х, с переводов Донна на русский язык начинал свою литературную карьеру Нобелевский лауреат Иосиф Бродский. Отдельные произведения Донна переводили Д. Павлычко, В. Коптилов, Л. Череватенко. Что же привлекло Мозолевого в творчестве представителя духовной поэзии английского барокко? За несколько дней до кончины Донна (1572–1631) произнёс проповедь, где утверждал мысль об отсутствии смерти, признавая за жизнью только значение «жизни вечной». В мрачном повествовании Донна о смерти Мозолевский увидел неисчерпаемые оттенки метафорического письма, авторских ассоциаций.

Очень часто его стихи рождаются из воспоминаний, которые тревожат память в бессонную ночь. Литература знает много примеров прекрасных произведений, сочинённых во время бессонницы (Лермонтов, Пушкин, Мандельштам). В стихотворениях «Тайна» – «за Джоном Донном», «Привидение», «Сон», «В темноте», «В подземелье», «Сон рядом с Толстой могилой» Мозолевский размышляет о превратностях судьбы, его герой почти физически ощущает всю её силу и власть, ведёт лирические диалоги с любимой, обитателями курганов: останками погребённых, скифскими всадниками, молодой рабыней, бессмертной Горгоной, скифской Афродитой – Аргимпасой.

Однажды, рассказывает поэт, встречая заход солнца на кургане, он, словно во сне, вспомнил скифское имя Опия и увидел её мраморный лик. Степная красавица шла вслед за колесницей, магически увлекая за собой встречных. Через вспышку воспоминания автор пробивается к прошлому, его не покидает осознание быстротечности земного бытия, точно так же, как бессмертия. Связь культура не распалась, Опия сегодня приходит и к нам.

*Где маки, где горше опиума
Дурманили зелена,
Когда-то скифянка Опия
В степи ожидала меня.
... ..
Вспомню, что всё уже было –
И солнце, и степь, и цветы,
Лишь только душа забыла,
Как потерялась ты.
Как жить мне положено –
Опия! Дай ответ.
Я старше тебя иль моложе на
Две тысячи триста лет?*

«Шиповник», 1967

В прологе к поэме «Ирий» (название рая в восточнославянской мифологии) поэт использует эффект неожиданности сочетания, сводит воедино порой очень дальние явления: через противоположное улавливает единство в многообразии, повествует об истории степных народов, обращаясь к произведениям «скифского золотарства». И уже в центре его внимания перстни, гривны, золотые гребни, браслеты, грифон, грозные львы на женских подвесках, булатный меч и буйный, сияющий лучезарным золотом мир на трёхъярусной скульптурной композиции пекторали. Благодаря причудливой метафоре поэт слышит переключку столетий, создаёт поэму поразительной красоты. В лирическом вступлении к повествованию о скифской степи (глава восьмая) автор делает признание:

*Мій рідний степе в золоті яворів,
Де і вночі пізнаю камінь кожний!
І запах трав, і пил твоїх доріг
Вдихаю в себе глибоко й тривожно.
І мить як вік, і світла кожна п'ядь,
І обрій дивним сяйвом осіяний!
І хмари, наче лебеді, летять,
Ламають білі крила об кургани.*

Курганы сохранили память о скифах, а он вернул им судьбу. Не спит поэт, волнуется думами о том, чем полнится и движется мир. «Ще б книгу книг створити у безсонні...» Я не исключаю того, что пройдут годы и его стихи переведут на иные языки, а всё художественное наследие назовут гениальным. Случится это или нет, покажет будущее, но в поэтической антологии «всех времён и народов», изданной в Тернополе (2010), к чести составителя антологии, стихотворные строки Бориса Мозолевского уже сегодня стоят рядом с произведениями Мольера и Мицкевича.

Юрий ЛЮБАРОВ

ХІХ ВЕК. НИКОЛАЕВСКИЕ МАСТЕРА СВЕТОПИСИ

В мире много фотографов, но никто до сих пор не смог объяснить такой феномен: почему объектив у фотоаппарата круглый, а фотографии получаются прямоугольными.

Сегодня каждый из нас – немного фотограф. Ежесекундно, круглосуточно у нас под руками находится фотоаппарат, а у некоторых два и больше. Везде нас окружают камеры: встроенные в мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, столбы и потолки. Конечно, это не делает всех нас фотографами. Но ведь минимальную задачу – запечатлеть событие или человека – мы можем выполнить. А именно этот процесс «получения и сохранения изображения» и называется в энциклопедиях фотографией. Но ведь когда-то...

И вот тут начинается настоящая история с настоящими фотографами. Когда-то таковых не было вовсе. И не только в Николаеве, а вообще на Земле. Вспомнив коротким добрым словом изобретателей этого чуда – французов Ньепса и Дагера вместе с англичанином Талботом, быстро перейдем к нашим пенатам. Российская империя познакомилась с новорожденным искусством «светописи» в 1839 году через член-корреспондента Академии тогдашних наук Гамеля. Он отправился в командировку, лично встретился с зарубежными изобретателями и привез домой понимание физики (и химии) процесса. А сам процесс обещал быть интересным и перспективным, как с точки зрения науки, так и в отношении потенциальной прибыли (и материальной, и творческой).

В июне 1840 года в России открылся первый «художественный кабинет», предназначенный для выполнения портретной фото-живописи. Хозяин заведения, московский изобретатель Алексей Греков, впервые применил в работе кресло с особыми «подпорками», позволявшими поддерживать голову человека в неподвижном состоянии в течение длительного времени. Ведь для того чтобы получить качественный фотопортрет модели образца середины XIX века, клиенту необходимо было недвижимо просидеть (или простоять) не менее получаса. Тот же Греков предложил путь удешевления процесса печати, изъяс из рецепта большое количество ценных металлов, что позволило сделать пра-фотографию (дагеротипию) более дешевой, а соответственно, доступной широкому кругу населения. Но всё равно массовой фотография стала не скоро. Долгое время этот процесс был доступен только очень богатым гражданам. Имеются в виду и потребители (клиенты), и мастера (фотографы).

В провинциальный «закрытый» военный город Николаев фотография как бизнес-процесс пришла спустя почти два десятилетия. Первое официальное (а неофициальных в те времена не могло и появиться) фотоателье возникло в нашем городе в 1859 году. Иван Иванович Монте, уроженец тихого прибалтийского города Рига, кондитер, хозяин знаменитого кафе «Золотой якорь», первым открыл фотографию в Николаеве. Иван (каким было его настоящее родовое имя, мы не знаем) разорился в 1865 году. Что стало причиной, неизвестно, но вполне возможно, что немаловажную роль оказало увлечение столь дорогостоящим хобби, как фотография.

Вторым после Монте николаевским фотографом стал коллежский регистратор Николай Корошов. Его работы широко известны в узких кругах. После открытия фотографии (1 августа 1859 года, если верить некоторым источникам) Николай плодотворно трудился на ниве фотофиксации событий и людей. В конце 60-х и начале 70-х годов XIX века он снимал натурные сюжеты типа: «Постройка округлова двухтрубного броненосца береговой обороны, так называемого «Поповка», за что в 1877 году получил высочайшее право именоваться «фотографом Государя Великого Князя Константина Николаевича». Можно только догадываться, какие привилегии были у обладателя столь высокого титула, но то, что он имел право размещать вензель с именем князя на вывеске и картонных паспарту, – это факт неоспоримый.

В 1886 году Николай Короедов умер. Его жена получила разрешение на содержание фотографического заведения покойного супруга, что и делала (в смысле – содержала) до 1892 года, пока ателье не перешло в руки матери известного инженера и педагога Рюмина, Антонине Альбертовне Энгель-Рюминой, а после – гомельскому мещанину Леонтию Коносевичу (1894-й). Адрес сохранялся прежний – Большая Морская, 35. Фотография под именем Коносевича просуществовала достаточно долго, практически до большевистского переворота. Сам Леонтий Людвигович был награждён в 1900 году золотым именным портсигаром за съёмки спуска на воду броненосца «Князь Потёмкин-Таврический». Вместе с Коносевичем императорскую награду получил другой николаевский фотограф – Лев (Лейба) Эпштейн.

Как водится, хорошая коммерческая идея никогда не приходит в голову только одному или двум бизнесменам. Рядом рано или поздно появится конкурент, который готов приехать издалека, лишь бы только впереди маячила перспектива получения высокой прибыли. Гражданин Австрии Фридрих Франц (Францевич?) Дюрнбек получил разрешение от Николаевского военного губернатора 27 февраля, а от городского полицмейстера 1 марта 1868 года на открытие собственного фотодела на углу Соборной и Спасской (№ 38) в доме Феруза. Через четверть века это ателье купит его многолетний ассистент Василий Галичинский, а ещё через пять лет – Моисей Самуилович Ронес. А уже последний через некоторое время продаст эту фотографию Елизавете Гончаровой.

В апреле 1870-го к военным и полицейским властям Николаева, согласно существующим нормам и правилам, обращается Моисей Вульфович Сталь. Он просит милостивого разрешения на открытие фотографии в доме купца Шлейхера (улица Купеческая) и сообщает о наличии у него соответствующего оборудования и фотографических принадлежностей: камера обскура с объективом и пластинками – одна, треножник – один, негативные кассеты – две, стёкла – три дюжины, головотриматели – три, сатинирная машина – одна. «Головотриматели» – это, вероятно, «головодержатели», которые помогали клиенту удерживать неподвижность в течение времени, необходимого для фиксации нормальной резкости. А что же такое «сатинирная» машина? Вероятнее всего, имеется в виду «сатинирный пресс». Всё дело в том, что фотоработы конца XIX – начала XX веков выдавались клиентам наклеенными на картонные основы (паспарту). Это было вызвано тем, что фотографии употребляли для печати достаточно тонкую альбуминную бумагу, которая сворачивалась сразу же после проявления и закрепления отпечатка. Потому необходимо было не просто наклеивать отпечаток на картон, а в полном смысле *«сплавивать с ним в одно целое»*. И делалось это при помощи специального сатинирного пресса с использованием особого клея.

С развитием технологий количество фотографических ателье и кабинетов в Николаеве увеличивается. В 1874 году Адольф Вильгельм-Эдуард Зегер на углу Никольской и Московской, а Антон Случановский в доме Гаха (на Купеческой № 32) практически одновременно открывают свои заведения. В 1875-м в новый бизнес входит николаевская мещанка Анастасия Чеботарёва («Универсальная фотография»), в 1882 году – мещанин Фёдор Бородаев (угол Спасской и Малой Морской), в 1886 году – турецкоподданный Яков Гольденберг (Купеческая, 53). Яков ранее работал управляющим у Анастасии Чеботарёвой, а набравшись опыта, открыл свою первую фотографию на углу Одесской и 5-й Слободской. Три года спустя он презентует второе заведение в доме на улице Соборной. По данным на осень 1887 года в Николаеве работают, минимум, пять фотоателье: Дюрнбека, Короедова (наследники), Анастасии Чеботарёвой, Бородаева и Гольденберга.

В ноябре 1888 года полковник в отставке Константин Вангели получил разрешение на открытие фотографии по улице Большой Морской, 44. Горы-Горецкий мещанин Мендель Мордухович Криммер открыл спустя пять лет фотографию на углу Соборной и Никольской (дом 37). Позже Мендель переехал на Потёмкинскую, 53. В двадцатом веке он принимал клиентов на Большой Морской, 44 в доме Давидзона, через некоторое время на Соборной в доме Каменского и на углу Соборной и Морской в доме Утца. Криммер был одним из самых плодовитых фотографов. Огромное количество фотопортретов жителей и гостей Николаева, сделанных в разные годы в ателье Криммера, говорит о правильно поставленном производственном процессе и относительной доступности стоимости услуги для достаточно широкого круга горожан.

В 1895 году на Большой Морской, 29 баденскоподданный (да-да, существовало такое Великое герцогство Баденское) Павел Вальтер открыл фотографическое заведение, которое просуществовало всего пару лет. В 1898 году по улице Одесской (сегодня – Потёмкинская) своё ателье презентовал Илья Григорьевич Евсеев.

В октябре 1900 года Канцелярия Николаевского Градоначальника созывает лиц, коим выданы Военным Губернатором Свидетельства *«на право содержания различных заведений, находящихся в ведении наблюдающих за фотографиями, типографиями, книжной торговлей и тому подобными заведениями»*. Среди них Криммер, Ронес и другие. В этом же году Крутянская (Подольской губернии) мещанка Клара Шаева (Шаевна, Исаевна) Розензон пишет прошение в Канцелярию николаевского военного губернатора: *«Желая открыть в городе Николаеве фотографическое заведение, которое будет помещаться по Соборной улице в доме Каменской, где уже находилась фотография, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне разрешение на устройство таковой в сказанном помещении. При сём имею честь присовокупить, что я в течение нескольких лет работала в первоклассных фотографиях: Кондрецкого в Кишинёве и Тираспольского в Одессе, отзывы коих могу предоставить в случае надобности»*. Канцелярия тут же просит пристава Московской части Николаева *«собрать и сообщить сведения: о поведении, нравственных качествах, образе жизни, семейном положении и мечтах, а также и о времени, с которого проживает в городе Николаеве, и понять, насколько она знает фотографическое дело и имеет ли личные достаточные средства для открытия фотографии»*.

Спустя короткое время начальник жандармского управления уведомляет, что о Кларе Розензон неблагоприятных сведений в делах управления не имеется. В то же время фотограф Павел Мойшевич Кондрецкий (город Кишинёв) пишет, что Клара Исаевна Розензон *«в продолжение пяти лет служила у меня в качестве помощницы, причём всё время служения у меня была очень исправна и вполне понимала фотографическое дело»*. Пристав уведомил канцелярию Губернатора, что Клара Розензон *«28 лет от роду в Николаеве проживает с 1 декабря прошлого года. За это время поведение и нравственные качества были хорошими, под судом и следствием не была, недвижимого имущества не имеет. Семейное положение её состоит из матери Эстер – 55 лет, братьев Абрама – 23 года и Филмы – 16 лет, а также сестры Марии – 20 лет. Фотографическое дело знает, ибо служила восемь лет ретушером в Одессе и Кишинёве и для открытия фотографии имеет до 1800 рублей»*.

После чего от Губернатора последовало положительное решение, и было подписано Свидетельство о том, что Кларе Шаевой Розензон *«разрешено открыть фотографию в Московской части по Соборной улице в доме Каменской и содержать её, но с тем, чтобы со стороны Розензон были соблюдаемы и исполняемы существующие на сей предмет законоположения и правила. При первом же нарушении в чём бы то ни было, правил содержания фотографических заведений, выданное Розензон разрешение будет немедленно отобрано»*.

Стоит заметить, что в те годы (ох уж этот суровый царский режим!) разрешение от городских – а в случае Николаева ещё и военных – властей надо было получать не только желающим открыть фото-бизнес, но и фотографам-любителям. В 1896 году с подобной просьбой обратился штабс-капитан в отставке Алексей Михайлович Вахнин, который собирался фотографировать николаевские улицы, дома, коммерческие пристани, пароходы и суда. Без всякого ателье.

Подводя итог рассказу о фотографах девятнадцатого века, приведём список николаевских мастеров, имевших Свидетельства на ведение этого бизнеса в 1900 году: Криммер (две фотографии), Роне, Данилов, Рюмина, Гончарова, Коносевиц, Вальтер, Шифрин, Ганиченский, Ронес, Эпштейн, Мальта, Вангели, Фёдоров. Век двадцатый для фотографов-профессионалов и фотолюбителей был ещё более насыщенным и интересным, но это тема следующих статей.

Любаров Юрий Иосифович («Йосич»). Родился 18 марта 1965 года. Окончил физмат Николаевского пединститута. Был автором, актёром и главным режиссёром первого в СССР эротико-юмористического театра-студии «Тет-а-тет». Работал главным режиссёром ТРК ТОНИС (1992–1995), главным режиссёром ТРК НИС-ТВ (1995–2013), режиссёром николаевского филиала Киевского университета культуры и искусств. В данное время руководит детским городком «Сказка». Главный режиссёр международных фестивалей: «Бархатный сезон» (1993–1995), «Кобле-ВО!» (2001–2005). Автор команды КВН «Гусары» (Москва) – чемпионов Высшей лиги СНГ (1995–2000). Автор книг для детей и взрослых: «Старый Николаев», «Николаев – 220 лет», «Закон Ома». Две последние написаны в соавторстве с Сергеем Гавриловым. Автор песен и пьес. Окончил курсы практической драматургии (Москва).

МАРШРУТЫ «СПАССКОГО ТРАМВАЯ»

Поэтическая акция или мини-фестиваль?

Начиналось лето. В заброшенном ДОФе крутили «Кино под акациями», на Лагерном поле музыканты децибелами встречали закаты и рассветы, в «Галерее на Спасской, 45» рассказывали о Николаеве картины Рустама Мирзоева. А что же поэты? Поэтический фестиваль «Ватерлиния» взял тайм-аут; литературники в «подвалах» напоминали, скорее, междусобойчики начинающих, на которых хорошая поэзия – редкость; чтения в библиотеках интересны, но как вплести в них солнце, воздух, запах реки, старые городские стены из тёплого ракушечника?.. Именно тогда, в начале лета 2015 года, в среде николаевских поэтов возникла идея провести литературный фестиваль.

Лирическое отступление – 1

Позволю себе кратко охарактеризовать публичную литературную жизнь Николаева в тот период. Она делится на две части: «официоз» и «андеграунд».

Под словом «официоз» понимаю любые выступления в казённых помещениях. Зачастую это творческие вечера известных авторов, приуроченные к выходу книг или юбилейным датам. На таких чтениях, как правило, звучит хорошая поэзия, которую, увы, почти всегда забывает непомерное количество долгих и скучных речей. Ну и какой же официоз без вице-губернаторов, начальников отделов культуры или их заместителей, которым обязательно нужно дать слово, ещё и в порядке «значимости»? Плюс обстановка: «строгая» мебель, остатки «советского прошлого», выглядывающие из-под частичного евроремонта, и, как следствие, – мгновенно оживающая школьная «наука»: в таких местах сидеть смиренно и делать умное лицо. Вот и оказывается хорошая поэзия погребённой под грудой официоза, как это слово ни понимай.

Что касается «андеграунда», то в Николаеве это «посиделки» пишущей братии по пивным. Хорошая поэзия там соседствует с откровенным шлаком, читать приходится под истовое чоканье толстостенных бокалов и совсем не шёпотом. Да, вольница, отсутствие цензуры, никаких тебе «салфетку – туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста-мерси». Режь правду-матку, жги, поражай харизмой. Но, к сожалению (или к счастью), далеко не каждый автор может и хочет читать в таких условиях. Есть темы, которые требуют тишины, внимательных глаз, желания вслушаться, проникнуть и проникнуться. И потом, умение перекричать шум толпы вовсе не равно умению до-

стучаться до сердца. Отдельно – о цензуре. Её не должно быть. Но она должна быть. А всё потому, что подавляющее большинство авторов, употребляющих ненормативную лексику в своих текстах, делают это беспомощно, ради привлечения внимания и эпатажа. Провальная тактика, которую очень часто наблюдаешь на встречах «андеграунда». Впрочем, в Николаеве есть поэты, умеющие грамотно оперировать крепкими словами в своих текстах. И это у них получается оправданно и вкусно.

Где же «золотая середина»? Как совместить «официоз» и «андеграунд»? А может, нужно придумать что-то новое?

Арт-проект «Спасский трамвай» и стал попыткой создать новый формат поэтических чтений. Конечно, речь далеко не только о выступлениях поэтов. И всё же хотелось бы подчеркнуть, что ядро фестиваля – именно поэзия, авторы, тексты.

Многие СМИ, освещавшие фестиваль, говорили – не ново. Были уже в Николаеве и фестивали, и трамвайные экскурсии, и чтения всех мастей. Никого этим не удивить. И они правы, если не вникать в суть. Да, «Спасский трамвай» использует известные приёмы, но очень строг в вопросах качества.

Именно этим он отличается от всего, что проводилось и проводится в Николаеве в этой сфере. На «Спасском трамвае» всё на высоком уровне: и организация, и сценарий, и тексты авторов, и музыка, и сочетание жанров. Для организаторов фестиваля нет мелочей. Кроме того, большое внимание уделяется атмосфере, обстановке. Важно, чтобы и авторам, и гостям фестиваля было комфортно, чтобы «локация» радовала глаз, чтобы в воздухе витал аромат приятно проводимого времени.

Так какой же он – историко-литературный фестиваль «Спасский трамвай»?

Структура фестиваля

В самом общем смысле фестиваль состоит из двух частей: экскурсии на трамвае и поэтических чтений.

Да, трамваи есть во многих городах. Но далеко не во всех из них они проходят по такому фантастическому отрезку, как николаевский Спасский спуск.

Прямая от ДК Строителей до Яхт-клуба. Старый город. Катишься прямо в закат. Река. Столетние акации. Прошлое города говорит с тобой. А потом разворот – и обратно – по старинной Потёмкинской, изломанной корнями деревьев-старожилов и осенённой тенью исполинских крон, – до «Народного сада» (бывший парк Петровского). Чудесный маршрут! Он уже стал традиционным для «Спасского трамвая». Поездку сопровождает экскурсия, которую проводит постоянный экскурсовод фестиваля Евгений Парамонов. Проведение экскурсий для него – не профессия. Просто он любит Николаев. Эта любовь делает его внимательным к деталям, терпеливым в поисках ответов на вопросы, настойчивым в желании докопаться до сути. Экскурсии Евгения Парамонова – не сухое изложение фактов, а увлекательный рассказ о прошлом города, о его жителях, о чертах и чёрточках Николаева. Трамвайная прогулка может дополняться различными интересными затеями. К примеру, на зимнем «трамвае» пассажиров спецрейса угощали глинтвейном.

Вторая часть фестиваля – поэтические чтения. Список участников «Спасского трамвая» достаточно обширен. Это николаевские поэты Аркадий Суров, Олег Духовный, Олег Палам, Ксана Коваленко, Олег Дорош, Ольга Сквирская, Артём Куцолабский, Евгений Пивень, Нина Паламарчук, Сергей Зубец, Юлия Шokol, Евгений Уманов, Ирина Павленко, Татьяна Милевская. На фестиваль также приезжали поэты из других городов: Евгения Краснаярова – из Одессы и Юлия Баткилина – из Харькова. Конечно, география участников будет расширяться. И хотелось бы, чтобы на «Спасский трамвай» приезжали не только специально приглашённые гости, но и просто жители других городов – посмотреть, что у нас тут делается.

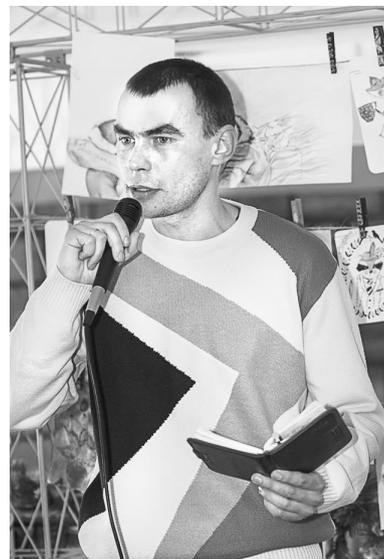
*Ольга Сквирская,
поэт, организатор арт-проекта
«Спасский трамвай»*

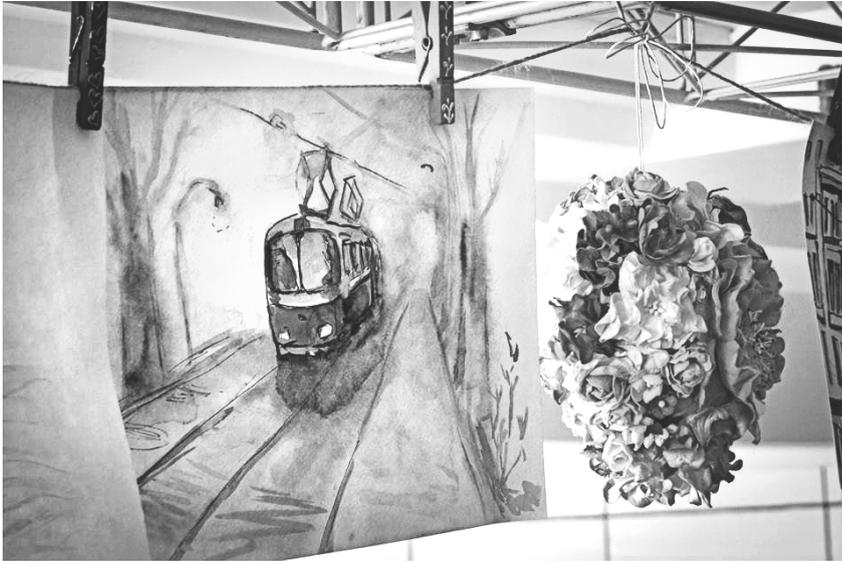

Раздел «поэтические чтения», как упоминалось выше, представляет собой не только выступления поэтов. На «Спасском трамвае» всегда много музыки. В летнем действе приняли участие николаевские музыканты Сергей Карабут и Александр Балашов, осенью играло джазовое трио в составе Германа Кравченко (гитара, вокал), Сергея Карабута (гитара) и Константина Мухина (кахоне), зимой мы слушали саксофон (Станислав Комарницкий). Чтобы ещё больше разнообразить фестиваль, сделать его интересным для широкого круга людей, активно привлекаются представители самых разных творческих направлений: фотографы, художники, файерщики. Мечтается о танцорах, умельцах рисовать на песке и поражать воображение всякими другими способами.

Лирическое отступление – 2

В начале осени 2015 года общественное объединение «ART-Оптимисты» привозило в Николаев устроителя карнавала в Бэлфасте Дэвида Бойда. Этот человек рассказал о том, как его идея, возникшая 20 лет назад, изменила этот ирландский город. Бэлфаст всю свою историю «славился» напряжённой криминогенной обстановкой, противостоянию католиков и протестантов не было конца. А потом Дэвид Бойд придумал карнавал. Он пригласил художников, артистов, музыкантов и всех желающих пройти по улицам города в ярких нарядах, с песнями и танцами. И так каждый год в течение 20 лет. Этот карнавал объединил противоборствующие стороны. Пусть не на сто процентов, но ситуация смягчилась. Большой карнавал проводится один раз в год, а в остальное время под

маркой проекта проходят небольшие культурные акции, которые также наполняют жизнь города миром и духом творчества.

После рассказа Дэвида Бойда захотелось перенять эту идею. Раз в году (летом, к примеру) – большой фестиваль, а в течение года – встречи поменьше.

Объединяющий и миротворческий фактор – не на последнем месте. Поэзия не имеет политической принадлежности. На сцену «Спасского трамвая» выходят авторы с различными политическими убеждениями, говорящие на разных языках. Но это не влияет на главное свойство их поэзии – затрагивать глубинные струны человеческой души. Именно поэтому основной критерий отбора авторов для участия в «Спасском трамвае» – высокий уровень их текстов.

Лето, осень, зима...

Итак, 23 августа 2015 года состоялся первый «Спасский трамвай», который организаторы назвали арт-пикником. Изначально хотелось отойти от слова «фестиваль». Оно казалось слишком масштабным, обязывающим, подразумевало проведение конкурса, определение победителей. Локацией для проведения поэтических чтений был выбран бывший дом отдыха «Коммунар» на улице Спортивной. Дивное место! Романтическое запустение, близость реки, летняя сцена с колоннами... К слову, поэтические чтения на первом «трамвае» завершились слэмом – битвой поэтов. Это борьба не столько текстов, сколько харизм. Впрочем, тогда победило соединение того и другого, продемонстрированное автором иронической прозы и поэзии Евгением Умановым.

Первый «трамвай» показал – удалось. Гостей и участников было около сотни. Соцсети пестрели хвалебными отзывами. Сразу же захотелось продолжения.

И уже 3 октября прошёл второй «трамвай», который назывался «Арт-прогулка «Из депо – в «Депо»». Сбор на экскурсию проходил у трамвайного депо № 1, а поэтические чтения проводились на другом конце города в кафе-музее «Депо». Отсюда и название. К николаевским авторам добавилась гостья из Одессы, поэт Евгения Красноярова.

14 февраля этого года состоялся «Спасский трамвай – 3» под названием «Арт-диалог «Зимний маршрут»». К экскурсии на трамвае, поэтическим чтениям и музыке присоединилась благотворительная «сушка» открыток художника-аматора Жанны Величко. На собранные деньги Жанна купила ингалятор для девочки-астматика из малообеспеченной семьи. А специальным гостем на этот раз стала поэт из Харькова Юлия Баткилина.

Опыт показал, что это удачная идея – проводить в год четыре «Спасских трамвая»: летний, осенний, зимний и весенний. У каждого времени года – своя специфика, своё настроение, которое можно удачно использовать для фестиваля.

Несколько слов о месте проведения поэтических чтений. Если в тёплое время года самый удачный вариант – open air (под открытым небом), то где расположиться в холода? Чтобы и уют, и современный интерьер, и интересный дизайн, и кофе выпить можно было. Оказалось, что найти подходящую локацию в Николаеве – проблема. Ведь кроме прочих условий, нужно ещё и разместить хотя бы 50 человек (а лучше больше). Увы, в нашем городе не распространено такое понятие, как «арт-кафе». Спроса нет. Но почему бы не начать формировать этот спрос? На помощь пришло заведение, которое появилось в Николаеве в конце лета, – кафе-музей «Депо». Оно соответствовало всем пожеланиям, а главное – очень подходило тематически. Таким образом, у фестиваля появилась локация-партнёр.

Команда фестиваля

Конечно, сделать так, чтобы всё работало слаженно, не было никаких заминок и сбоев, непросто. Секрет – в команде. Люди, которые делают фестиваль, должны быть предельно ответственными и надёжными. «Спасскому трамваю» повезло с командой. Правая рука проекта – Роланд Байрозян. В городе его знают как руководителя молодёжной общественной организации «Альтер-спорт». Роланд полностью обеспечивает техническую поддержку фестиваля и в силу креативности мышления наполняет проект идеями. Ещё один член команды – экскурсовод «Спасского трамвая» Евгений Парамонов, который не только проводит экскурсии, но также незаменим во время «мозгового штурма». Дальше – Юрий Сквирский. Это не только идеи, но и финансирование проекта, о чём пойдёт речь ниже. Верный друг проекта – веб-дизайнер Екатерина Середа, которая делала афиши для осеннего и зимнего «трамваев». Первую афишу изготовил дизайнер Александр Демитер. В её основу легла картина Рустама Мирзоева из серии «Полуденный маршрут», которую художник предоставил про-

екту совершенно бесплатно. Эта работа стала визитной карточкой фестиваля. В команде «Спасского трамвая» есть и журналисты. Прежде всего, это оператор Сергей Каланжов, журналист и фотохудожник Александр Сайковский, а также Артём Куцолабский, который является не только постоянным автором – участником проекта, но и оказывает информационную поддержку. Неотъемлемая часть команды – кафе-музей «Депо», которое всегда радушно принимает участников и гостей фестиваля в своих стенах. После зимнего этапа проекта к нам присоединилась также художник-аматор Жанна Величко. Она не только рисует акварельные открытки и устраивает благотворительные ярмарки. Жанна обладает дизайнерским видением и может, к примеру, оформить «фото-зону» – место, где выступают авторы. И есть ещё много людей, которые помогают фестивалю: услугами, реквизитом, договорённостями, делами. И делают это бескорыстно.

Финансирование

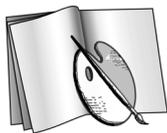
Первый «Спасский трамвай» был сделан практически без денег. Организаторы из своего кармана заплатили только за аренду трамвая, и все участники и гости фестиваля внесли 10 гривен за вход на территорию дома отдыха «Коммунар», где проводились чтения. Но так можно сделать один раз. Если хочешь, чтобы проект не был местечковым, тусклым и однообразным, в него нужно вкладывать средства. Есть моменты, которые не решить дружескими договорённостями. Например, аренда трамвая, или заказ баннеров, или вызов такси для перевозки аппаратуры, да и аренда аппаратуры стоит денег. На сегодняшний день проект «Спасский трамвай» финансируется за средства семьи организатора фестиваля – поэта Ольги Сквирской. Конечно, в планах – искать финансирование, обращаться к меценатам и организациям-грантодателям. Хотелось бы, чтобы и местные власти заметили фестиваль. Тем более что впереди – весенний «трамвай».

Если быть до конца честным, у фестиваля «Спасский трамвай» нет никакой сверхзадачи или чётких целей. Он делается для удовольствия. Одним нравится организовывать, другим – приходить и слушать поэзию, третьим – пить кофе в уютной обстановке, слушать музыку (а заодно и поэтов), ощущать себя причастным к культурной жизни города. Или просто к жизни.

Приходите на «Спасский трамвай». Приятно проведёте время. Вот и будет выполнена главная задача.

*Ольга Сквирская,
поэт, организатор арт-проекта «Спасский трамвай»*

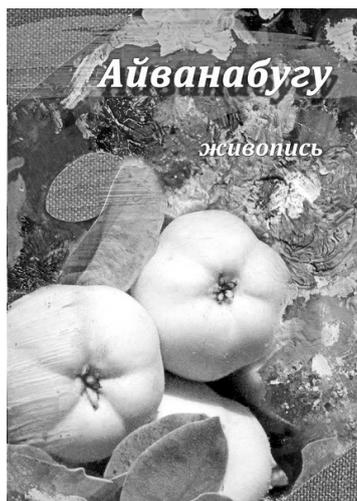
Фотографии Александра Сайковского и Артёма Куцолабского

Наталья САПАК

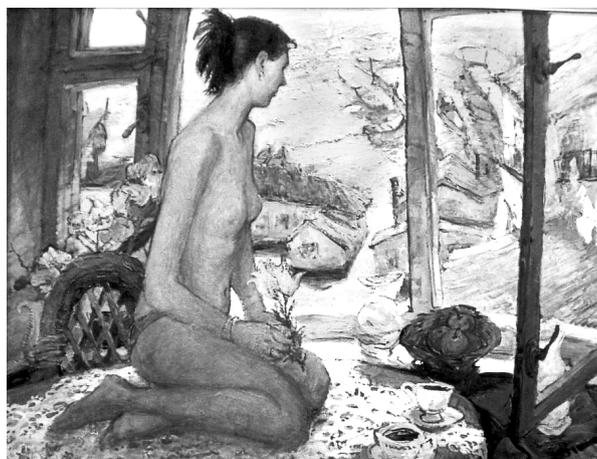
«АЙВАНАБУГУ». НА ПУТИ К МАСТЕРСТВУ

Как поясняют участники творческого содружества молодых николаевских художников, название их объединения – «Айванабугу» – символизирует тепло и солнце родного края. Южный плод (айва), знак любви и плодородия, как бы аккумулирует их чувства любви к Николаеву.

Афиша выставки
«Айванабугу»

художественных специальностей, подготовкой которых исконно занимались столичные вузы, отвечало требованиям времени, свидетельствовало о высоком профессиональном потенциале николаевских художников-наставников, способных готовить на «периферии» специалистов престижных творческих профессий. Конечно, такое предприятие было бы невозможным без поддержки Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры и её ректора – народного художника СССР, академика А. В. Чебыкина. На основе учебных планов Академии и была построена академическая подготовка будущих специалистов.

Дмитрий Савелюк. «Мой причал» (2013)

Необычное словосочетание номинации рождает в воображении южный солнечный пейзаж, ровную гладь тёплой речной воды, цветущий фруктовый сад или горы южных фруктов на закате лета и тёплой сентябрьской осенью. Именно так – «Айванабугу» – назвали они свою первую совместную выставку, а потом и творческое объединение.

Как же могло появиться на нашем художественном небосклоне такое содружество молодых живописцев? Может быть, потому что они уроженцы южного региона Украины, или потому что получили профессиональную подготовку в одном и том же учебном заведении, или потому что дружны и не захотели разлучаться после учёбы, устраивая совместные выставки; или, наконец, их объединили творческие поиски, интерес к общей тематике, излюбленным сюжетам, образам? Все эти предположения соответствуют истине.

А начиналось всё так. В 2001 году в Николаевском филиале Киевского национального университета культуры и искусств была открыта кафедра реставрации и графического дизайна. Инициатива создания такой кафедры принадлежала известным николаевским художникам О. К. Приходько, Ю. А. Макушину, Д. Л. Болякову. Открытие

К абитуриентам, желающим поступить на специальность «реставрация произведений станковой и монументальной живописи», предъявлялись высокие требования. Конкурс на специальность был самым большим. Уже на вступительных экзаменах будущие студенты должны были показать основательные навыки в рисунке, живописи, композиции. Вступительная комиссия придирчиво разбирала работы каждого абитуриента, обсуждала каждую кандидатуру. Такой принцип отбора гарантировал хороший стартовый уровень студентов, а требовательность преподавателей и их профессиональная подготовка стали залогом постоянного совершенствования учебного процесса.

С самого начала в кафедральной среде сложилась атмосфера внимательного и уважительного отношения к студентам, что, в свою оче-

редь, способствовало сплочению молодежи. Увлечённость профессией, постоянная творческая работа художников-преподавателей стимулировали активность будущих реставраторов в учебном процессе, самоподготовку. Студенты постоянно посещали выставки, мастерские своих педагогов, выходили на этюды. В вечернее время в университетских аудиториях продолжалась работа. Из окон четвёртого этажа общежития на улице Фалеевской открывается чудесный вид старых кварталов Николаева, в лучах заходящего солнца студенты писали величественный силуэт костёла или панораму города с видом на реку Ингул.

Базовые дисциплины преподавали известные деятели изобразительного искусства: скульптор Ю. А. Макушин и живописец О. К. Приходько. Они познакомили своих учеников с фундаментальными основами рисунка и живописи. Юрий Андреевич умело адаптировал учебный курс академического рисунка к требованиям будущей профессии студентов. Большое внимание уделялось самостоятельным наброскам, выполненным по наблюдению и по памяти. О. К. Приходько, прекрасный живописец, требовал от студентов планомерной работы над аудиторными постановками. В то же время обязательной была работа над этюдами и композициями на свободную тему. Большое внимание мы уделяли копированию произведений старых мастеров как обязательной дисциплине, способствующей пониманию техники и технологии живописи.

По инициативе главы Николаевской организации Национального союза художников Украины О. К. Приходько в университете была открыта галерея «Имена». Поэтому без отрыва от занятий студенты имели возможность знакомиться с искусством ведущих украинских мастеров. Здесь экспонировали свои работы – ректор Киевской национальной академии изобразительного искусства и архитектуры А. В. Чебыкин, профессора академии М. Гуйда, Н. И. Компанец, известные одесские и николаевские художники, преподаватели кафедры.

На «реставрации» студенты постигали много специальных дисциплин. Главная роль в формировании их профессиональных навыков принадлежала Д. Л. Болякову. Живописец, мастер-реставратор и опытный педагог, выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, он делился со студентами своими богатыми знаниями и навыками, демонстрировал этапы и ход реставрационной работы. Выполнение практических заданий – иконописание по образцам (согласно иконографии), реставрация произведений масляной и темперной живописи – давало

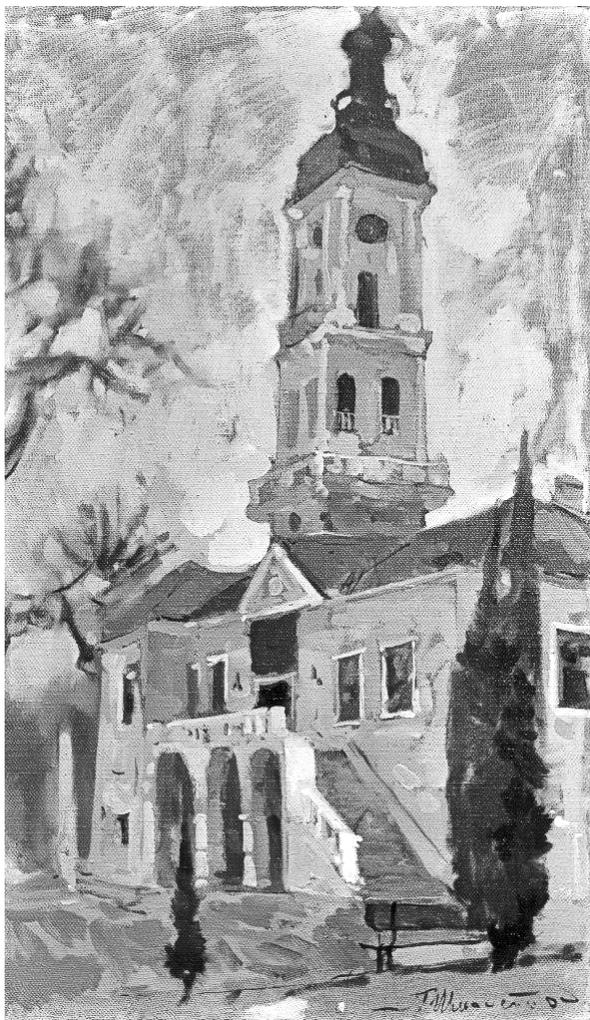
Сергей Дон. «Архи» (2012)

Тимур Такиров. «Улица Каменца» (2014)

Николай Плехов. «Яхт-клуб «Омега» (2012)

Тарас Шмаленко. «Русская брама» (2015)

Александр Вишначенко. «Теснота I» (2013)

ребятам хороший импульс в овладении секретами профессии. За четыре года учёбы студенты (будущие бакалавры) осваивали главные виды реставрационной работы.

А в летнее время их ждала любимая практика – необозримые степные просторы Николаевской области, пейзажи солнечного Крыма. Возможность выехать на несколько недель вместе с педагогами на настоящий пленэр и работать бок о бок с уважаемыми наставниками – настоящая удача. Результатом таких поездок были многочисленные пейзажи. А базой учебной и производственной практик были музей им. В. В. Верещагина и краеведческий музей, где под началом Д. Л. Болякова студенты реставрировали произведения живописи. Особенно памятной стала реставрация под руководством профессора Национальной академии изобразительного искусства и архитектуры Н. Ф. Титова огромного живописного полотна – картины И. К. Айвазовского «А. С. Пушкин на берегу Чёрного моря».

За четыре года пребывания в университете будущие реставраторы приобретали основательные теоретические знания, хорошие практические навыки. Совместная учёба, творческая работа объединили студентов, открывалась перспектива на продолжение образования в главном художественном учебном заведении Украины – Киевской академии художеств. А когда лучшие выпускники были направлены Киев, то и там они были рядом, поддерживая и помогая друг другу.

Два года учёбы в Киеве прошли в каждодневном кропотливом труде. Занятия в академии закрепили и расширили профессиональный кругозор молодых николаевских художников, способствовали дальнейшему творческому росту. Они продолжали осваивать тонкости профессии, успешно защитили дипломные магистерские работы. Дружбу, сложившуюся в студенческие годы, было решено продолжать на творческой ниве совместными выставками. Так и появилось творческое объединение «Айванабугу». И это уже история.

Живописцы, реставраторы, иконописцы

Что же собой представляет творчество участников группы? Есть ли у них объединяющие черты?

Их формирование как художников проходило в нескольких параллелях. Во-первых, они реставраторы масляной и темперной живописи. Во-вторых, живописцы, владеющие всеми известными техниками. В-третьих, иконописцы, т.е. мастера писания по каноническим образцам. В

двух ипостасях – как живописцы и как иконописцы – они и представляют себя на выставках.

Главное, что восприняли молодые художники у педагогов, – это то, что творческий рост возможен только при условии постоянного профессионального совершенствования, неустанного поиска выразительных художественных средств. Помимо владения академическими основами ремесла, они много и плодотворно работают на пленэре. Такой путь формирования профессионала не случаен. Ведь традиции пленэрной школы юга, представителями которой являются и николаевские художники, хорошо известны в Украине и в европейском искусстве. Не зря яркий и самобытный О. К. Приходько неустанно добивался от студентов чистоты и звучности живописной палитры, искоренял «черноту», воспитывал живописную культуру через умение сопоставлять главное и второстепенное и посредством колорита передавать эмоциональное впечатление. Поэтому, пожалуй, наиболее оригинальной стороной творчества представителей содружества молодых можно считать цвет и ещё эмоциональную живописную манеру. Такое естественное сочетание техники и колорита даёт интересный, а в руках профессионала талантливый, результат.

Конечно, молодым живописцам предстоит много работать над индивидуальной манерой, кругом интересующих сюжетов и образов. Но уже сейчас можно назвать пейзаж главной составляющей их творчества. Причём природа как среда обитания приобретает в их работах разную степень взаимодействия с человеком – от активного побуждения до пассивного созерцания.

В лучших традициях городского пейзажа выполнены работы Сергея Дона «Кафе» (2010), «Арки» (2012). В них покойный, приглушённый колорит передаёт фактурную плотность зданий, кроны молодых деревьев оживляют эмоционально вибрирующие тени, и освещённая солнцем стена в пролёте арки. Действие, построенное посредством фрагментарной композиции, создаёт впечатление кратковременности, что позволяет воспринимать картины как этюды, написанные за один-два сеанса.

Тимур Такиров строит пейзажное действие на основе натуральных наблюдений, но с большой долей обобщений. Так, в работе «Улица Каменца» (2014) он акцентирует внимание на мощи крон вековых деревьев и подкрепляет их мажорное звучание светлой, вибрирующей от солнца полосой тротуара. Живописный приём создаёт впечатление фейерверка цветных мазков-кристаллов и удачно передаёт ощущение пышной и богатой оттенками цветов летней зелени.

Никита Боляков. Иоанн Цимисхий (левая часть триптиха «Битва при Доростоле», 2008)

Николай Плехов, Дмитрий Савелюк. Икона «Собор святых Иоаннов» (2015)

Тарас Шмаленко предпочитает ставить в центр изображения главный объект, подкрепляя впечатление от него окружающими предметами и элементами пейзажа. Интересны его этюды, написанные во время летнего пленэра прошлого года. В работе «Русская брама» архитектурный памятник максимально приближён к зрителю, величав в своём вековом молчании. Продолжение жизни памятника в современном реальном мире хорошо ощущается через движение широкого мазка, передающего тени на земле, бег облаков, колебание ветвей деревьев.

Разноплановы по восприятию природы и приёмам её передачи работы Николая Плехова. Художник постоянно экспериментирует. Он использует широкий диапазон художественных средств в зависимости от поставленной задачи. Так, в работе «Киев» (2010) с высоты птичьего полёта передана перспектива исторической части города с двумя площадями – Софиевской и Михайловской. Задача художника заключается в передаче общего радостно-торжественного впечатления. Он работает «сухой кистью». Такой приём даёт возможность подчеркнуть характерное в силуэтах памятников и не растворить общее впечатление от солнечного уголка Киева с повседневным ритмом жизни.

Вид «Свято-Георгиевского монастыря» (2011) выполнен в традициях национальной пейзажной школы, а работа «Яхт-клуб «Омега» (2012) невольно обращена к поискам французских модернистов. Экспрессивная живописная манера, противопоставление насыщенных контрастных пятен цвета, солнечные блики на воде передают впечатление летнего речного пейзажа.

Яркой декоративностью отличаются работы Александра Виштаченко. В них очевидно переосмысление живописных основ национальных художественных школ Западной Украины. К примеру, в работе «Улицами Старого Кракова» (2012) все изобразительные составляющие: линия, цвет, композиция, живописная манера – подчинены передаче динамичной атмосферы исторической части города.

Колористической насыщенностью отличается и его другая картина. «Теснота 1» – так называется композиция, выразительно передающая фигуру обнажённого атлета, замкнутого в тесные рамки квадрата. Ритм мышц, их движение организуют объём, превращённый художником в некий идеализированный механизм. Здесь традиции классического искусства объединены с другими живописными методами, что в результате приводит к единому индивидуальному стилю.

Эксперимент лежит в основе творческих поисков Дмитрия Савелюка. Он с интересом работает в разных жанрах или объединяет в пределах одного произведения несколько жанров. «Мой причал» (2013), как и другие его работы, отличает философский взгляд на жизнь, а конкретика названия не ограничена определённым пейзажным мотивом. Она продолжена в образе девушки, цветке в её руках, предметах натюрморта, в общей атмосфере пронизанного свежестью и ясной чистотой летнего дня.

Более прозаично, на первый взгляд, воспринимается работа «Яна» (2013). Но и здесь художник не перешёл грань, когда бытовое действие обнажено в своей натуралистической правдоподобности. Высветленная цветовая гамма, лёгкий графический рисунок придают образу и повседневному действию некое философское таинство.

Несколько особняком в ряду молодых художников стоит Никита Боляков. Для продолжения учёбы в Киевской академии художеств он избрал мастерскую исторической живописи народного художника Украины Ф. М. Гуменюка. Юношу всегда интересовала история. В Николаеве он участвовал в исторических реконструкциях средневековых турниров, изучал и сам мастерил воинские доспехи. В своём интересе к прошлому он утвердился ещё больше, когда для дипломной магистерской работы в академии выбрал тему военного похода князя Святослава в 971 году против Византии. Триптих «Битва при Доростоле» (2008) передаёт напряжённость противостояния двух исторических личностей – киевского князя и византийского императора Иоанна Цимисхия. Сложная многофигурная композиция, выразительные, динамичные позы и жесты героев, приглушённая с всплесками ярких пятен колористическая гамма создают убедительную картину события тысячелетней давности. В настоящее время триптих экспонируется в Киевском музее Вооружённых Сил Украины.

Выразительны в своём вековом молчании и архитектурные пейзажи художника. Величественный памятник истории «Крепость. Хотин» (2011) как бы вырастает из земли и упирается в небо. Восхищение автора его красотой и мощью передаётся зрителю.

Молодые художники много и талантливо работают как иконописцы. Знание иконографии, владение методикой написания христианских образов и сюжетов – важная составляющая творчества. От образов отдельных святых до сложных многофигурных праздничных сюжетов, от небольшого размера иконной доски до иконостаса – таков масштаб их работ. И хотя создание таких произведений обусловлено чёткими канонами иконографии, профессиональный мастер привносит в икону частицу

Выставка «Айванабугу» в выставочном зале Союза художников. Николаев. 2012

своего сердца, своей души. Так было во времена Андрея Рублёва, так работают сегодня художники, посвятившие себя увлекательному делу иконотворчества. Об их профессионализме уже можно судить по значительному объёму выполненных работ. Д. Савелюк и Н. Плехов являются создателями алтарных икон и иконостасов для женских монастырей – Свято-Георгиевского в Черниговской области и Сергиевой пустыни в Закарпатской области (Мукачевский район), иконостаса собора в Уманском районе Черкасской области. Т. Шмаленко создаёт аналойные иконы, отличающиеся тонкостью и ажурностью миниатюрного письма. Работают в культовой живописи А. Виштаченко и Т. Такиров – преподаватели Каменец-Подольского национального университета, педагогический факультет (специальность «Реставрация произведений искусства»).

Созданное молодыми художниками содружество даёт повод к постоянному творческому общению, поиску, организации выставок и встречам со зрителем. Первая выставка «Айванабугу», организованная в 2010 году, собрала пять участников из тех, кто первым выпорхнул из дома в Киев для продолжения учёбы. В дальнейшем к ним присоединились выпускники следующих лет, также приехавшие на учёбу в академию: Екатерина Цюпка, Людмила Царёва, Дарья Пинчук. Членами объединения стали Юрий Ященко, Мария Жарова, работающие в Николаеве, Геннадий Пономарь из Нового Буга. Несмотря на то, что художники живут в разных городах, они регулярно собираются на вернисажах объединения, которые уже состоялись в Хмельницком, Каменец-Подольском, Одессе. Самой благодарной зрительской аудиторией, конечно, является Николаев. Не проходит года, чтобы молодые мастера не показали свои новые работы в выставочном зале Национального союза художников, в Николаевском филиале КНУКиИ, в музее им. В. В. Верещагина или в «Галерее на Спасской, 45». В их планах – устройство очередной выставки в родном городе.

Творчество воспитанников николаевской школы вызывает заслуженный интерес. Смело заявив о себе, они постоянно реализуют новые творческие планы, демонстрируют красоту и многообразие окружающего мира.

Сапак Наталья Викторовна. *Кандидат искусствоведения, доцент кафедры дизайна НФ КНУКиИ. Автор более 25 научных публикаций по истории и теории искусства. Преподаёт дисциплины: «История изобразительного искусства», «История декоративно-прикладного искусства», «Искусствознание».*

Евгения КРУЧИНИНА

«ХУДОЖКА»: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВДОХНОВЕНИЯ

В самом центре старого Николаева, в элитной его части, стоит красивый особняк начала XX века, построенный в стиле «неомодерн». В историю архитектуры старого города он вошёл под названием «Дом Эрлиха» (по имени его бывшего владельца – известного хлебного экспортёра И. Д. Эрлиха), или «Дом с Меркурием» (из-за бронзовой статуи римского бога Меркурия на крыше особняка).

С 1972 года здесь творчески живёт Детская художественная школа – «художка», а статуя римского бога Меркурия – бога торговли, покровителя путешественников, ремесел, искусств, астрологии – является её символом и талисманом.

Детская художественная школа была открыта 1 сентября 1972 года. Контингент первых лет образования школы состоял всего из 75 учеников и 6 преподавателей. Первым директором школы был Б. В. Колодяжный. Сейчас в школе обучается 251 ученик на бюджетной основе и 54 ученика в группах платных услуг. Директор школы – её выпускница Кручинина Евгения Ивановна.

Учебный процесс школы обеспечивают 26 работников, 14 из них – преподаватели. Педагогический коллектив школы – это квалифицированные специалисты с базовым высшим художественным образованием, имеющие высокие категории: 5 преподавателей «высшей категории», 4 преподавателя со званием «старший преподаватель», 1 «преподаватель-методист».

Среди преподавателей есть выпускники школы, которые после окончания высших учебных заведений вернулись сюда работать: Иванива Н. А., Кручинина Е. И., Максимова Е. В., Чумак А. В., Костякова О. В., Здиховский С. А., Годулян И. Ю.

Многие выпускники Детской художественной школы – известные художники Николаева, члены Национального союза художников Украины: живописцы – Мирзоев Р., Андражевская И., Федорченко А., Завтура С; графики – Покиданец И., Николаева Л.; художник театра – Пантелейчук С.; ювелир – Дорошенко С.; модельеры – Панкратов Р., Багачук Д., Листунова О., директор рекламного дизайнерского агентства «Мармелад» Ентина А. Выпускница школы Дорошенко Полина совсем недавно училась у преподавателя школы Здиховской Н. И. Сейчас она известный иллюстратор детской книги. Проиллюстрированная ею книга Леси Украинки «Лісова пісня» (Киев, издательство «Основы», 2014) вошла в один из самых престижных мировых каталогов детских книг White Ravens 2014. Экземпляр этой книги есть в Международной Молодёжной библиотеке г. Мюнхена.

Детская художественная школа всегда много внимания уделяет профессиональной ориентации своих выпускников, постоянно следит за их творческой судьбой и успехами.

Сегодня каждый второй выпускник школы становится абитуриентом художественного заведения Украины. Достаточно сказать, что за последние 10 лет школа выпустила 613 учеников, 258 из них поступили в учебные заведения. Это лучшие вузы – Национальная академия изобразительного искусства и архитектуры (5 человек), Киевская государственная академия декоративно-прикладного искусства и дизайна им. М. Бойчука (13 человек), Харьковская государственная академия дизайна и искусств (10 человек).

И всё же приоритетными для 156 выпускников школы стали стены родных николаевских учебных заведений: факультет «Дизайн» Национального университета им. адмирала Макарова (55 человек), Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств (39 человек), Николаевский государственный колледж культуры и искусств (44 человека), Николаевский строительный колледж Киевского национального университета строительства и архитектуры (факультет «Архитектура», 18 человек).

В последнее время значительно вырос интерес наших выпускников к творческим художественным учреждениям стран Европы. Только с 2011 года в европейские художественные вузы поступило 10 талантливых николаевцев, прошедших полный курс обучения в ДХШ. Это Багачук Дарина (дизайн одежды, Школа моды «Хетцендорф», Вена, Австрия), Листунова Ольга (дизайн костюма, Вильнюсская академия искусств, Литва, и Академия дизайна в Бельгии), Дегусар Маргарита (ил-

Арт-проект «Золотая обезьяна». Коллективная работа учащихся и преподавателей ДХШ

люстрация, Академия изящных искусств Неаполя, Италия), Мирненко Анна (дизайн, Институт изобразительного искусства им. Амадео Модильяни, Италия), Орёл Вера (искусствоведение, Институт архитектуры, Люблин, Польша), Думма Диана (дизайн, Краковский политехнический университет им. Т. Костюшки, Польша) и др.

Сегодня Детская художественная школа г. Николаева одна из лучших в Украине. Она имеет высокий художественно-эстетический уровень, свою уникальную историю, многолетние традиции, творческие достижения, хорошую методическую базу, своё «творческое лицо». Особенностью учебного процесса Детской художественной школы является её богатая выставочная деятельность.

В 2013–2016 годах школа приняла участие в 34 международных выставках-конкурсах (15 победителей), 11 всеукраинских (18 победителей), 7 областных (8 победителей). Наиболее значительный из них – Всеукраинский конкурс детского творчества «Об'єднаймо ж, брати мої!», первый этап которого проходит на базе Областного методического кабинета. За 10 лет участия в нём ученики школы 24 раза становились победителями и получали Почётные грамоты и призы. Работы учеников-победителей есть во всех каталогах этого конкурса и хранятся в фондах музея Т. Г. Шевченко в г. Каневе. За подготовку учеников-победителей конкурса Почётной грамотой министра культуры Украины были в разные годы награждены 5 преподавателей школы: Махова Н. И. (2012), Кручинина Е. И. (2013), Максимова Е. В. (2013), Русинова Н. И. (2014), Маркитан Е. Н. (2015). За активность и участие в 19 выставках-конкурсах (только за последние 2 года), большое количество побед и золотую медаль на III Международном конкурсе «Иллюстрация к народной сказке» Детская художественная школа выдвинула кандидатуру ученика 5-го класса школы Мартынюка Аркадия на городской конкурс «Горожанин года – 2014» в номинации «Новые имена», и он победил!

Необычной и интересной формой выставочной деятельности школы является коллективная ежегодная форма работы – учеников и преподавателей школы – новогоднее дизайнерское оформление интерьера. На основе эскиза ученика – победителя конкурса детских эскизов к новому году, который объявляется уже в начале учебного года, строится вся художественно-эстетическая концепция оформления школы. Так были сделаны лучшие дизайнерские выставки ДХШ «Новогодний Чудо-Конь» (2013), «Синяя Коза» (2014), «Золотая Обезьяна» (2015). Все эти выставки широко освещаются в прессе и на телевидении.

Знаковым событием в творческой жизни школы стала отчётная юбилейная выставка ДХШ «Художці – 40!», которая открылась в октябре 2012 г. в выставочном зале Городского центра культуры и досуга. В экспозиции выставки было представлено около 300 лучших произведений работы учащихся ДХШ: академические и экзаменационные натюрморты, сюжетные станковые композиции, декоративная живопись, декоративно-прикладные и дизайнерские произведения (аппликации, коллажи, батники, куклы, бумажная пластика, вышивки, квиллинг, роспись по стеклу) – все виды изобразительного искусства, которым учат в Детской художественной школе г. Николаева.

Евгения Ивановна Кручина

*Скульптурные маски, глина.
Работы учеников класса А. Байбородина*

Наталья Ивановна Махова, завуч школы

С 30 марта по 12 апреля 2016 года в школе проходила государственная аттестация, которую, согласно Закону Украины «О внешкольном образовании», обязаны раз в 10 лет проходить все внешкольные учреждения. Это был насыщенный этап работы: «художка» сдавала «экзамен» на качество – отчитывалась о своей выставочной деятельности (участии, наградах, призах), о выпускниках, поступивших в высшие и средние учебные заведения художественного направления, о достижениях известных выпускников в сфере искусства, о преподавателях школы, их личных творческих достижениях, повышении педагогической квалификации и многом другом.

Аттестационную комиссию возглавил директор Областного художественного музея им. В. В. Верещагина Росляков С. Н. Вместе с ним работали лучшие специалисты и преподаватели в области профессионального художественного образования, представители общественности города.

31 марта состоялась торжественная презентация школы: был показан фильм о школе «10 років натхнення!», специально созданный для этого мероприятия (режиссёр Тазарачев Ю.), и открыта отчётная выставка лучших работ учеников школы.

Несмотря на то, что выставочного зала в школе нет, преподаватели школы продумали и тщательно выстроили концепцию отчётной выставки учеников, сделав её масштабной, современной, яркой. Оформленные работы учеников были развешаны на стенах длинных коридоров и в аудиториях-мастерских.

Отчётная выставка состояла из шести творческих блоков.

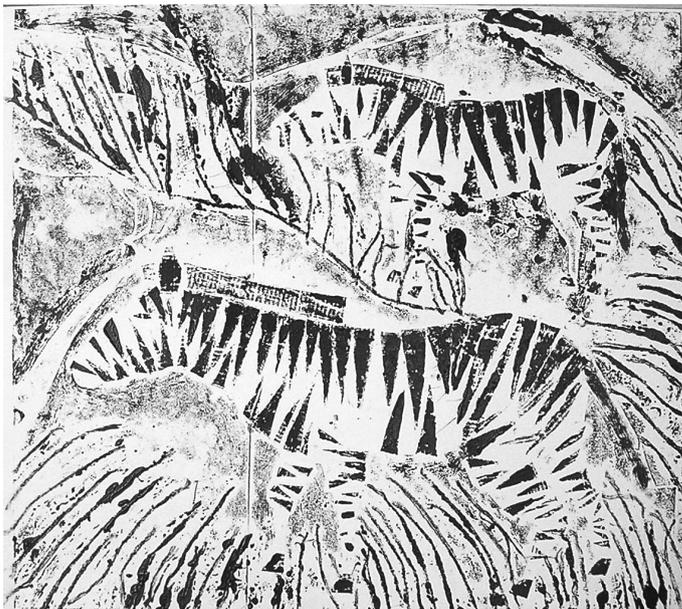
Первый блок – это двухъярусная экспозиция, наглядно рассказывающая о профессиональном росте учеников в процессе обучения в школе. Верхний ярус экспозиции – небольшие работы самых маленьких учеников школы – подготовительных групп и 1-х классов. Это яркие декоративные композиции с украинскими мотивами (Грачёва М. «Ніч така місячна» (10 л.), Поверинова А. «З поверненням» (10 л.), Кийлюк А. «Примна несподіванка» (10 л.), любимые дет-

ворой коты (Михеева А. «Кіт», «Сутінки» (10 л.), танцующие радостные бабочки Пекур Е. «Метелик» (10 л.). Нижний ярус – профессиональные работы старших и выпускных классов «художки»: академический рисунок лучших рисовальщиков школы – Скорецкой В. (16 л.), Костик Т. (16 л.), Скибицкой М. (16 л.), сочные декоративные живописные натюрморты Поповой А. (15 л.), Скибицкой М. (15 л.), сюжетные композиции Ивановой М. и Ерофеевой С. «Прогулянка».

Второй блок – уникальная коллекция детского художественного текстиля – 18 работ учеников преподавателя Русиновой Н. И. Это коврики и мини-гобелены, выполненные в техниках аппликации, вышивки, набивки сухим войлоком, в которых органично присутствуют кружево ручной работы, тесьма, шерстяные жгуты, флизелин, различные ткани. Тематика самая разнообразная – портреты, пейзажи, сюжетные композиции. Особо выделяется изысканная «светлая» коллекция ковриков, построенная на мягких текстильных фактурах. Лучшие работы – Трохимец А. «Озирись, моя кохана!» (14 л.), Битко К. «Пташиний танок» (14 л.), Макарцева Ю. «Діалог» (13 л.). Интересное и эстетически необычное оформление самой выставки – гобелены, словно летающие качели, висят на грубых натуральных канатах.

Третий блок – творческий отчёт преподавателя Маркитан Е. Н., влюбленной в украинскую «вытынанку». Вот уже несколько лет преподаватель кропотливо изучает «вытынанку» и создаёт вместе со своими учениками маленькие бумажные шедевры. В 2012 году она придумала и воплотила в жизнь небольшой издательский проект: 19 «вытынанок» – экзаменационных работ её выпускников – были собраны в мини-книжку, которую она напечатала на домашнем принтере. Эти книжки были торжественно вручены авторам «вытынанок» вместе со свидетельствами об окончании школы на выпускном вечере.

Лучшие работы этого блока – ироничная композиция Панченко Л. «Скажи куриці, а вона всій вулиці» (14 л.), украинские сюжеты Пустовит К. «Садок вишневий коло хати» и «Гамалію, серце

Бондаренко Вирсавія, 13 лет. «Зебры», картонографія (преп. Маркитан Е. М.)

Пустовит Ксенія, 15 лет. «Гамалію, серце мліс: сказилося море. Не злякає!», вытынанка (преп. Маркитан Е. М.)

Каськова Анастасія. «Рыбы и звёзды», вытынанка (преп. Маркитан Е. М.)

Сова Виталина, 15 лет. «Кошечка спит»
(преп. Маркитан Е. М.)

слегка присела после своих «трудовых подвигов» на краешек необычной тележки, очень напоминающей домик странствующего старьевщика.

Всё оформление сделано только из натуральных материалов – бамбука, дерева, фанеры, кокосовых сетей, мешковины, канатов, сухой виноградной лозы, сена, бумаги «крафт».

В дизайнерском оформлении много работ учеников, выполненных на уроках «Художественной обработки древесины. Дизайна» под руководством преподавателя Здиховского С. А.

Чтобы ввести столярный дизайн в учебную программу, школа участвовала в грантовой программе «РУСАЛ – 2013» в номинации «Технологии будущего». Грантовый проект ДХШ «Творческая мастерская для учащихся ДХШ и активной молодёжи» стал победителем конкурса, и у школы появилась возможность приобрести современное столярное электрооборудование фирмы «Bosh». Реализуя свой замысел, преподаватели школы Кручинина Е. И. и Маркитан Е. Н. совместно написали программу для дисциплины «Предмет по выбору» – «Художественная обработка древесины. Дизайн». Школа нашла поддержку своим творческим планам в лице спонсоров и приобрела дерево, фанеру. Управление культуры и охраны культурного наследия Николаевского городского совета (начальник управления Заворотняя Л. А.) выделило дополнительную педагогическую ставку для реализации этого проекта. Этот проект и сегодня является уникальным для школ эстетического воспитания Украины.

Пятый блок – скульптурная экспозиция преподавателя школы Байбородина А. И. Она включает в себя лучшие скульптурные композиции учеников школы разных классов – сюжетные объёмные и рельефные композиции, керамику, портреты и этюды фигуры человека с натуры. Особо выделяется греческая тема, в которой присутствуют ольвийские мотивы – амфоры, светильники, античные маски.

Шестой блок – самый большой и насыщенный. Это лучшие работы учеников каждого преподавателя, которые выставлены в мастерских, закреплённых за каждым конкретным преподавателем. Здесь присутствуют: академический рисунок, графика, живопись, композиция, декоративно-прикладные работы, батик. Этот блок даёт возможность разглядеть творческое «лицо» каждого преподавателя, увидеть его потенциал и приоритеты. Выставка продолжается до конца этого учебного года.

«Художка» защитилась на «отлично». Впереди у неё новые 10 лет вдохновения, озарения и творчества!

Кручинина Евгения Ивановна. Родилась в 1963 году. Окончила Харьковское художественное училище (факультет «Живопись»), Николаевский филиал Киевского национального института культуры и искусств (факультет «История изобразительного искусства»). Директор Детской художественной школы г. Николаева, преподаватель высшей категории, преподаватель-методист, искусствовед. Член художественного совета Управления культуры и охраны культурного наследия Николаевского городского совета. Удостоена звания «Горожанин года – 2013» в номинации «Культура».

мліє: сказилося море. Не злякає!» (15 л.). За роботу «Гамалію, серце мліє...» К. Пустовит в 2016 году награждена Почётной грамотой министра культуры Украины Нищука Е. Н.

Четвёртый блок – артпроект, коллективная работа учеников и преподавателей школы – новогоднее дизайнерское оформление «Золотая Обезьяна». Это волшебная тропическая бамбуковая роща с изящными вьющимися лианами, диковинными орхидеями, золотыми стрекозами, богомолами, саламандрами, птицами. На кокосовых сетках беззаботно шалют озорные обезьяны... Весь этот дизайнерский спектакль ради одной крылатой гостьи – Золотой Обезьяны. Она

Елена ЖАТЬКО

«МАТЬ» К. ЧАПЕКА В ТЕАТРЕ РУССКОЙ ДРАМЫ

Молитвы матери

Современный театр часто сталкивается с проблемой определения репертуарного направления, стремясь выйти из круга избитых тем и отыскать ту золотую середину, которая сумеет синтезировать лучшие образцы мировой драматургии и запросы зрителей XXI века. Афиша нынешнего Николаевского академического художественного русского драматического театра не исключение. А. Чехов и С. Моэм, А. Касона и Е. Шварц, М. Камолетти и Г. Горин – делят одну сцену с менее известными широкой публике – Р. Хоуном, Э. Кишоном и В. Азарниковым. Элементы перформанса и традиционной драмы создают рисунок многожанровой фрески – трагикомедия, «комедия для очень взрослых», «романтическая и весьма жизненная комедия», мелодрамы и фантасмагории, музыкальные сказки... В этом списке особняком стоит драма «Мать» классика чешской литературы XX века – К. Чапека.

Названия большинства произведений этого автора подчёркивают фантастическую направленность и философский характер сюжета: пьесы «Средство Макропулоса», «Из жизни насекомых» и «Белая болезнь», романы «Фабрика абсолюта», «Гордубал», «Война с саламандрами». Короткое, но ёмкое название пьесы «Мать», – никак не наталкивает читателя на определение жанровой принадлежности, но что-то исчерпывающее, трагическое ощущается в этом простом и незамысловатом, на первый взгляд, названии.

Из воспоминаний жены К. Чапека известно, что именно ей, Ольге Шайнпфлюговой, принадлежит идея сюжета драмы: «...В пьесе должен быть человек и одновременно эпоха, в которую мы живём. Мать исполнена добродетелей и любви к жизни... У неё погибают муж и один за другим сыновья... Остаётся последний мальчик, на которого она переносит исступлённую и полную отчаяния любовь. Стережёт его, укрывая от опасности и собственного его желания сопротивляться ей. А в конце, когда она видит, как далеко зашёл наш злополучный мир, убивающий даже детей, она чувствует себя матерью чужих убитых детей, и сама подаёт последнему сыну ружьё, посылая его на поле сражения...» О. Шайнпфлюгова понимала, что К. Чапек играючи мог справиться с таким сюжетом, которого другому писателю хватило бы на целый роман или философско-моральный фолиант. Вторым импульсом для написания драмы стала увиденная К. Чапеком в 1937 году газетная зарисовка – «Женщина из Лериды», изображающая пожилую испанку, которая склонилась на поле боя над трупом своего сына. Пожарища и развалины города вокруг словно оплакивают смерть и разделяют боль трагедии этой женщины.

Работа над пьесой была завершена к концу 1937 года. Первая её читка состоялась на квартире у самого К. Чапека, где собрались режиссёр будущего спектакля Карел Достал, художник Властислав Гофман, актёры и критики. 12 февраля 1938-го состоялась премьера спектакля на сцене Сословного театра. Актёрский ансамбль дополнили ведущие артисты: Вацлав Выдра (Дед), Зденек Штепанек (Отец), Ярослав Пруха (Ондра). Немного позже пьеса была поставлена Национальным театром в Братиславе. Несмотря на то, что К. Чапек подчёркивал необходимость решения спектакля в реалистическом ключе, невзирая на специфику действия, постановка в Национальном театре пестрила символическими и мистическими подтекстами. Диалог Матери со своими умершими детьми воспринимался как некий сеанс спиритизма. Но, невзирая на это, интерес зрителя к спектаклю постоянно рос, театр гастролировал по всей Словакии. Довольно скоро драма «Мать» вошла в репертуар большинства профессиональных и любительских театральных коллективов страны.

Критика неоднозначно восприняла пьесу. Открытый антифашистский характер, борьба мужского и женского начала, общение с мёртвыми – всё это не вызывало одобрительных оценок. В одном из интервью, опубликованном в связи с предстоящей премьерой, К. Чапек сознавался: «В моём во-

сприятии театр – определённая трибуна, платформа, проповедническая кафедра для тех, кому есть что сказать миру и жизни... Современный мир, такой, как он есть, полон не только драматических, но прямо трагических событий. Так что я почти не в силах себе представить, как могут драматурги ходить вокруг него и заниматься эпизодами скорее личного характера...» Такой трибуной для пьесы «Мать» стали лондонские театральные подмостки. Но исполнительница главной роли наотрез отказалась вложить в руки своему сыну оружие и благословить его на войну. Сцена была решена абсолютно по-новому – сын вырывал из рук матери оружие, оставляя её в полном одиночестве. Градус личной трагедии Матери при таком постановочном приёме достигал своего кульминационного накала, но это абсолютно разрушало авторскую концепцию всего произведения.

За пределами Чехословакии первая постановка «Матери» состоялась в марте 1938 года в Сараеве. В этом же году драма была поставлена в Париже. Театральной сцене Франции принадлежат одни из лучших образцов прочтения этой пьесы К. Чапека. В переводе на французский язык драма была озаглавлена словами, взятыми из авторского предисловия, – «Эпоха, в которую мы живём». Осенью 1938 года пьеса с большим успехом была поставлена на сцене театра «Катр сезон», где главную роль исполнила известная французская актриса Мари Кальма.

В США реценция пьесы в I пол. XX века была совершенно иного характера, чем в Европе. Большинство рецензентов укоряли режиссёров в излишке мистического на сцене, некоторой чертовщины, пропитывающей весь сюжет. А трагедия Матери сводилась к мелодраматической истории со слезами, рыданиями и истериками главной героини.

Что же касается советского театра, то он смог открыть для себя текст пьесы только в 1939 году, когда вышел первый перевод на страницах журнала «Интернациональная литература». И в том же году пьесу поставил Свердловский драматический театр, где режиссёрами выступили И. Ефремов и Г. Георгиевский. Патетический заряд, что несла в себе драма, пришёлся по душе советскому зрителю. В течение 1939–1940-х годов драма «Мать» была поставлена Ленинградским драматическим театром им. А. Пушкина, Новосибирским театром «Красный факел», Рыбинским городским театром; в Украине пьеса появилась на сцене Харьковского драматического театра им. Т. Шевченко и Одесского русского драматического театра.

Так, в 1939 году на главную роль в пьесе «Мать» художественный руководитель Одесского русского драматического театра Авраам Треплев пригласил звезду Одесского еврейского театра Лию Бугову. Актриса с широким исполнительским диапазоном сумела создать глубокий, искренний, тонкий образ слепо любящей матери, готовой на любые жертвы ради жизни своих детей. А личная трагедия Л. Буговой (её мужа революционера-подпольщика убили во время гражданской войны) придаст особенный, острый оттенок роли. Для актрисы участие в этом спектакле станет удачным трамплином для дальнейшей работы на сцене Одесского театра, где она сумеет воплотить ряд блистательных ролей.

На родине К. Чапека, в Чехословакии, истинное признание пьесы получила лишь после провозглашения независимости Чехословацкой республики. 28 октября 1945 года пьесой «Мать» открывал свой первый послевоенный сезон Пражский национальный театр. Спектакль шёл почти в том же составе, что и во время премьеры 1938 года, но был решён режиссёром Карелом Досталом уже в ином, реалистическом, плане, на котором постоянно настаивал автор пьесы. Спустя годы, 12 марта 1953-го, драма была поставлена Армейским художественным театром Чехословакии, где в центральной роли с успехом выступила артистка Отилия Бенишкова. Именно она была первой исполнительницей роли Матери в 1938 году на сцене Словацкого национального театра.

В XXI веке темы, затронутые К. Чапеком в пьесе «Мать», не теряют своей актуальности, приобретая новый смысл и острый отклик у зрителей. 13 декабря 2000 года премьеру спектакля «Мать, или Беспокойство мёртвых» представил на суд зрителей Санкт-Петербургский театр «Приют комедианта». Постановка была осуществлена при содействии Генерального консульства Чешской Республики в Санкт-Петербурге.

В 2014 году история конфликта матери и войны, жизни и смерти появилась на сцене Мичуринского драматического театра в постановке Валерия Персикова. Главную роль исполнила заслуженная артистка России Т. Николаева. Режиссёр отталкивался в спектакле от реалистического изображения событий, где мир живых и мёртвых – единое целое. Никакой мистификации: в небольшом кабинете, заставленном старой мебелью, протекает история жизни одной семьи. Лейтмотивом постановки была выбрана фраза Матери: «Умереть – это всякому нетрудно, а вот потерять мужа или сына...»

Спектакль-ораторий о мире

Судьба пьесы К. Чапека на сцене Николаевского русского драматического театра соединяет невидимым мостиком XX и XXI века. Впервые премьера спектакля состоялась 31 марта 1983 года, где режиссёром-постановщиком выступил Н. Коваль. Именно с этой постановкой театр принял участие во Всесоюзном фестивале чехословацкой драматургии в СССР. «В соответствии с авторским замыслом, спектакль славит животворную силу материнской любви, её мужество и самоотверженность», – в таком положительном ключе рецензирует спектакль С. Перлова на страницах газеты «Южная правда» (17 мая 1983). Автор статьи опускает детальный анализ режиссёрских приёмов и актёрской игры, обобщая сильные стороны постановки. Основной акцент С. Перлова ставит на образе главной героини в исполнении народной артистки УССР Н. Трояновой: «Поэтизация красоты бескорыстного материнского подвига показана актрисой с разнообразием психологических оттенков. Актриска играет крупно, масштабно, но делает также явственно зримой интенсивность внутренней жизни своей героини». Партнёрами Н. Трояновой в этом спектакле выступили «внешне импозантный кавалерийский майор, словно сошедший со старинной гравюры», – Ф. Титаренко (Отец), «истинный интеллигент» В. Вербец (Ондра), сдержанный А. Кравченко (Иржи), «искренне обаятельный» А. Тычина (Пётр), Н. Говор (Корнель) и В. Савинов (Тони).

Один за другим близкие главной героини погибают, но не уходят из её жизни. Невидимый магнит притягивает их к самому близкому человеку – Матери. Воссоздал ту обстановку, где возможны подобные встречи, художник В. Андёнов. Сценографическое оформление было решено в реалистической манере. Н. Бузник в статье «Нетрагических мест не бывает» (12 октября 1983) частично воссоздаёт пространство сцены: оружие, трофеи отца в стиле «рыночного дизайна». Рецензент указывает на разностилевого характер предметов, раздробленность и нецелостность оформления, что приводит к созданию слишком «бутафорского мира вещей».

Совсем иной сценический мир выстраивает художник Н. Темерова в спектакле «Мать», который завершил 81-й театральный сезон. 10 июля 2015 года эхо трагических событий гражданской войны по-новому зазвучало в стенах театра. Режиссёр Василий Цимбал не акцентирует внимание на месте и времени событий, стирая хронологические рамки, – он ставит спектакль-ораторий о нашей реальности, о нашей истории. Ведь сам К. Чапек не стремился иллюстрировать гражданскую войну в Испании, о которой идёт речь в пьесе. На вопрос журналистов по этому поводу автор отвечал: «Ис-

«Мать» К. Чапека. Корнель – Р. Коваль, Тони – А. Кардаш

пания – одна из кровоточащих ран современного мира; драма «Мать» обобщает состояние, которое сейчас незримо владеет всей Европой; она показывает, как дорого расплачиваются обыкновенные граждане и их семьи за то, что теперь творится в мире».

Режиссёр В. Цимбал не отходит от текста пьесы, но опускает некоторые элементы – довольно детальные ремарки с точным описанием места действия, одного из персонажей (Деда – отца Матери), при этом кардинально перефразировав финал. К. Чапек предлагает перенести действие в кабинет, который довольно плотно заставлен, перегружен деталями: портрет отца в офицерской форме, шашки, рапиры, револьверы, ружья, трубки, копыя, щиты, рога, черепа антилоп, звериные шкуры, карты и многое другое. Комната, полностью пропитавшаяся мужским духом и характером. Кроме письменного стола и турецкого дивана, потёртых кресел и стульев, – мавританский столик с шахматной доской и столик с граммофоном. Именно шахматная доска стала отправной точкой в оформлении сцены в спектакле В. Цимбала. Режиссёр трактует использование этого приёма следующим образом: «К сожалению, когда разыгрываются вот такие конфликты, – мы все, по сути, пешки, заложники. Кто-то не пешка, кто-то, возможно, ферзь – но все мы фигуры, которыми двигают другие люди. С нами играют – поставили сюда, убили, поставили следующую фигуру. Это такая шахматная партия, в которой, к сожалению, не спрашивают у пешек, где бы им хотелось стоять... Нужные фигуры меньше тратят, менее нужны – больше идут в расход. И, конечно, к этому есть определённая отсылка. Вторая мысль – очень важна была, потому что в пьесе решается шахматная задача. К этому обращаются оба брата – «черные» и «белые» – кто выиграет. А выиграть никто не может, потому что в таких конфликтах никто никогда не может одержать победу. Этого не бывает...»

На сцене двигаются пешки и ферзи, слоны и короли, они довольно условны, в их оформлении угадываются черты могильных надгробий. Эти фигуры практически соответствуют росту актёров. Сразу не возникает никаких ассоциаций, кроме предчувствия нависшего рока. В левом углу сцены – притаившийся карлик в длинном балахоне, крепко сжимающий в руках меч. Возможно, этот незнакомец погрузился в молитву, а через минуту хладнокровно закинет оружие над головой одного из братьев. Каменные статуи тут мрачны и величественны, как сфинксы, и, пожалуй, страшны, как цербер, охраняющий вход в царство мёртвых. Таким образом, в трагическую канву спектакля вплетаются символические, условные элементы.

Одалживая оружие, у этих мрачных фигур, братья резвятся, проверяют свою ловкость на шпагах. Но пройдёт немного времени, и зритель свяжет каждую фигуру с определённым персонажем. Вот тот самый самолёт, на котором разбился Иржи, а медицинская сумка на плече мраморной фигуры принадлежит Ондре. Но главным центральным персонажем на этой шахматной доске выступает образ Отца.

В столь малонаселённой пьесе решающее значение имеет распределение ролей. Актёр Андрей Жила создаёт одновременно образ офицера, слепо верующего в долг каждого мужчины погибнуть за Родину, и мягкого отца, любящего супруга. «Сыграть военного далеко не так просто, как может показаться на первый взгляд. У Андрея Игоревича есть определённый опыт, знания, подходящие для этой роли...», – убеждён режиссёр спектакля. Отец – несколько взъерошенный, человек с полубезумно-целеустремлённым взглядом, – появляется из-за свисающего балдахина. На минуту кажется, что вот тот портал – откуда будут появляться все остальные герои после своей смерти. Красная подсветка полупрозрачной материи создаёт иллюзию кровавого флага, который здесь установлен, дабы напоминать о той войне, что идёт за стенами комнаты. Но нет... остальные герои, оказавшись на берегу смерти, будут появляться в хаотичном порядке – из разных кулис. В интервью В. Цимбал даёт следующую трактовку этому сценографическому элементу: «Центральная наша конструкция работала в некоторых местах подобно сердцу... из которого появлялись герои. То есть они выходили и уходили из сердца Матери. Ведь когда мы вспоминаем наших друзей и близких, мы оживляем их с помощью нашей любви, нашей памяти, нашей мысли...»

Мир живых и мёртвых не подчёркнут и в оформлении костюмов. Довольно традиционные, с лёгким намёком на военную форму у отдельных персонажей – они приближены к нашим дням. В Корнеле (актёр Руслан Коваль), одетого в чёрную классическую рубашку и брюки, и вправду есть что-то мальчишеское: надтреснутый голос, смелость, взрывная пластика. А с каким азартом и желанием битвы он берётся за оружие... Его антагонист Пётр (актёр Александр Ефименко) выглядит более мягким, но не уступает своему брату в стремлении к подвигам. Они играют чёрными и белыми шахматами, отстаивая разные политические взгляды, но в этой партии победителя не будет.

«Мать» К. Чапека.

Мать – Л. Гашинская, з.а. Украины

Существует в рамках житейской, реальной логики Иржи (актёр Александр Аркавенко). Его персонаж разбивается на самолёте, желая установить мировой рекорд. Он достигает своей цели, но ценой собственной жизни. В кожаной куртке, широкоплечий Иржи больше остальных похож на своего младшего брата Тони некой поэтической наполненностью. В нём нет резкости Корнеля, прямоты Петра – его влечёт высота, бирюза небосвода и полёт... Александр Кардаш видит в своём персонаже – младшем брате Тони – нежного интеллигента, для которого интереснее о войне узнавать из книг. Создать романтический образ, несколько приподнятый над реальностью, помогает актёру его фактура – небольшой рост, мягкие черты лица, светлая шапка волос.

Следует отдельно выделить работу Алекса Межурецкого. Его персонаж, врач Ондра, погиб сразу после Отца и на сцене появляется уже со стороны другого мира. Аккуратные движения, мягкий шаг, плавные повороты головы – выкристаллизовывают человека-интеллигента, уравновешенного и рационального учёного. И даже в моменты некоторого отстранения от происходящего он внимательно, по-доброму наблюдает за своими братьями и матерью. Промелькнувший иногда прищур глаз и ироничный взгляд

окутывают образ А. Межурецкого лёгкой дымкой чеховских персонажей. Словно доносится до слуха его внутренний тихий монолог: «Я люблю тебя, мама... Я люблю жизнь...» Та поэтическая глубина, с которой актёр, подобно чуткому скульптору, лепит своего героя, обогащает последнего широкой гаммой чувств и подтекстов. Ведь Ондра – единственный, кто шёл на свой подвиг ради жизни, а не смерти. Он отправился на Экватор, чтобы бороться против лихорадки, отложив в сторону оружие. Тщательно и самоотверженно воспроизведя рисунок роли от первой до последней минуты, актёр наполняет персонажа своими порывами и ассоциациями.

Лидия Гашинская играет Мать на своеобразном внутреннем «органе» чувств. На протяжении первого действия её героиня – главная центральная фигура, вокруг которой хаотично движется весь мир. Но уже в начале второго отделения актриса находится несколько в тени, главную партию перенимают на себя её умершие близкие, но это длится недолго. Когда в живых остаётся единственный сын – в Матери просыпается вся гамма материнских инстинктов, животная хватка, с которой она никому не позволит приблизиться к своему детёнышу... Под залпы огня и артиллерии, разрывов снарядов и бомб – в Матери борется дух жизни, мира, любви, в нём она готова утопить единственного уцелевшего сына. Режиссёр В. Цимбал даёт высокую оценку работе Л. Гашинской: «Это не только большая ответственность, но и риск большой – творческий, физический. Мне нужна была для этого опытная актриса. У нас в театре много таких актрис, но в данном случае выбор пал на Лидию Григорьевну Гашинскую. На мой взгляд, она в полной мере воплотила те задачи, которые я перед ней ставил как режиссёр. Мы с ней много работали и находили очень много. Сошлись в этом всём, и вы видели результат. Я считаю, что она на 120 процентов справилась с поставленной задачей».

Каждый сын для Матери – дитя мироздания не меньше, чем деревья и звёзды, – они имеют право на жизнь. Героиня пьесы не хочет принять истину: существование человека в этом мире – это неуклонное движение от живого к неживому, и кратковременный отрывок жизни – это не что иное, как чудо, благодать, радость... Не случайно одним из образов-лейтмотивов спектакля становятся гранитные статуи, в которые превращаются те самые шахматные фигуры, среди которых мальчишки упражнялись в умении фехтовать. Всю боль, страдание, ненависть к смерти – заключили в себя молчаливые свидетели этой истории. Пока, затаив дыхание, зритель сопереживает главной героине, ассоциативные ряды прорастают в их сознании, проступают и укладываются в сжатый

«Мать» К. Чапека. Тони – А. Кардаш, Мать – Л. Гашинская, з.а. Украины

клубок чувств. Пышный стиль обличительных речей обезумевшей от горя Матери даёт актрисе возможность использовать все регистры хорошо поставленного голоса. Её молитвы, словно органная музыка, разливаются по сцене и достигают сердца каждого сидящего в зале.

Шахматная партия завершена, фигуры нашли своих хозяев, финал... Режиссёр В. Цимбал решает спектакль в гуманистической манере, опровергая автора пьесы, желающего поставить понятия военного долга, чести, самопожертвования – на пьедестал всего мироздания. О нет, на сцене николаевского театра побеждает материнская любовь, мир и прощение. Любимый сын Тони остаётся с матерью. Проводя параллели с нашим днём, когда матери участников АТО не отпускали своих детей, всячески пытаясь уберечь их от ужасов войны, режиссёр возводит образ Матери до обобщающего символа человечности и любви. Режиссёр твёрдо отстаивает свою позицию: «Когда люди гибнут, я не считаю возможным призывать к войне. Думаю, что людей нужно призывать к миру. О мире нужно говорить! Было бы гораздо меньше войн, если бы люди больше думали о сохранении человеческой жизни. Поэтому наш спектакль призывает к созиданию, миру, и по этой причине нам созвучна позиция Матери как человека, дающего жизнь, и человека, стремящегося сохранить эту жизнь».

Настоящее искусство постоянно движется в ритме, задаваемом историей. Это не всегда происходит размеренно, плавно, и не все уроки истории хочется переживать снова и снова... Но эту извилистую дорогу должно достойно и покорно пройти каждое новое поколение. Наша сегодняшняя реальность диктует нам новые правила игры на арене шахматного турнира. Но вечные темы прощения, понимания, жертвенности, которые вбирает в себя вселенский образ Матери в спектакле В. Цимбала, – должны пропитывать и обогащать любые поступки, которые совершаются во имя жизни и мира.

Жатько Елена. *Театровед. Окончила Харьковский университет искусств имени Котляревского (2015), студентка магистратуры Харьковской академии культуры. Лауреат первой степени в конкурсах устной и письменной театральной рецензии в рамках фестивалей «Курбалесия» и «Театрон» (Харьков). Публикации в журналах «Артерия», «Просцениум», газете «Культура и жизнь», интернет-издании СТД России. Занимается изучением истории сценической интерпретации драматургии Г. Ибсена в театральной культуре, инсценировкой и переводом произведений украинских модернистов.*

Наталья ХРИСТОВА

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА САЙКОВСКОГО

Есть в нашем городе фотокорреспонденты СМИ, которые живут двойной жизнью, потому как присутствуют в ней не только рутинная работа журналиста, но и творчество художника. Ежедневная «обязаловка» по фиксации городских событий для газеты время от времени отступает на второй план, и в человеке с фотокамерой просыпается творец прекрасного. Он берёт свой рабочий «фотик» и отправляется снимать поэзию окружающего мира: рассвет над Бугом, Варваровский мост в сиянии ночных огней, золотые купола Рождественского собора, влюблённую парочку в парке, жёлтый лист на мокром асфальте осени... А потом фотохудожник осознаёт, что страстно желает поделиться красотой окружающего мира с другими людьми, и открывает персональную выставку.

Вот такой «персональный вернисаж» – фотокорреспондента «Вечёрки» Александра Сайковского – представлен сегодня горожанам в николаевской научной библиотеке. Ни одного постановочного кадра! Он – фотохудожник, который обладает даром «увидеть картинку», извлечь тему из жизненного пространства, из сюжетного многообразия, которое обступает человека со всех сторон.

Мы, коллеги, как никто другой имеем возможность наблюдать Александра в работе. С фотоаппаратом он не расстанется никогда, прекрасные мгновенья ловит и останавливает буквально на каждом шагу. А может, наоборот, – это они его «подлавливают», прекрасные мгновенья? Подбрасывают ему сюжеты? Вот фоторабота: городской пейзаж – русский театр, хорошо знакомое всем здание на Адмиральской. Но откуда взялась эта грозовая туча в небе, превратившая обычную картинку в истинно булгаковский сюжет? «Взялась» именно в тот момент, когда фотохудожник Александр Сайковский вышел из рабочего кабинета покурить на углу улиц Адмиральской и Лягина?.. И вот уже наше зрительское воображение дорисовывает предложенную картинку: гроза над городом, театр варьете, скачущая на лошадях чёрная свита Воланда...

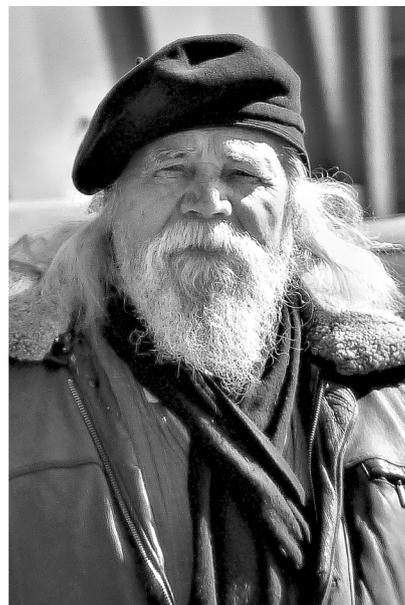
Ещё одна работа – закат в Ольвии: несколько робких степных колосков на фоне багрового солнечного диска. Всего лишь несколько робких колосков – но уже слышно эхо кровавых битв, не раз сотрясавших эту землю за её тысячелетнюю историю.

Вот трамвайчик на Потёмкинской – этот сюжет из прошлого, потому фотография и чёрно-белая, чтобы было легче в это прошлое погрузиться и почувствовать ностальгию по старому Николаеву. Хотя сам снимок сделан в 2015 году.

Сколько лет насчитывает его фотостаж? Трудно сказать. Увлечённость фотографией – дело семейное, досталось в наследство от деда Юрия Александровича Пучкова. С фотоаппаратом познакомился Саша лет, наверное, в шесть. И была это старенькая, простенькая, однако самая ходовая в те времена «Смена-8». Дед после войны работал директором

Александр Сайковский

*«Ожидание»**«Художник Андрей Антонюк»*

школ в Николаевском (тогдашнем Варваровском) районе, затем в самой Варваровке – мероприятий проводилось много, и он любил запечатлеть для истории школьную жизнь, много снимал и семейных фото.

К тому же отец Александра Сайковского (тоже, кстати, Александр, только Николаевич) увлекался фотографией, причём на «крепеньком» любительском уровне. Он работал на заводе им. 61 Коммунара, снимал спуски кораблей и трудовые будни рабочих – после чего снимки его «проскакивали» то в «Комсомольской правде», то в газете «Труд».

Так что в доме всегда было несколько фотоаппаратов, фотоувеличителей, горы фотоплёнки. И Александр Сайковский не понаслышке знает, что такое зарядка камеры в тёмной комнате или в рукаве... столько плёнки запорол в своё время! А сколько ночей просидел с отцом на тёмной кухне до утра, печатая фотографии...

Лет с 16-ти начал заниматься фотографией уже на более серьёзном уровне, не уставал экспериментировать. И друга-одноклассника Олега себе нашёл «по интересам»: все на футбол, а они с Олегом – свои фотоэксперименты проводить.

Эксперименты продолжаются по сей день – уже больше 20 лет. Александр любит побродить задворками николаевскими: то отправится в поисках сюжетов на окраину к Черноморскому заводу, то надумает поискать картинки в районе Каботажного мола. Надо отдать ему должное: «промышленный пейзаж» получается на его снимках весьма привлекательным и даже поэтическим.

В СМИ он пришел в 2005 году и начал с «Рідного Прибужжя». В областной газете немного поработал оператором компьютерного набора, а потом возникла необходимость в фотокорреспонденте. Александр купил себе первую цифровую фотокамеру и стал делать репортёрские материалы. Потом, спустя время, появилась в его биографии газета «Диалог-информ» и, наконец, в 2010 году – «Вечерний Николаев».

Знакомство с фотокорреспондентом Александром Кремко сыграло определённую роль в жизни Александра Сайковского. Общение, изучение опыта старшего коллеги оказали влияние на молодого фотокора: перед ним открылись новые, доселе неизведанные, пути познания профессии. Работы Кремко научили его видеть «картинку». Поначалу он работал, как все, «на автомате» – делал много кадров подряд. С годами научился выбирать интересный ракурс, выстраивать композицию снимка, находить изюминку будущего кадра.

Есть у Саши два очень хороших качества, незаменимых в работе фотокора: он лёгок на подъём, и ему интересно всё, что он снимает...

«Защитник»

«Художница Татьяна Дердей»

– Конечно, делать снимки ежедневного официоза надоедает, так что в выходной день непременно тянет посидеть на берегу Буга, полюбоваться закатом, поймать в объектив какую-нибудь необычную тучку, – показывает «закулисье» своего творчества Саша. – За оригинальными сюжетами приходится охотиться. Раньше сюжетов было больше, а сейчас – попасть на завод очень тяжело, и люди стали какие-то более закрытые...

Больше всего он любит снимать людские лица... создать не парадный портрет или «постановочную копию», а выхватить прямо из жизни то самое мгновение радости или скорби, безудержного веселья или затаённой грусти. Очень радуется, когда такой живой портрет удаётся снять для газеты на обычном городском мероприятии.

А потом однажды он осознал, что многие фотопортреты, порой сделанные походя, на бегу, вдруг стали раритетными – потому что человек ушёл в мир иной, и этот портрет – последний прижизненный снимок. Люди умерли, а на фотографиях они живут. Так остались на память потомкам снимки многих дедушек-ветеранов, фото главы Союза воинов-интернационалистов в Николаеве Александра Демьяненко, народного художника Украины Андрея Антонока... Александр успел сделать хороший кадр с Андреем и ещё про себя отметил: у него такая грусть в глазах...

Александр Сайковский получил образование на факультете журналистики в университете «Украина», сегодня учится в магистратуре. За 11 лет работы в николаевских СМИ, снимая всевозможные городские мероприятия, сделал десятки тысяч фотоснимков. Ими он охотно делится с предприятиями, организациями, учреждениями, где проводились съёмки. Так что фотоистория города, хранящаяся во многих архивах, увековечена с помощью его фотокамеры.

И вот что интересно: профессиональным фотокорреспондентом Александр Сайковский стал не «благодаря», а «вопреки». Почему-то никто из близких не верил в его жизненный выбор... А он доказал, что может. Правда, есть в его жизни один человек, который верил, – жена Юлия. Это она вдохновила его на создание первой персональной выставки – буквально заставила пересмотреть массу отснятого материала, выбрать и показать горожанам лучшее.

Сегодня у цифровых фотоаппаратов безграничные возможности – и для съёмок, и для обработки снимков. Чтобы фотография была безупречной, без постобработки не обойтись: что-то надо на фото скадрировать, где-то «подтянуть» цвет, где-то – резкости добавить или «приглушить» тона.

«Я не работаю в фотошопе, я работаю в «цифровой лаборатории», в которой есть огромный набор инструментов для работы с фотографией», – говорит Александр. Потому свои фотосюжеты он, конечно, подвергает цифровому усовершенствованию. Но делает это очень бережно, чтобы максимально сохранить изначальную естественность и не утратить подлинную гармонию кадра.

Інна БЕРЕЗА

НАША ДНІПРОВА ЧАЙКА

*Дніпрова Чайка –
Людмила Олексіївна Березіна*

Дніпрова Чайка – такий промовистий літературний псевдонім обрала наша землячка Людмила Олексіївна Березіна, яка народилася 1 листопада 1861 року в селі Карлівка (нині – с. Зелений Яр Доманівського району) у родині освіченого сільського священика. Пошанування книги, освіти батьком далося взнаки у розвитку літературних інтересів Людмили. Освіту отримала в гімназіях – спочатку у Вознесенській та Херсонській жіночій, потім у школі Михайлівського жіночого монастиря та приватній гімназії Одеси. З дитинства зачитувалася класиками античності, творами Шіллера, Байрона, Пушкіна, Лермонтова і Шевченка. Тоді ж і сама почала складати вірші.

Але стосовно роботи, то Людмила Олексіївна пішла проти волі батька, обравши нелегкий шлях. Після закінчення гімназії у 1879 році отримала звання народної вчительки і працювала спочатку в заможній сім'ї, згодом – у сільській школі, а з 1884 року – в Одеській приватній гімназії. Увесь цей час вона займається красназнавчою роботою, збираючи фольклор. Зокрема народна творчість Таврії у 1884 році була репрезентована Людмилою Березіною на IV археологічному з'їзді в Одесі. Зауважимо, що теми, мотиви й образи цього фольклору виспівалися письменницею у поезії і прозі – унікальному на той час жанрі української літератури, поставивши її поряд з такими письмен-

никами, як М. Черемшина, В. Стефанік, О. Кобилянська.

Привабливість водних просторів, узбережжя моря і Дніпра відзвучилися не лише у псевдонімі письменниці, але й у тематиці та образах її творів. Особливо це відчутно у поетичному циклі «Морські малюнки» (1886 р.). А загалом до морської тематики вона зверталася як у поезіях («Скеля», «Морське серце», «Дівчина-чайка», «Образ великого», «Хвиля»), так і в оповіданнях. Зокрема, в позначеному символізмом та імпресіонізмом оповіданні «Тень несозданных созданий». Цей твір починається картиною живописного куточка неподалік Чорного моря: «Чорна, оксамитово чорна ніч великими очима зиралася з чорним морем, яке сьогодні не гуло, не гриміло, а тихо-пестливо зітхало, вкладаючись спати. Зорі пливли, тремтячи по темних плитках його хвилях. Лиш іноді десь прокидався свавільний бурун гребінцем або хвиля з розгону – черкала об камінь підводний, і зразу вода там займалась фосфоричним вогнем. Мокрий пісок не шамотів, рябенька жорства не розмовляла, як під часи денного прибою» (Дніпрова Чайка. Твори. – К., 1960. – С. 43). Центральний образ оповідання – Антоніна Павлівна – сама себе називає «тень несозданных созданий», яка певною мірою не змогла себе реалізувати, але передає молоді важливу думку – людина має зберігати й оберігати власну неповторність.

З 1885 року, одружившись із Феофаном Василевським (автором праць з історії південних слов'ян, публіцистом, губернським статистом), Дніпрова Чайка майже 15 років живе у Херсоні, де продовжує вивчати фольклор та етнографію, пише поезії, прозу й лібретто дитячих опер. До речі, перших в історії мистецтва. Окрім того, будучи соціально діяльною жінкою, вона попадає під нагляд поліції за висловлювання радикальних думок, симпатію і допомогу політв'язням. А 1905 року була заарештована за розповсюдження забороненої літератури.

Переїзд 1908 року до Києва приніс письменниці можливість спілкування з такими діячами культури, як Микола Лисенко, Олена Пчілка, багатьма членами київської «Просвіти». Свободолюбний

Людмила **ВАСИЛЕВСЬКА-БЕРЕЗІНА**
(ДНІПРОВА ЧАЙКА)

ДІВЧИНА-ЧАЙКА

На Чорному морі є острів суворий, німий: червона скеля на буйнім зеленім роздоллі одна піднімається вгору червоним шпилем. Не купчаться білії хати по ній, і лист кучерявий її не вкриває, одна тільки стежка зелена збігає по ній: то течійка води весняної прорила червону глину і вся обросла оксамитом-травою, а далі все мертво, все глухо... Та ніби не все: отамо, на самому розі, над морем, де вічно лютує сивий бурун, на самім тім розі горить по ночах якийсь вогник, удень же чайки сіренькі в'ються, кигичуть над морем. Що то за скеля, і що то за вогник, і за що так люблять чайки ту суворую скелю?

Давно колись, кажуть, на острів той дикий прибув чоловік з невідомих країв. Десь доля лихая вганяла за ним по всім світі, що він не знайшов ніде інде притулку. Маленьке дитятко та вбогії вжитки виніс з човна, заліз у печеру і став собі жити. Як жив, чим жививсь він іспершу, – про те невідомо нікому. Згодом дізналися люди, яка була щира душа у того чоловіка: щоночі вогнище велике він розкладав, щоб далеко палало-значило, щоб ті кораблі та суденця, що бігли по хвилях зелених, минали безпечно суворе каміння табанки лихі, потаємні, коли ж розбивалося судно, він сам на маленькому човні сміливо кидався у море нещасних пливців рятувати.

І вдячні люди охоче давали йому великі дари – і гроші, й скарби, що возили на тих кораблях; нічого не брав чужоземець, лиш трошки харчів на прожиток, та дрова, та смолу, щоб ними вогнище жити. І скоро дізналися всі про діда чудного, прозвали його «морським буслом», дізнали й про його дитину, котру, мов русалку, хвилі морські колихали-пестили, котру й каміння німе, і ревуча буря жаліли-втішали.

І виросла дивно хороша дочка у старого: біла, мов піна морська, як кушір, кучерявії коси вкривали її по коліна, а очі блакитні світилися, як море у ранішній час, а зуби блищали, мов перла з-під вуст коралових. Нічого вона не боялась: ні бурі, ні грому, ні грізної хвилі, бо море було їй як рідне. І сміливо дівчина кидалась з батьком укупі, як часом траплялось когось рятувати, і тільки до кого торкнеться вона, – того не займає розлючене море.

От раз, накупавшись уволю, дівчина тихо заснула на теплім пісочку (а море тоді щось мовчало-дрімало); і спить вона й чує – щось-то шепоче; а то між каміння забралось трое: птиця-бабич торбоноса, свинка морська та рибонька – золоті пера. Рибонька й каже:

– Винесу я з глибини перлів, коралів, ясних самоцвітів за те, що вона рятувала мене: лежала я, бідна, на банці – хвилі сердиті закинули дуже далеко, пекло мене сонце, посмажило зябра, крутивсь надо мною мартин білоперий та хижий, і з ним моя смерть наближалась. Ся ж добра дитина взяла мене в руки, всміхнулась привітно і тихо пустила у море, – й я знов ожила.

– Я її вивчу так плавать, пірнати, водити веселих танків, таких її чудових казок розкажу, – промовила свинка морська, – за те, що вона, моя добра, годує мене, ділиться щиро зо мною харчами, не раз би вже й здохла, якби не вона.

– А я їй, – озвалась задумана птиця-бабич, – я їй скажу новину, та таку, якої ніхто ще не знає. Була я за морем далеко і чула: прибудуть сюди кораблі та галери, на тих кораблях та галерах люде чудні: завзяті, чубаті (їх звать козаками), нікого вони не бояться і мореві навіть старому дари не дарують, як інші купці-мореплавці, лиш веслами часто січуть-зневажають. І море сердите поклато свій гнів на чубатих, і доля лиха присудила усіх потопити, побити і скарб їх віддати камінням та банкам, та всім нам, морським челядинцям. Великої тайни ніхто ще не знає, лиш їй, милосердній, повинна я все розказати за те, що вона і мене зрятувала: злочинець якийсь перебив мені стрілкою крила, і я помирала на хвилях зелених: ся ж дівчина мила впіймала мене, замовила кров і якогось там зілля приклала та все годувала-гляділа, аж поки загоїлись крила. За те розкажу їй сю тайну велику...

– Мовчи! – зашуміли, прокинувшись, хвилі. – Мовчи, не твое-бо то діло: не сміє ніхто дізнатись про волю великого моря, не сміє ніхто сперечатись з грізним!

Кинулись хвилі до скелі-каміння, сердито бурчать поміж ними. Злякана свинка і рибка пірнули на дно, а птиця-бабич ізнялась, полетіла. Та пізно прокинулись хвилі: дівчина вчула, скочила раптом і кличе: «Вернися, птице-бабичу, вернися, усе розкажи до ладу, не треба ні перлів мені, ні коралів, ані казок чарівних, ні таночків, краще мені розкажи до ладу, щоб я знала, звідки чубатих отих виглядати, як безталанних з біди визволяти».

А море лютує, а море реве: «Мовчи, не питайся, дурненька дитино! Корись, не змагайся ти з морем, – тяжко-бо море карає!»

А дівчина дума: «Байдуже! Ревіть собі, хвилі зелені, чорнійте од злості, казіться! А я не оддам на поталу людей тих відважних, я вирву із пельки у хижого моря своїх безталанних братів! Лиш батькові й слова не писну, бо він вже старенький, незмога йому вже боротись, а буде велика негода, я бачу».

І день догорів, і сонце пірнуло у море. Настала велика тиша. Лиш в темряві чути, як дід бубонить та збирається варту нічну одбувати. Дочка попрощалася з батьком, лягла у печері, А тільки старий заходився з вогнищем, вона зараз у човник стрибнула, усе зготувала, назброїлась – бурі чекає.

Ще море спокійне, а там щось далеко гуде: то спільничка моря – хмара грозова – йде, і моргає страшними очима, і темними крилами віє на дрібній зорі, і гаснуть ті зорі од жаху. Ось вітер, її посланець, налетів, засвистав, хоче вогнище згасити. Та дід догадався, підкинув смоли, – розгорілось вогнище ще дужче. І вітер назад, засоромившись, плинув, і стало все тихо...

Знову і ближче ревнула грозова хмара, і цілая згряя хижих вітрів закрутилась, завилала, штовхнула під боки сонній хвилі. Хвилі безладно метнулись до скелі – скеля шпурнула на їх каміннями, – хижо вони проковтнули гостинці і кинулись знову до скелі. А хмара знаходить, і грім гуркотить, і блискавка хижо ламає, вітрила дере, купає у хвилях солоних. Та борються з морем відважні гребці, не подаються чубаті! І ось надігнало їх море, ось розгойдало страшенно і кинуло просто до скелі – і скеля завилала, як хижка звірюка, побачивши ласую здобич! І око не вспіло зморгнути – щент всі галери побиті!

Дівчина страху не знає, дівчина плава, керує човном, вихоплює сміливо втопників з моря і жваво на берег безпечний виносить. Вже їх чимало на березі стало, – ще більше їх гине у морі. А дівчина втоми не знає, дівчина й слухать не хоче, що море їй грізно гукає: «Гей, одступись, не змагайся зо мною! Здобич моя – не оддам я даремне! Геть, одступись, необачна! Доля страшна покарає тебе, – одступись-бо!»

Байдуже – дівка не слуха! Кинулась хвиля страшна, утлого човника міцно вхопила, кинула геть аж за банку, розбила, неначе лушпайку. Дівчина плаче; плаче вона не од болю, плаче вона не од страху, не за човном вона плаче; жаль їй великий, що нічим вже їй рятувати безщасних: «Ні! Таки спробую ще раз!» Миттю оджеу зірвала з себе і кинулась просто у море. Не зглянулось гнівнеє море: хижо коханку свою прогинуло.

Та зглянулась праведна доля: смерті собі не знайшла жалібниця відважна: чайкою сірою з моря спурхнула і з гирким плачем полетіла над морем... А дід і не знав, що дочка поробляє, та ті козаки, що вона зрятувала, сказали йому. З горя, з розпуки дід як розводив вогнище, так в його і кинувся просто. Згибли і дід, і дочка, та згибли не зовсім: щоночі вогник на скелі блукає, а сірі чайки без ліку розплодились на скелі, літають над морем та плачуть-кигичуть, лиш тільки зачують хижую бурю, звіщають пливців-мореходців та свідчать про давню давнину, про славу дівчину-чайку.

Примітка:

Вперше надруковано в журналі «Дзвінок», Львів, 1892, № 10.

СКЕЛЯ

Давно колись, дуже давно, на кримській високій горі стояли царські палати, зелені сади кучеряві збігали з червоної кручі над річку, що в диких крутих берегах вилася і билась, неначе роздрочений змії. В степу коливалась пшениця, по лугах паслись незчисленні отари, веселий народ населяв не німі кладовиська, а села веселі. А буйнеє море вітало той берег щасливий зеленими хвилями, – сонце всміхалось привітно веселому краю. І всім їм: і горам, і степові, й людям – була господинею кримська цариця. Краса несказанна була та цариця: струнка та висока, як той кипарис, як ранок рожевий, хороша, а очі, ті чорні очі – як блискавка грізна з-під чорної хмари, блищали з-під брів оксамитних. Хороша й багата, і грізна була та цариця; та тільки не царством своїм, не красою пишає цариця – пи-

шає, втішається мати синами, що кинув на втіху вдові молодій цар – їхній батько. Забула вдова своє горе, як глянула в вічі коханих малят, під щебет веселий на серці надія проснулася: чекає цариця, що зіронька щастя і слави знов засіяє над нею.

Раз колись ранком погожим вийшла цариця з синками в сад погуляти. Сонечко сипало золотом щиро, пахучі квітки головками кивали привітно, птаство в гіллі щебетало з усіх своїх сил; в холодках водомети перлистую пісню свою буркотали. Та щось не втішає ні сонце, ні квіти царициних любих хлоп'ят: поблідли їх ніжні личка, померкли блискучі очі.

– Сини ж мої, рідні діти мої! Чим ще веселить вас – кажіть? Чи вам привести жеребців дорогих? Чи пишную зброю подати? Чи хлопців, однолітків ваших, зібрати, щоб грались та вас розважали?

– Мамо-царице! Не треба нам коней – вони нам набридли! Не хочемо зброї – очам докучило розкіш блискучу її оглядати! Не треба скликати однолітків-хлопців – вони потомились.

– Що? Потомились?! Хіба вони сміють?! – скрикнула грізна цариця. – Ну, добре: я цих повелю перевішати, а других, ще кращих, набрати.

– Ні, матінко, ні, дорогая, не треба і сього робити, не можна цим нас звеселити. Звели краще, мамо, зробіть нам човна: поїдем гуляти-купатись у синєє море.

Звеліла цариця постройть галеру, – убрали її оксамитом, усю килимами заслали, парус шовковий на щоглиці має, і щогла, і прова, і корма – все золотом сяє.

Сунеться тихо галера по річці, не вітер жене її: слуги в пишному вбранню ведуть за червоні кодоли на тяглі галеру. Не вітер, не буйний на полі схиляє важкі колоски, – то погляд цариці, блискучий і грізний, схиляє підданих пред нею. Довго здивовані гори лунали піснями; рябіли убранням круті береги, поки галера до моря дійшла. А на морі стояв вже червоний намет, щоб пекучеє кримське сонце тіла царят не спалило, щоб вітер морський не куйовдив царського волосся, щоб глянуть ніхто із підданих не смів на красу несказанну.

Царевичі-хлопці на морі: вже горне зеленокришталъная хвиля гнучкий і тоненький їх стан, поше шовкове волосся, і краплі збігають, як перли, по ніжному тілу. А все не ясніють їх очі. Цариця задумана мовчки сидить: вигадує, чим би то ще звеселить своїх любих. Ось повела вона оком, і зараз музики заграли і хвилю морську заглушили, – не слухають діти музики. Ось глянула вдруге цариця, і браві дівчата пішли танцювати; ще нижче спустились головки царят. По слову цариці замовкли музики, співці невидимі співають: прегарная пісня по хвилі пливе, колихається з нею укупі; та дурно лунає та пісня, вуха хлоп'ячі минає.

Аж ось стрепенулись царята: по морю білів-манячив парусок, бистро до них наближався човник убогий, а в човні стояла і дзвінко співала дівчина; голос чудовий лунав-розлягавсь по воді, весела усмішка тремтіла на повних рожевих устах, а очі блищали і сипали іскри. Дірявий убогий був човник, а їй і байдуже: співає, весела, а іноді кине слівце або ласку слугам своїм; слуги ж ті – риби і птиці морські; риби пливли чередою, зграями птахи летіли слідком, трави морські звивались вінками круг човна, а човен був повен звіряток.

Ніхто її дівчини досі не бачив, ніхто зрозуміти не міг її пісні – усі дивувалися мовчки, вона ж не вважала, не кланялась гордій цариці, а сміливо просто пливла. «Хто се? Хто се?» – усі запитали пошептом поміж собою. Ніхто не промовив, ніхто не спинив. Дівчина когось до себе пальцем манить почала. Ніхто не вгадав, – тільки бідний невільник, що слухав давно, тремтючи, той голос чудовий, забув, що і руки і ноги заковані в пута важкі, що дозорщик стоїть за плечима з бичем.

– То воля, то доля! – нестямно він скрикнув і кинувсь у море. Невільницькі пута хотіли і тут його вдержать, на дно заховати; дівчина ж тільки махнула рукою – і весь її поїзд веселий кинувсь за втопником. Риби і птиці пірнули і винесли хлопця, взяла його дівчина в човен, взяла, пригорнула, на мертвих устах поцілунок поклала, і зараз ожив він, і пута розпалися самі собою. Махнув білий парус, і зникли вони на блакитнім просторі.

Зникла чудова мрія, а люди стояли, мовчали, очі царят загорілись питанням новим.

– Хто се, хто се чудова? – питали.

– Хто се невічлива? Хто непокірна? – грізно спитала цариця. Мовчали усі і не знали.

І знов повернула галера по річці угору: везла вона гнівну царицю й збентежених дивом царят.

Минулися дні і тижні, спливали роки, – виростають царята, – вже їх не вдержить в палатах і мати: як вітер степовий, літають на конях по цілому царству та волі якоїсь шукають, та долі якоїсь питають; з'їздили Крим вони весь, всі сади, всі мечеті, всі гори, долини сходили, питали у бідних. – «Нема, кажуть, волі»; питали в багатих. – «Нема, кажуть, долі». Зажурились царята і все поглядають

на море, а мати помітила – зараз звеліла спалити всі човни і галери, усіх рибалок залякати, щоб не сміли пускатись на море, щоб слуху і вісті ніде не було про заморську дівчину.

Раз колись буря прибила до берега човен старий; вбачили його юнацькі орлині очі з високої башти і ночі тієї ж пропали укупі з човном.

Розлютилась, розгнівалась горда цариця, що гребують діти і нею, і родом значним, і розкішним життям. Вийшла на скелю високу і так закліяла їх, щоб де б не були, а вернуться знов, чи живі там, чи мертві, не матимуть щастя в чужій стороні.

Плинуть часи за часами, як хвилі на морі, запекла цариця не хоче зняти закляття з дітей – жде їх, жде, щоб прийшли покорились, або щоб скарати.

– Сонце ти наше, царице! Зглянься над нами і вухо своє прихили милостиво до голосу вірних рабів... – Блиснули цариціні очі. Вістець у порога: каже, що парус якийсь-то на морі: ні він не тікає, ні він не підходить, а все проти берега ходє, неначе дозволу питає пристати. Так що б з ним почати?

– Носилки мені! – І носилки з'явилися: золотом куті, цяцьковані перлами. Шестеро слуг понесло на берег царицю, а ззаду потягся поїзд довженний із слуг та рабів.

Цариця на скелі. Кинула оком і зараз спізнала, чого малий човник блукає. Звеліла йому добрий знак подавати. Як бистрая чайка, до берега лине той човник, і вже коло берега – вже в йому бачить цариця дітей, що схилились чолом перед нею.

– А чого то були неслухняні? Якого гостинця з-за моря мені привезли?

– Волю, мамо, волю та силу – відвагу широку на морі знайшли і вільні юнацькі голови наші тобі на поклон принесли!

– Ха-ха-ха! – злобно зареготалась цариця. – Волю, та дрантя, та голови ще на придачу дурні! Знать, воля царська і одежа розкішна вам не до мислі! Не варті ви їх! Так гетьте з очей моїх!

– Мамо, о мамо! – благає сини...

– Гетьте з очей! Не з'являйтесь, поки царського гостинця мені не здобудете з моря!

Закипіла висока хвиля під веслами, парус, як птаха, на щоглицю звився, і скоро сиза імла сховала з очей малий човник.

Знов пливуть дні, пливуть ночі – царицін же гнів не спливає за днями, як лист за водою: така ж прехороша, така ж вона грізна сидить на престолі і мовчки чекає свавільних синів.

Два роки минули, і слуги летючую звістку оп'ять принесли, що парус на морі біліє, мов чайка, і держить до берега просто.

Цариця і слуги поїздом пишним прямують на берег. Нап'ято червоні намети, напитки, найдки, утіхи чекають коханих гостей. На самому розі цариця і бачить вже матернім оком їх прехороші обличчя, їх вуса шовкові і очі блискучі.

– Мамо, мамо! – радісно кличуть вони.

– Діти мої! Які ж ви хороші, які молодії! Та де ж ваші пишні шати, де ж ваші вірні слуги? Вдягайтесь-збирайтесь, несіть подарунки заморські матері бідній, що ждала вас ночі і дні. Ідіть, покажітья народу, що жде-дожидає царів молодих. Жде вас і царство, і щастя, і слава.

– Мамо, не треба нам царства: ми і без його багаті, не скрасять нас пишні шати, бо щастям блискучим, як золотом, вдягнені ми, і другого щастя ми не шукаєм, яке тепер маєм. Ми просим лиш щиро: прости нам свавольство і матернім серцем ти нас зрозумій, пригорни...

– Та яке ж бо то щастя? – з дивом питає цариця

– Мамо, те щастя – кохання! Кохання дівчини тієї...

– Згадала, згадала. Так се ж оте щастя – заморськеє диво? Кохання коханки рабів. Так на його зміняли і царство, і матір, і рідну країну, негідні сини? Геть же, прощення не дам вам!

– Мамо! – з сльозами молили. – Прости, зрозумій!

– Добре, простю вже, – блиснула очима цариця, – простю! Привезіть лиш мені в подарунок вашу коханку, пройдисвітку ту, що синів одбиває у ньеньки, нехай подивлюсь я на неї, нехай я помстюся над нею!

Не слухали маму царя: хвилі ярливі далеко їх мчали.

Всміхнулась цариця услід: тепер вже напевно мої – ач, помчали як хутко! Вернулась цариця до дому. Чекає-чекає, не год, і не два, і не три, не чотири; пожовкла, померхла, посивіла вся од старості і злості.

Аж ось поспішається-скаче гонець од моря. Цариця на берег, цариця значок викидає, – не ближчає парус порваний; лютує цариця на слугів, що довго готують плота, – уже зготували, гребуться, до човна прямують, і човен до берега тихо ведуть.

Вже пристав – і потомлених двоє пливців кучерявих блідих нерухомо лежать у йому.

Нахилилась цариця.

– Давайте ж мені скоріше, хутчіше ту злодійку люту! О, де ж вона, де?

Мовчать царенята, не рвуться на берег, не просять у матері ласки, лиш жалібно дивляться в грізнії очі цариці.

– О! Де ж вона? де?

– Немає! – тихо зітхнув старший син. – Кохання, як квітка, сьогодні цвіте, а на завтра зів'яла.

Отак же і щастя зів'яло для нас.

– Діти ви бідні, діти мої! Чого ж ви потомлені? Чого бліді? Хто мордував вас – дайте помстюся!..

– Ні, мамо, ніхто тут не винний: втомилися ми, блукаючи в світі по волі без долі, зблідли та схудли, бо їжу і воду усю оддали ми на дорозі стрічним, що їхали так, як і ми, – питалися долі та волі.

– Мабуть, хтось рідний? Та й дуже? Хто то був, дітки?

– Хто був? Гяури, невольники, мамо; з тяжкої неволі втікали.

– Годі, годі, прокляті! Тричі прокляті! Не діти мої ви, нема в вас ні царської крові, ні честі! Нема ж вам од мене ні ласки, ні слова, нема для вас матері, згиньте, прокляті!

Високо встала цариця, звела проклинаючи руки. Ще раз прокляла їх за волю, за добрее серце, і тільки сказала – уся скам'яніла, уся обернулася в високу скелю, пишная одіж – в червону глину, сивії коси – в бур'ян-колючки.

Забачили діти, кинулись в ноги з мольбою; хотіли слізьми розтопити запеклеє серце, а скеля сурова сипнула каміння... сини розлилися гіркими сльозами.

Із того часу стоїть собі гордая скеля над морем. Дощі її миють, вітер буйний обвіває, зриває рослину з червоного тіла. А коло ніг її синее море то плеще, то стогне – то діти все матір і досі благають, щоб зняти закляття. Старший почне говорити, – запіниться бурнее море, бушує, реве, припадає до скелі, хапається – міцно і грізно, вимагає у неї слова прощення; а менший коли заговорить – лащить море і плеще, блищить, мов шовкове, криштално блакитне. Та скеля не слуха – суворо мовчить і лиш іноді кида каміння. І чекають обое: сини, коли матір зм'ягчить своє серце, прихилиться щиро до їх, а мати – коли її діти під ноги їй викинуть утоплену долю та волю.

Примітка:

Вперше надруковано в журналі «Зоря», Львів, 1893, № 12.

МОРСЬКЕ СЕРЦЕ

Раз в морі купалося двоє братів. От старший скупався, на берег пливе, а менший все далі та далі. І хвиля морська закохалась в відважному браті: взяла, обняла його міцно і тягне до себе на дно, в чудове підводнеє царство.

А хлопець пручається, хлопець кричить, гукає на рідного брата, щоб швидше йшов рятувати. А старший боїться плисти. «Глибина, дума, згину ще й я з ним укупі!»

– Ой братику милий! Ой братику любий, рятуй! – З сльозами ще раз вирнув хлопець, од жаху волосся рвучи.

– Нехай тебе бог порятує! – несміливо старший сказав, а сам не насмів і зирнути, як брат потопає, – гребеться до берега хутко, на камінь вилазить. Розсердилась хвиля, погналась за страхополохом, нагнала, знесла його в море, втопила.

І меншого брата схвала морська цариця на дно, і сльози його повернулися в чистії перли, а кучері в пишні коралі, а старшого брата риби й раки уцент рознесли, лиш серця ніхто не схотів і торкнути: таке було гидке оте полохливеє серце!

І досі є в морі те серце: несміливо, крадучись, плаза, слизьке та холодне, жалке, наче та кропива, ворухиться мляво та труситься, тіні од себе не має – прозоре. А море гидує тим серцем: на беріг його викидає, а там воно гине без сліду.

Примітки:

Вперше надруковано в журналі «Дзвінок», Львів, 1891, № 13.

Подается за виданням: Дніпрова Чайка. Твори. – К.: Державне видавництво художньої літератури, 1960. – С. 151.

Наталья МОРКВА

НИКОЛАЕВСКОЙ КНИГЕ БЫТЬ!

История николаевского книгопечатания насчитывает более двух столетий и помнит как времена расцвета, так и времена ограничений, забвения. О том, как реально обстоят дела в этой отрасли, уже 14 лет подряд иллюстрирует выставка местных издательств «Николаевская книга» – крупномасштабное мероприятие, с инициативой организации и проведения которого выступила в 2003 году Центральная городская библиотека им. М. Л. Кропивницкого. За относительно короткий период форум николаевского книгоиздания превратился в крупное ежегодное событие, праздник местной книги. Каждый год, когда читающее мировое сообщество 23 апреля отмечает Всемирный день книги и авторского права, николаевцы и гости города имеют возможность ознакомиться с местными книжными новинками, принять участие в многочисленных творческих встречах, пообщаться в неформальной обстановке с литераторами, историками, краеведами и расширить свои знания о прошлом и настоящем Николаева, почувствовать современную «культурную пульсацию» нашего города. Для них свои новинки ежегодно представляют от 14 до 19 николаевских издательств, вузовских издательских центров, журналов. На протяжении многих лет постоянными участниками выставки были издательства «Атолл», «Гудым И. А.», «Дизайн и Полиграфия», «Илион», «Возможности Киммерии», «Наваль», «el Talisman», «Шамрай», «Яслав», издательские центры Николаевского национального аграрного университета, Черноморского государственного университета им. Петра Могилы, Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского, Национального университета кораблестроения им. адмирала Макарова, Николаевского областного института последипломного педагогического образования, журналы «Автограф. Век XX», «Деловой союз», «Имена», «Горожанин», «Соборная улица».

Из года в год на выставке местных издательств «Николаевская книга» апробируются новые интересные форматы знакомства с авторами и книгами. В частности, стало уже доброй традицией проведение тематических дней – Дня историко-краеведческой книги, Дня поэзии, Дня издательства, Дня создателей книги, Дня лауреатов литературных премий, Дня мецената. Проходят многочисленные презентации авторов и изданий, творческие и юбилейные вечера, авторские бенефисы, громкие чтения, автограф-сессии, стендовые показы, театральные показы, экспресс-обзоры готовых к изданию книг, экскурсии и прочее.

Ежегодно в программу книжного форума привносятся креативные новинки. В 2007 году инициировано проведение в рамках выставки ежегодного областного конкурса «Лучшая Николаевская книга». В 2013–2014 гг. на книжном форуме чествовали лауреатов ежегодного областного конкурса на лучший проект по популяризации местного книгоиздания и чтения из числа представителей СМИ, библиотек и общественных организаций. К числу успешных наработок выставки добавилось проведение культурно-досуговой акции «Ночь в библиотеке» с участием краеведов, литераторов, музыкантов (2013–2014 гг.).

С 2012 года, когда отмечался 10-летний юбилей выставки, в формате форума произошли изменения. Расширились площадки проведения плановых мероприятий. Кроме основного традиционного места проведения выставки на базе городской библиотеки, ряд встреч происходит в библиотеках-членах Николаевской областной библиотечной ассоциации – Николаевской областной библиотеке для детей им. В. Лягина, Научно-педагогической библиотеке г. Николаева, Центральной библиотеке для детей им. Ш. Кобера и В. Хоменко. Радушно встречает гостей детский городок «Сказка».

В юбилейный 2012 год на территории, прилегающей к Центральной городской библиотеке им. М. Л. Кропивницкого, был заложен Литературный сквер. При поддержке департамента ЖКХ горсовета «именные» деревья высажены в честь николаевских писателей-юбиляров и лауреатов премий – В. Бойченко, В. Качурина, Д. Кремния, Ю. Крючкова, А. Малярова, В. Пучкова, Э. Январёва.

Благодаря интернет-технологиям участниками творческих встреч теперь могут стать люди, проживающие в других городах и странах. Аудиозаписи всех творческих встреч размещаются на аудиоблоге «Звуковой силуэт Николаева». На канале библиотеки в социальной сети YouTube с успехом демонстрировался видеопроект «Пожелай николаевской книге!!!».

Не оставляют николаевцев равнодушными и предметно-документальные выставки библиотечного «Литературного музея на Потёмкинской», основу фондов которого составляют коллекция книг с автографами, рукописи, сигнальные экземпляры книг, памятные личные вещи, документы, картины, фото, переданные в дар библиотеке известными николаевскими авторами. Помогают дополнить эти тематические экспозиции интересные экспонаты и документы, предоставляемые Николаевским областным краеведческим музеем, литературными объединениями и коллекционерами (Ю. Любаровым, В. Юрловым).

В 2016 году с 20 по 28 апреля XIV ежегодная выставка местных издательств «Николаевская книга» пригласила николаевцев на свои творческие площадки. Программа выставки была насыщена и разнообразна, рассчитана на различный читательский вкус и возраст.

«Николаевская книга – 2016» имела ряд особенностей. Она проходила под эгидой 25-летия независимости Украины и Года юбилеев литераторов-земляков, объявленного на Николаевщине. В рамках выставки издательств состоялись мероприятия по чествованию юбиляров – Валерия Бабича (75), Валерия Бойченко (75), Андриана Топорова (125).

Изюминкой выставки стало представление широкой публике не только новых напечатанных книг, но и сигнальных экземпляров краеведческих изданий, уже готовых или готовящихся к печати (Л. Чижова, В. Бабич, Ю. Крючков). А это значит, что книгоиздание, несмотря на многие проблемы, продолжает развиваться.

На экспозиционных стендах издательств нынешнего года было представлено 430 изданий, из них 130 – совершенно новая литература: история и краеведение, поэзия и проза, детские книжки и учебные пособия. Сегодня в Николаеве работают 14 издательств, однако на выставке были представлены результаты работы 17-ти. С тревогой и грустью можно отметить, что деятельность некоторых николаевских издательств приостановилась или вовсе прекратилась. Поэтому на выставке, начиная с 2015 года, представляются не только новинки, но и ретроспектива николаевского книгоиздания – книги, на сегодняшний день уже ставшие букинистической редкостью, на которых выросло и выучилось современное поколение николаевцев, книги, которые, возможно, уже никогда не будут переизданы и сохранятся только в библиотеках и личных коллекциях. Это печатные раритеты издательств «Возможности Киммерии», «Атолл» и др.

Книжный форум уважительно относится ко всем николаевским авторам и издателям – и ныне здравствующим, и уже ушедшим. Два года назад Николаев простился с книгоиздателем, председателем общегородской программы «Человек года. Горожанин года» Валерием Карнауком. Вклад Валерия Анатольевича в развитие книгоиздания и культуры Николаева трудно переоценить. Он одним из первых начал массово издавать книги, посвящённые истории города, а литературное книгоиздание получило новый творческий толчок, опираясь на идеи В. А. Карнаука. Открытием мемориальной доски на здании по ул. Потемкинской, 48, где много лет размещался магазин издательства «Возможности Киммерии», горожане почтили память мецената и книгоиздателя. К сожалению, минувший год ознаменовался целым рядом печальных событий и потерь: николаевцы попрощались с Борисом Аровым, Юрием Крючковым, Альбертом Вербецом, Михаилом Ковалевским, Николаем Трояновым. Их творческие вечера и бенефисы, презентации книг не раз проходили в городской библиотеке. Памяти этих удивительных людей были посвящены предметно-документальные выставки, знакомящие посетителей с неизвестными страницами жизни и творчества земляков.

Несколько слов о программе выставки, каждый из 9 дней которой был наполнен интересными событиями.

В первый день выставки, 20 апреля, известный николаевский журналист и поэт, главный редактор газеты «Вечерний Николаев» Владимир Пучков презентовал сборник «Ольвийские агоны». На базе Центральной городской библиотеки им. М. Л. Кропивницкого три года подряд (2011–2013) проходил финальный этап поэтического конкурса Всеукраинского фестиваля «Ватерлиния». Кульминационным моментом трёхдневного фестиваля были поэтические чтения имени Анахарсиса под звёздным небом на Ольвийской земле в усадьбе художников Бахтовых. Здесь проходили соревнования среди молодых поэтов и мэтров поэтического слова. Этот дружеский турнир, посвящённый первопоэту причерноморского края Анахарсису, и лёг в основу сборника «Ольвийские агоны». В книгу вошли статьи и стихотворения участников встреч. Редактором и составителем сборника выступил поэт, журналист, председатель Николаевской областной организации Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины» Алексей Торхов. Издание дополнено работами известных николаевских фотографов.

Большим другом выставки и постоянным её участником является известный николаевский прозаик, драматург и режиссёр Анатолий Маляров. В библиотеке неоднократно проходили презентации его книг и творческие вечера. Анатолий Андреевич четыре раза был победителем областного конкурса «Лучшая Николаевская книга». Проживая в Николаеве уже 55 лет, он постоянно находит в нашем городе и его жителях новые темы для своих произведений, многочисленных повестей, пьес, телесценариев, рассказов и очерков. 22 апреля автор презентовал свою новую книгу «Вкус провинции». Это 24-я книга писателя, включающая рассказы и пьесу, которые смакуют провинциальную жизнь и пронизаны оттенком лёгкой ностальгии. В них дышит, мыслит, чувствует и действует литературный герой, в котором угадываются черты иронично настроенного автора. На презентации своими впечатлениями о книге поделились известные николаевские литераторы, издатели, журналисты и деятели культуры.

Второй день выставки, 21 апреля, был посвящён одной из самых востребованных среди горожан тем – историко-краеведческой книге. В этот день состоялись два символических для Николаева мероприятия. Первое – вечер-акция в поддержку издания книг выдающегося учёного, историка, д.т.н. Ю. С. Крючкова, подготовленных к печати при жизни профессора. «Эти книги мечтал издать летописец города Николаева». Под таким названием прошла встреча, на которой внимание общественности обращено на подготовленные, но не изданные при жизни две книги Юрия Семёновича Крючкова, посвящённые истории парусного судостроения в Николаеве и николаевского градостроительства в историко-архитектурном стиле модерн. Кругозор и энциклопедические знания учёного позволили ему создать два масштабных труда. На встрече николаевские издатели Василий Торубара и Лев Траспов представили сигнальные экземпляры изданий и рассказали об объявленной подписной кампании на книги, которыми автор и издатели могут гордиться, а город Николаев прославиться.

Завершился этот выставочный день не менее интересной встречей, на которой все участники окунулись в историю родного города начала XX ст. В рамках краеведческих студий представили сразу две книги. Первую – «Честью и кровью венчанные. Николаев. Первая мировая» представили доцент, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Николаевского национального университета им. В. А. Сухомлинского, д.и.н. В. А. Пархоменко и старший научный сотрудник Николаевского областного краеведческого музея, автор хорошо известных историко-краеведческих книг и телерадиопередач Т. Н. Губская. Большая часть материала, включённого в книгу, уже была опубликована авторами в более ранних изданиях. А теперь они объединены и дополнены в новой книге.

О второй книге «Николаев – последний форпост немецких войск на Чёрном море» рассказал любитель истории, краевед, писатель, коллекционер, директор Детского городка «Сказка» Ю. И. Любаров. Уникальность издания состоит в том, что оно впервые дословно переведено с немецкого языка и при этом является библиографической редкостью.

Обе книги повествуют об истории нашего города на переломе двух эпох, а именно в годы Первой мировой и Гражданской войн. В книгах собраны уникальные материалы, таблицы, карты, фотографии, публикующиеся впервые.

23 апреля, отмечая Всемирный день книги и авторского права, жители города смогли принять участие в Буккроссинг-фесте в Детском городке «Сказка». В этот символический для мировой литературы день, в честь памяти мастеров художественного слова Сервантеса и Шекспира, а также выдающегося украинского писателя Ивана Франко, в разных уголках детского городка работали тематические арт-площадки. Эпоху средневекового рыцарства представлял клуб исторической реконструкции «Грифон», демонстрируя на фоне замка рыцарские бои. Романтическую эпоху Шекспира помогли воссоздать в амфитеатре городка мастера аква-гримма. Мелодии украинской народной песни приблизили посетителей к творчеству истинно народного гения Ивана Франко. По всему городку «Сказка» действовала акция буккроссинга. Чтобы любой желающий в этот день смог по принципу «прочитал – отдал другому» поменяться книгами, на территории городка «Сказка» были оборудованы уличные книгообменники.

24 апреля на творческой встрече «Читаем всей семьёй» представили сразу три книги для детей и взрослых николаевского поэта-аматора Геннадия Борисова. Автор пишет уже четверть века, но только два года назад опубликовал свой первый сборник. Абсолютно разные темы, юмор автора, умение найти «детскую» интонацию для рассказа о сложных вещах делают поэзию автора интересной для чтения в семейном кругу. Оригинальным дополнением к презентации стали куклы талантливой николаевской художницы и мастерицы, преподавателя Детской художественной школы Елены Маркитан.

25 апреля в библиотеке прошли две встречи, посвящённые местной прозе и публицистике. Одна из встреч – презентация творчества николаевского автора Александра Витальевича Финогеева, 25 лет прослужившего военным врачом на флоте. Все его книги – это сборники рассказов, в которых в юмористической форме с определённой долей реальности и фантазии он рассказывает о службе в Военно-морском флоте и жизненных ситуациях, делится своими мыслями. В 2015 году издательство «Илион» выпустило в свет новую книгу автора «Миражи тумана», которая и была представлена читателям. Она продолжила повествование, начатое автором в сборниках рассказов «В те дни в морях дороги наши были» (2008), «И жизнь, и море, и любовь...» (2009), «По местам стоять!» (2013), «В жизни не поверю!» (2014).

В этот же день, 25 апреля, николаевский инженер-судостроитель, писатель, краевед, журналист Валерий Бабич пригласил друзей на свой творческий юбилейный вечер «На стапелях и в дальних походах». Автор порадовал присутствующих приятным сюрпризом – презентацией сигнального экземпляра новой книги «Фотогалерея «Авианосцы», в основу которой легли фотографии, отображающие строительство, испытание и несение боевой службы кораблей, построенных в Украине (Николаев, ЧСЗ) и в США. По уже сложившейся традиции, автор передал материалы из богатейшего личного архива в Литературный музей библиотеки.

27 апреля состоялось торжественное подведение итогов областного конкурса «Лучшая Николаевская книга». 10-й по счёту конкурс отметил свой культурный рубеж именами новых победителей.

28 апреля, в завершающий день выставки, состоялся вечер памяти «Не повторится мгновение», посвящённый 75-летию известного николаевского поэта, переводчика, общественного деятеля Валерия Бойченко. Он – автор многих сборников поэзий и переводов, книг для детей, учебных пособий, а также более ста краеведческих и публицистических статей. В его переводах с английского на украинский язык читатель познакомился с произведениями классиков американской поэзии Роберта Фроста и Сильвии Платт, всемирно известным романом Роберта Льюиса Стивенсона «Корабельная катастрофа», шедеврами английской детской поэзии. Благодаря инициативе Валерия Бойченко наша библиотека носит имя выдающегося земляка М. Л. Кропивницкого. На вечере, наполненном тёплыми и трогательными воспоминаниями друзей и коллег о поэте, звучала поэзия Валерия Бойченко и песни на его произведения в исполнении известного николаевского певца Александра Сычёва и библиотечного театра «Арт-Класс». Во время вечера демонстрировались работы участников конкурса буктрейлеров по произведениям В. Бойченко, организованного библиотекой Кропивницкого.

Библиотеки города поддержали выставку проведением интересных встреч на своих площадках. Николаевская областная библиотека для детей им. Лягина пригласила николаевцев на презентацию детских книг Татьяны Курносенко и Людмилы Чижовой, состоялось знакомство в формате Скайпа с новой книгой нашей землячки Лидии Гулько об истоках украинской письменности. Центральная городская библиотека для детей им. Ш. Кобера и В. Хоменко знакомила юных любителей детективов и приключенческих квестов с новой книгой Евгении Бардиной о николаевских катакомбах.

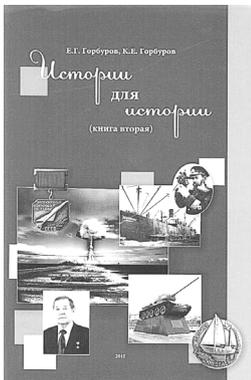
Арт-сопровождение выставки подготовила Детская художественная школа г. Николаева, представив экспозицию работ учащихся «Батик».

Таким образом, ежегодно книжный форум предлагает события для людей любого возраста и сферы интересов, собирает вместе читателей и авторов для общения и вдохновения, развлечений и интеллектуальных дискуссий. Выставка издательств является местом встречи писателей, поэтов, публицистов, философов, историков, издателей, художников и музыкантов, бизнесменов и политиков, учёных и культурных активистов, взрослых и детей. Совместными усилиями создаётся круг, в котором стартуют идеи, появляются новые инициативы, возможности, связи и книги. «Николаевские книги – пусть с большим трудом, пусть маленькими тиражами, – но издаются. И будут издаваться – потому что в Николаеве их есть кому читать... и ещё потому, что Николаев обладает замечательным творческим потенциалом: талантливые тексты, созданные николаевскими краеведами, историками, писателями, поэтами, журналистами, обязательно должны увидеть свет! – сказала издатель Ирина Гудым во время одной из встреч. – Наша общая задача – научить детей любить нашу историю, наш город, научить подрастающие поколения ценить слово, уважать людей, живших когда-то и ныне живущих в Николаеве. А как это можно сделать? Только посредством книги».

Морква Наталья Борисовна. Заведующая отделом обслуживания пользователей Центральной городской библиотеки им. М. Л. Кропивницкого.

КНИГИ-ПОБЕДИТЕЛИ X ОБЛАСТНОГО КОНКУРСА «ЛУЧШАЯ НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА»

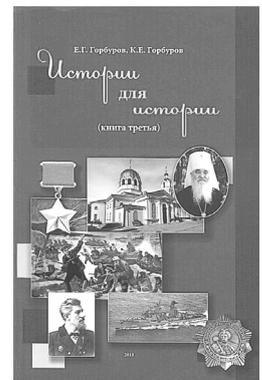
Номинация «Лучшее историко-краеведческое издание»

Горбуров, Е. Г. Истории для истории: Очерки об исторических событиях, о Николаевской земле и её людях. Кн. 2 / дар. Е. Г. Горбуров, К. Е. Горбуров. – Николаев : Издательство ПО «Шамрай», 2015. – 256 с.: фот. цв., фот.

Горбуров, Е. Г. Истории для истории: Очерки об исторических событиях, о Николаевской земле и её людях. Кн. 3 / дар. Е. Г. Горбуров, К. Е. Горбуров. – Николаев : Издательство ПО «Шамрай», 2015. – 236 с.: фот. цв., фот.

В книгах собраны очерки об интересных исторических событиях и наших земляках, которые ратными и трудовыми подвигами и свершениями прославили Николаевщину. Книги проиллюстрированы фотографиями и документами, большая часть которых не публиковалась ранее. Издание рассчитано на преподавателей истории, краеведов, учащихся, студентов, всех, кто интересуется историей Украины и Николаевской области.

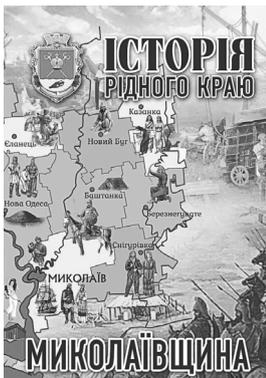

Номинация «Лучшее учебное издание и учебники»

Історія рідного краю : Миколаївщина : навчальний посібник / М. М. Шитюк (кер. авт. кол.), О. О. Баковецька, Н. М. Буглай та ін. – Миколаїв : Іліон, 2015. – 628 с.

Розкрито історію Миколаївщини від сивої давнини до сучасності. Автори на основі архівних документів і матеріалів показали, як зароджувалося життя в нашому краї. Крім історичних подій, знайшлося місце і для показу таких тем, як національні меншини, культура краю, визначні постаті та ін.

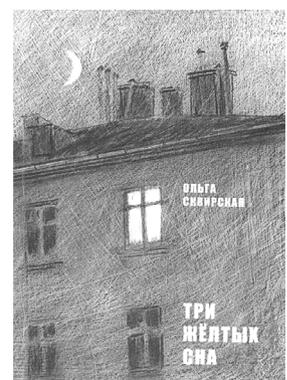
Посібник підготовлено для учнів середньої загальноосвітньої школи.

Номинация «Лучший поэтический сборник»

Сквирская, О. Три жёлтых сна : стихи, эссе / О. Сквирская. – Николаев : Илион, 2015. – 84 с.: ил.

«Три жёлтых сна» – вторая книга Ольги Сквирской. В неё вошли тексты, написанные за последние пять лет – с момента выхода первого сборника стихов «Васильковые бусы» (2010 г.). На этот раз вниманию читателей представлена не только поэзия, но и проза. Если охарактеризовать содержание книги одной фразой, то она будет звучать так: «Три жёлтых сна» – это печальная песня о любви под сенью осеннего города».

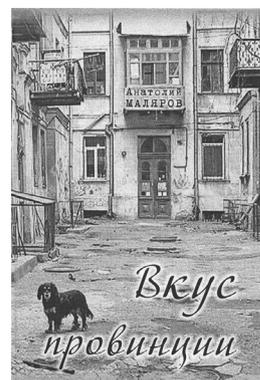

Номинация «Лучшее прозаическое произведение»

Маляров, А. А. Вкус провинции / А. А. Маляров. – Николаев : Илион, 2015. – 240 с.: ил.

Двадцать четвертая книга – плодovitый автор Анатолий Маляров. Утешает мысль, что не лицемерный и вполне наш, николаевский, прозаик. Умеет город, в котором живёт 55 лет, сделать экзотическим, немилосердную драму передать с грустной улыбкой, людей приводить с наших улиц и не щадить, как, впрочем, и себя.

Номинация «Лучшее издание для детей и юношества»

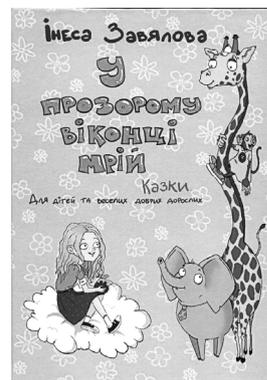
Бардина, Е. «КамОсвет» или записка из таинственного прошлого / Е. Бардина; худож. С. Чебанова. – Николаев : Издатель Ирина Гудым, 2015. – 160 с.: ил. – (Південна бібліотека).

«Я всегда любила жизнь, движение, мечты и приключения. Иногда кажется, что всё самое интересное происходит где-то вдалеке, но достаточно посмотреть по сторонам, и вы увидите, сколько чудес в мире вокруг, а тайн – прямо под ногами. Я верю в это. Знаю это. Нахожу это. Более того, с радостью этим с вами делюсь».

Евгения Бардина

Завялова, І. А. У прозорому віконці мрій : казки для дітей та веселих дорослих / І. А. Завялова; худож. А. Джейн. – Миколаїв : ФОП Швець В. Д., 2015. – 100 с.: іл.

Книга «У прозорому віконці мрій» пропонує вам стати трохи чарівниками, художниками. Візьміть фарби, олівці, намалюйте свої ілюстрації до казок. Можливо, малюючи казкових персонажів, казковий світ відкриває вам свої потаємні дверцята, відкриває свої незвичайні таємниці. Світ мрій – стане реальністю! А також ви можете дописати або змінити зміст казок. Для цього достатньо тільки вашої уяви! Фантазуйте сміливо! Розкажіть своїм батькам чи друзям, що б ви змінили в казках і як. Розкажіть, які казки вам сподобались і чому.

Номинация «Лучший литературный дебют»

Золота арфа. Творчість молодих митців Миколаївщини. – Випуск XIV. – Миколаїв : Іліон, 2015. – 240 с.

«Золота арфа» – обласний літературний конкурс, який народився в часи незалежної України завдяки небувалій духовній енергії, що покликала до творчого життя молодих поетів і прозаїків, драматургів і публіцистів із найдалших куточків Миколаївщини. З кожним роком кількість учасників збільшується, а географія молодих учасників конкурсу окреслюється від маленьких селищ до великих міст області. В однойменному альманасі публікуються твори переможців XIX обласного конкурсу «Золота арфа» 2014 року. Як золота арфа, звучить одухотворене слово молодих, народжених у новій Україні.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК

МЕМУАРЫ ВАЛЬТЕРА ФЕСТА

24 марта в историческом особняке на улице Шевченко состоялась любопытная презентация, был представлен репринт уникального издания 100-летней давности – «**Николаев: последний форпост немецких войск на Чёрном море**» (*Nikolajew, der letzte Posten am Schwarzen Meer*), 1919. – Николаев. Украина, 2016.

Книгу написал руководитель пресс-службы командующего германскими оккупационными войсками в Николаеве Вальтер Фест и издал за добровольные пожертвования немецких солдат и офицеров в типографии города Дуйс-бурга, земля Нижний Рейн, уже после войны. К нам в город эта замечательная книга попала «кружным путём», благодаря усилиям писателя Юрия Иосифовича Любарова.

Она была случайно «выловлена» на каком-то блошином рынке у антиквара и выставлена «глухим лотом» на Интернет-аукционе. Её купили, привезли в наш город и, благодаря финансовой поддержке предпринимателя Вячеслава Ладченко, народных депутатов Украины Александра Жолобецкого и Бориса Козыря, перевели на рус-

ский язык. Техническую редактуру осуществляли Дмитрий Ремественский, Анатолий Пацюк, Иван Харитонов, Наталья Христова и сам Юрий Любаров. Хороший литературный перевод текста сделали Д. Драмарецкий и С. Тищенко.

Руководитель пресс-службы немецкого гарнизона в Николаеве Вальтер Фест был человеком системным, потому собрал о Николаеве всю доступную информацию по экономике, истории и культуре города, сделал грамотный «социологический срез» населения и его ментальности.

Период первой немецкой оккупации Николаева (1918–1919) – один из самых малоинформативных в истории города, потому книга Вальтера Феста, наполненная статистическими данными, маршрутами перемещения воинских частей, картами боевых действий на территории нашей области и коммуникациями перемещений отрядов фуражиров – бесценный клад сведений для тех краеведов, которые занимаются этим временем. Среднему обывателю книжку читать довольно трудно. Не каждый горожанин любит на сон грядущий просматривать статистические таблицы умерших от ран, эвакуированных солдат и раскладку продовольственного пайка немецких гренадёров.

Можно только себе представить, как собирались в разорённой Германии деньги на это издание. Немецкие ветераны Николаевского гарнизона, в условиях галопирующей инфляции и тотальной нищеты, отдавали последние деньги, чтобы эта книжка увидела свет. Мемуары Вальтера Феста – свободны от личностных эмоций. Это репортаж CNN о том, что творилось в Николаеве в 1918 году. Здесь есть и криминальная ситуация в городе, и словесные портреты атамана Григорьева, воровских авторитетов. Это бесстрастное изложение истории края.

Алексей Толстой, когда писал роман «Петр I», перелопатил в архивах весь летописный свод Древней Руси, то же самое сделал Александр Дюма, создавая «Трёх мушкетёров», чтобы сделать такую же бесстрастную матрицу, какую сделал немецкий журналист о нашем городе. Вальтер Фест совершил первоначальную (самую трудную) работу для тех, кто потом... когда-нибудь воспроизведёт художественную реальность этого времени. Он облегчил труд будущих писателей.

В Николаеве пишется очень мало художественной исторической прозы (в основном публицистика), которая создаёт единую память о прошлом и является скрепляющим цементом истории городской общины. Хочется снять шляпу перед меценатами, редакторами и творческим коллективом, который сделал эту книжку доступной.

Сергей Гаврилов

ХВАЛИТЬ НЕЛЬЗЯ РУГАТЬ

На скромном, но уже известном и посещаемом сайте Врадиевского районного издательства (Николаевская обл.) в качестве эпиграфа приведены слова великого Вольтера: «Никогда двадцать больших томов не совершат революцию. Её совершат маленькие карманные книжки в двадцать су».

Похоже, Анатолий Григорьевич Коваленко, руководитель единственного в области районного книжного издательства, знает, что может быть двигателем общественного прогресса, и не покушается на глобальные масштабы: его предприятие ориентируется на потребности земляков и выполняет широкий спектр полиграфических услуг. Главное – они оказались востребованными, об этом свидетельствует уже почти десятилетняя деятельность и добрая репутация среди заказчиков. Солидно выглядят и отчёты издательства: за последние пять лет выпущено около 30 наимено-

ваний книг и брошюр общим тиражом 8 тыс. экземпляров, задуманы и реализуются два сериальных проекта. Авторы двух книг, подготовленных и изданных в районном центре, были удостоены дипломов на всеукраинском и областном конкурсах.

Книги, увидевшие свет во Врадиевке, имеют международную стандартную нумерацию, УДК и ББК, служебный аппарат, дизайнерское оформление. Весьма важно, что в издательстве имеют чёткое представление о критериях своей работы, прежде всего целевом назначении книги и адресности читателя. Здесь есть уже свои авторы, среди них поэтесса из Первомайска Л. Лисогурская, её пятый поэтический сборник «Краяни» включает и цикл русскоязычных переводов А. Ахматовой, И. Бунина. Популярны среди врадиевчан книги, рассказывающие об истории местных сёл, творчестве юных, ветеранов. Пожалуй, впервые здесь опубликован оригинальный том «прозы жизни» – рассказов и повестей Е. Л. Аксарина «Длительное свидание». Они о «местах не столь отдалённых», тюрьме, где проходили университеты автора-повествователя, и воспринимаются они как автобиография без особого сюжетного вымысла. Трудно судить о художественных достоинствах этого произведения. Во всяком случае, трудно согласиться со второй частью тезиса аннотации: «Это книжка человека сложной, но в итоге – счастливой судьбы».

В семейном издательском бизнесе (руководитель, дизайнер, корректор – все Коваленко) важное место принадлежит А. Г. Коваленко, который выступает и в качестве редактора. Его инициатива – издание миниатюрной книжки «Врадиевка без цензуры» (2015). Из «ироничных усмешек», публиковавшихся на страницах районной интернет-газеты, Коваленко составил сборник высказываний местной молодёжи про свою малую родину. Эти выражения добродушны, остроумны, касаются характера врадиевчан, их духовных ценностей, рыночных отношений, реакции на негативные явления, о суде, милиции и свидетельствуют, в конечном счёте, о хорошем нравственном здоровье земляков. Врадиевский юмор с полным основанием можно отнести к жанрам современного фольклорного творчества. Чтобы убедить читателей «СУ» в справедливости настоящих выводов, приведу подборку выражений из книжки-малютки «Врадіївка без цензури».

- *Як же добре було при СРСР, хоч було що вкрасти.*
- *Нонсенс! У Врадіївці навіть є своє книжкове видавництво, але в районі немає жодної книгарні.*
- *Наша лікарня настільки бідна, що в ній просвічують грудну клітку за допомогою ліхтарика.*
- *Сів у автобус. Стою.*
- *Запис у шкільному щоденнику: «Ваш син єдиний, хто взяв у похід горілку! Спасибі вам за сина».*
- *Наші дитсадки настільки корупційні, що там уже можна купити диплом випускника школи.*
- *На уроці географії вчителька питає Вовчика:*
 - *Люди яких національностей населяють Врадіївку?*
 - *У Врадіївці живуть українці, ватники, совки і чайники.*
- *Тільки у нас майже всі магазини називають прозвищем або ім'ям підприємця.*
- *Тільки наші продавці можуть дати здачу 100 гривень сірниками або цукерками.*
- *Нещодавно у Врадіївці зіткнулись «Лексус» і «Ламборджіні». Співробітники ДАІ, що прибули на місце ДТП, дві години фотографувались на їхньому фоні.*
- *Врадіївські міліціонери виявили чоловіка, який вирощував коноплю на городі, і почали його спонсорувати.*

От себя добавлю: действительно, без цензуры, но с редактором.

Евгений Мирошниченко

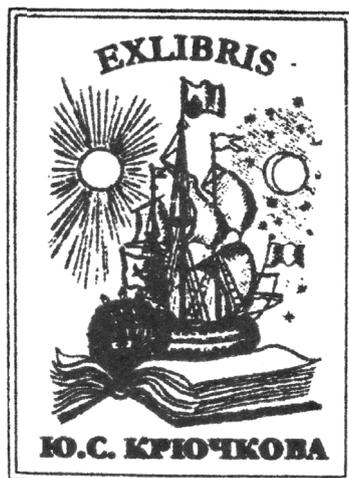

ИЗ БИБЛИОТЕЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Поговорим о явлении, давшем название нашей рубрике, – экслибрисе. «Краткая литературная энциклопедия» (т. 3, 1966 г.) определяет «книжный знак», или «экслибрис» (от лат. *ex libris* – «из книг»), как «художественно исполненную этикетку, указывающую на принадлежность книги определённому лицу или библиотеке, наклеиваемую на внутренней стороне верхней крышки переплёта». Родиной печатного книжного знака считается Германия. Отцом экслибриса многие исследователи называют Альбрехта Дюрера, выдающегося немецкого живописца и графика, занявшегося изготовлением книжных знаков в первые годы XVI века. Всего известно 20 экслибрисов его авторства. Вначале экслибрис был непременной принадлежностью библиотеки знатного рода. Фактически он выполнял роль библиотечного герба владельца, передаваясь из поколения в поколение. Но постепенно к XIX веку личная библиотека перестала быть принадлежностью исключительно привилегированных сословий. Владельцами значительных книжных собраний становились писатели, учёные и просто просвещённые люди, что способствовало массовому распространению экслибриса. А в XX веке произошёл настоящий ренессанс экслибриса. Он практически стал самостоятельным жанром графического искусства. Среди русских и советских графиков, содействовавших развитию книжного знака, – И. Я. Билибин, А. Бенуа, М. А. Врубель, В. М. Васнецов, Б. М. Кустодиев, Г. И. Нарбут и др. Именно в это время экслибрис всё больше становится отражением духовного мира личности и печатью вкуса своего владельца. Одновременно с этим началась и эпоха коллекционирования экслибрисов. Этот вид собирательства получил название *экслибрисистики*. В 1960–1970-е годы возникла даже мода на экслибрис, вызванная подъёмом книжного коллекционирования и массовым библиофильским движением в стране.

К сожалению, всё это в прошлом. Нынешний интерес к экслибрису напоминает слабо прощупывающийся пульс и резюме: «Пациент скорее мёртв, чем жив». Большие и уникальные библиотеки-коллекции старых уважаемых библиофилов, в связи со смертью последних, распроданы за бесценок потомками, сданы на книжные «барахолки». Нередкие в них книжные знаки не стали деталью, повышающей цену издания, ввиду ухода моды на них.

А есть ли сегодня места, кроме коллекций редких ныне книголюбов, где экслибрис по-прежнему в цене и уважении? Может, в библиотеках? За ответом я обратился к Варюхиной Л. Н., заместителю директора Центральной городской библиотеки им. М. Л. Кропивницкого. И вот что узнал из этой беседы... Среди, пожалуй, самого значительного книжного собрания нашего города – 26 филиалов библиотек, около полумиллиона книг (в одной только Центральной библиотеке им. Кропивницкого их примерно 115 тысяч) – экслибрис встречается, но чрезвычайно редко. Это и понятно, его место занимает унифицированный библиотечный штамп, разнящийся, пожалуй, лишь номером филиала. Он обязателен и оговорен служебными инструкциями. Экслибрис же – элемент факультативный,

более того – случайный. Если он появляется, его заносят в соответствующую графу учётов и бережно хранят. Но, по сути, это касается лишь двух категорий – подаренных книг и экземпляров из фонда редкой книги...

Есть ли будущее у экслибриса? – спрашиваю я специалиста.

«Конечно, хочется в это верить... Но, судя по выставке «Николаевская книга – 2009», – говорит Любовь Николаевна Варюхина, – на которой мы делали экспозицию книжных знаков, молодёжь практически не знакома с таким элементом оформления личной библиотеки, как экслибрис, да и вообще с порядками и правилами собирательства книг, личного архива или частной библиотеки...»

И всё-таки хочется отметить некоторые положительные моменты... Есть у нас в городе люди, которые изготавливают экслибрисы. Один из них – это издатель Василий Торубара. У него заказывали экслибрисы такие авторы, как Ю. С. Крючков, В. В. Мацкевич, М. Терновский. Появилась даже традиция у николаевских авторов – дарить книги со своими экслибрисами. Например, все книги, подаренные Юрием Семёновичем Крючковым библиотеке им. Кропивницкого, имеют такие книжные знаки.

Есть и коллекционеры экслибрисов. Серьёзно этим увлекается Евгений Гордеевич Мирошниченко, наш известный николаевский филолог. Он предоставлял на библиотечную выставку образцы экслибрисов из своего личного собрания.

Особое место в небольшом собрании книжных знаков библиотеки занимает оттиск, похожий на стандартную украинскую гербовую печать. В центре, как водится, государственный трезубец, а по окружности надписи: «Дар з бібліотеки доктора Євгена Богдана Рослицького», «Спаси, Господи, і сохрани». Этим оттиском отмечены 24 книги, полученные в дар из библиотеки канадского учёного украинского происхождения доктора Евгена Богдана Рослицького. Он был не только известным учёным-микробиологом, но и активным общественным, политическим и культурным деятелем. Собранная библиотека стала отражением его жизненной позиции, той духовной нитью, которая все годы связывала учёного с родиной. В 2008 г. доктор Рослицький ушёл из жизни и завещал 1000 книг из своего собрания библиотекам Украины. Он бывал в Николаеве, был знаком с местной творческой интеллигенцией. Об этом рассказали автографы на переданных книгах. В разное время книги с автографами подарили учёному городской голова В. Д. Чайка, николаевские поэты Д. Креминь, В. Бойченко. Побывав на другой половине планеты, эти издания возвратились из далёкой Канады в родной город. Теперь они продолжают служить николаевцам, напоминая об удивительной объединяющей силе слова. А оттиски на них всегда будут напоминать читателям о хорошей традиции дарить библиотекам книги.

Таким образом, вопрос о второй жизни экслибриса – остаётся открытым. И хочется верить в лучшее – в возрождение значимости книги в жизни человека, а экслибриса – в книжных судьбах.

Алексей Торхов

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ ИЗ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ
 БИБЛИОТЕКИ ИМ. КРОПИВНИЦКОГО
 (ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ Е. Г. МИРОШНИЧЕНКО И В. В. МАЦКЕВИЧА)

ДОМ ЭРЛИХА НА СПАССКОЙ

Архитектором здания на ул. Спасской, 20, нынешней Детской художественной школы г. Николаева, считается Евгений Антонович Штукенберг. После окончания Петербургского строительного училища (1872–1880), получив звание гражданского инженера, он был назначен городским архитектором г. Симбирска. В 1886–1919 годах Штукенберг был командирован для работы в городскую управу Николаева, где под его руководством был построен городской водопровод и много интересных архитектурных сооружений.

Нынешнее здание Детской художественной школы вошло в историю архитектуры старого Николаева под названием «Дом Эрлиха».

Отрезок улицы Спасской между Наваринской и Пушкинской можно смело назвать «консульским кварталом»: именно здесь, в элитной части города, во II половине XIX века были построены консульские особняки, которые и по сегодняшний день являются украшением старого Николаева. Здесь в собственном доме № 20 (сейчас здание облздравотдела – Спасская, 18) жил купец I гильдии, потомственный почётный гражданин, российский подданный Иван Давыдович Эрлих. В апреле 1881 года он был утверждён в должности бельгийского вице-консула в г. Одессе. Крупный хлебный экспортёр Эрлих уже в 1885 г. был инициатором миллионного проекта строительства целой сети конно-железных дорог около порта между хлебными магазинами и железной пристанью, что предполагало разгрузку зерна непосредственно из вагонеток в трюмы пароходов, стоявших с обеих сторон эстакады. Эта идея стала толчком дальнейших действий правительства по организации Николаевского порта.

Сын Эрлиха, Александр, проживавший в доме по ул. Спасской, 20, в связи с выездом отца за границу в 1891 году принял заведование Бельгийским вице-консульством.

Купеческий дом Эрлиха построен в любимом стиле архитектора Штукенберга – «неомодерн». Асимметричное в плане здание имеет по главному фасаду четыре окна и смещённый на угол вход, над которым возвышается барочный бронзовый бельведер (башня) со скульптурой бегущего Меркурия наверху. Все окна и двери полукруглые в верхней части, украшены ажурной решёткой и обрамлены разнообразными архитектурными элементами. Арки средних трёх окон опираются на пилястры, а крайнее слева окно и двери обрамлены колоннами, которые, как и пилястры, опираются на выступающие тумбы. Карниз несёт аттики над входом и крайним левым окном. Здание поднято на цоколь, что создаёт впечатление величия при скромных размерах исторической части школы (557 кв. м).

Дом со скульптурой Меркурия на башне своим архитектурным стилем как бы соревнуется с пышно украшенным «барочным» соседним частным домом.

Решением № 1289 от 15.02.1972 г. исполкома Николаевского Совета депутатов трудящихся в особняке конца XIX в., являющемся памятником культуры и архитектуры местного значения, 1 сентября была открыта Детская художественная школа.

*Алексей Байборodin,
преподаватель ДХШ*

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

«ХУДОЖКА»: ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВДОХНОВЕНИЯ

Евгений Нагребальский, 15 лет. «Украинская птица».
Батик (преп. Кручинина Е. И.)

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

- новые стихи **Аркадия СУРОВА** и **Павла ТКАЧА**
- «три геопозы» **Вячеслава КУЛАКОВА**
- документальную повесть **Александра ТОПЧИЯ**
«Две жизни Владимира Зебека»
- воспоминания **Александра МИТРОФАНОВА**
«Как начиналось николаевское радио»

Александр Сайковский. «Птенцы осени», 2015 г.